

Говард Лавкрафт

Иные боги и другие истории (сборник)

Говард Филлипс Лавкрафт Иные боги и другие истории (сборник)

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6091927

Иные боги и другие истории: Роман, повести, рассказы: Иностранка,

Азбука-Аттикус; Москва; 2013

ISBN 978-5-389-06775-2

Аннотация

Говард Филлипс Лавкрафт, не опубликовавший при жизни ни одной книги, сделался маяком и ориентиром целого жанра, кумиром как широких читательских масс, так и рафинированных интеллектуалов, неиссякаемым источником вдохновения для кинематографистов, да и само его имя стало нарицательным. Сам Борхес восхищался его рассказами, в которых место человека – на далекой периферии вселенской схемы вещей, а силы надмирные вселяют в души неосторожных священный ужас.

Итак, вашему вниманию предлагаются повести и рассказы одного из самых влиятельных мифотворцев двадцатого века, причем в эталонных переводах.

Содержание

История Чарльза Декстера Варда	5
Глава первая	6
Глава вторая	25
Глава третья	85
Глава четвертая	132
Глава пятая	176
Конец ознакомительного фрагмента.	192

Говард Лавкрафт

Иные боги и другие истории (сборник)

© О. Алякринский, перевод, 2013

© И. Богданов, перевод, 2013

© В. Дорогокупля, перевод, 2013

© О. Мичковский, перевод, 2013

© Е. Нагорных, перевод, 2013

© Р. Шидфар, перевод, 2013

© ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2013

® Издательство Иностранка

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

История Чарльза Декстера Варда

1

Главные Соки и Соли (сиречь Зола) животных таким Способом приготавлиемы и сохраняемы быть могут, что Муж Знающий в силах собрать в Доме своем весь Ноев Ковчег, вызвав к жизни из праха Форму любого Животного по Желанию своему; подобным же Способом из основных Солей, содержащихся в человеческом Прахе, Философ может, не прибегая к запретной Некромантии, воссоздать Форму любого Усопшего Предка, где бы его Тело погребено ни было.

Бореллий²

¹ Роман написан в январе – марте 1927 года и опубликован в мае – июле 1941 года в журнале «Weird Tales». По мотивам этого произведения в США были сняты фильмы «Проклятый дворец» (1963; режиссер Роджер Корман) и «Воскресший» (1992; режиссер Дэн О'Бэннон).

² *Бореллий*, Джованни Альфонсо (1608–1679) – итальянский ученый, врач и астроном. Среди его многочисленных сочинений на самые разные темы особое место принадлежит классическому в своем роде труду о природе человеческого организма и механизме мускульных движений, послужившему теоретической основой для многих позднейших исследователей.

Глава первая

Развязка и пролог

1

Недавно из частной психиатрической клиники доктора Вейта, расположенной в окрестностях Провиденса, штат Род-Айленд, бесследно исчез чрезвычайно странный пациент. Молодой человек – его звали Чарльз Декстер Вард – был с большой неохотой отправлен в лечебницу убитым горем отцом, на глазах у которого умственное расстройство сына развивалось от невинных на первый взгляд странностей до глубочайшей мании, таившей в себе перспективу буйного помешательства либо полного перерождения личности. По признанию врачей, этот случай поставил их в тупик, поскольку в нем наблюдались необычные элементы как физиологического, так и сугубо психического свойства.

Прежде всего, пациент казался старше своих двадцати шести лет. Бесспорно, душевные болезни быстро старят, но здесь дело было не столько в его внешности, сколько в том едва уловимом выражении, какое обычно появляется лишь на лицах глубоких стариков. Во-вторых, жизненные процессы его организма протекали совершенно особенным обра-

зом, прежде неизвестным в медицинской практике. В дыхательной и сердечной деятельности больного наблюдалась загадочная аритмия; он почти лишился голоса и мог только шептать; пищеварение было до крайности замедленным, а нервные реакции на простейшие внешние раздражители не имели ничего общего со всеми наблюдавшимися ранее реакциями, будь они нормальными или патологическими. Кожа стала неестественно холодной и сухой; лабораторные исследования срезов тканей показали, что они приобрели необычную грубость и рыхлость. Большая овальная родинка на правом бедре рассосалась, а на груди появилось очень странное черное пятно, которого прежде не существовало. В целом все обследовавшие его врачи сходились во мнении, что процесс обмена веществ у Варда практически затормозился, и не могли найти этому феномену ни прецедента, ни какого-либо объяснения.

С точки зрения психики случай Чарльза Варда также был единственным в своем роде. Его безумие не походило ни на одну душевную болезнь, описанную даже в самых подробных и авторитетных научных источниках, и сопровождалось расцветом умственных способностей, которые могли бы сделать его гениальным ученым или выдающимся общественным деятелем, если бы не приняли столь неестественную и даже уродливую форму. Доктор Виллет, домашний врач Вардов, утверждает, что объем знаний его пациента в областях, выходящих за пределы его мании, неизмеримо возрос с

начала болезни. Нужно сказать, что Вард всегда питал склонность к научным занятиям, и особенно к изучению старины, но даже в самых блестящих из его ранних работ не видно той удивительной точности суждений и того умения вникнуть в самую суть предмета, которые он позднее обнаружил в разговорах с психиатрами. При наличии у молодого человека столь выдающихся способностей было нелегко добиться разрешения на его госпитализацию; и только ввиду засвидетельствованных многими людьми странностей поведения, а также незнания им самых элементарных вещей, что казалось невероятным при его интеллекте, Вард был наконец помещен под наблюдение в лечебницу для душевнобольных. До самого момента исчезновения он читал запоем и был блестящим собеседником, насколько это позволял его голос, на каком-то основании иные проницательные личности, и в мыслях не державшие возможность его побега, во всеуслышание предсказывали, что пребывание Варда в больничных стенах не затянется.

Только доктора Виллета, который в свое время помог Чарльзу Варду появиться на свет и с тех пор наблюдал за его телесным и духовным развитием, казалось, пугала сама мысль о выписке этого пациента из клиники, ибо доктору довелось пережить ужасные вещи и сделать чудовищные открытия, о которых он не решался поведать своим скептически настроенным коллегам. По правде говоря, сама по себе связь Виллета с этим случаем довольно таинственна. Он был

последним, кто видел пациента и общался с ним, причем по выходе из комнаты Варда лицо доктора выражало ужас и в то же время облегчение. Многие вспомнили об этом через три часа, когда стало известно, что больной сбежал. Обстоятельства этого бегства так и остались тайной, которую в клинике доктора Вейта никто не смог разгадать. Правда, окно в комнате было открыто, но оно выходило на отвесную стену высотой в шестьдесят футов. Как бы то ни было, после разговора с доктором Виллетом молодой человек исчез. Сам Виллет не представил каких-либо объяснений, но странным образом казался спокойнее, чем до бегства Варда. Чувствовалось, что он охотно рассказал бы о пациенте намного больше, но опасается, что ему просто не поверят. Доктор еще застал Варда в комнате, но после его ухода санитары долго стучались в дверь, не получая ответа. Когда они наконец проникли в комнату, больного там уже не было. Им удалось найти лишь кучку мелкого голубовато-серого порошка, и они едва не задохнулись, когда холодный апрельский ветер, дувший из распахнутого настежь окна, разнес порошок по комнате. Многие также отмечали жуткий вой, внезапно поднятый окрестными собаками, однако это произошло в то время, когда доктор Виллет еще находился в комнате; позднее же, в предполагаемый момент бегства, собаки вели себя спокойно. О побеге сразу же сообщили отцу Чарльза, но тот, казалось, был не столько удивлен, сколько опечален. Когда доктор Вейт позвонил Варду-старшему, тот уже был в курсе со-

бытий, поскольку его успел проинформировать Виллет; оба решительно отрицали, что имеют какое-либо отношение к бегству. Кое-какую дополнительную информацию о Чарльзе удалось получить от близких друзей Виллета и Варда-старшего, но эти сведения выглядели слишком фантастическими для того, чтобы внушать доверие. Единственно неоспоримым остается лишь тот факт, что до сего времени так и не обнаружено никаких следов пропавшего безумца.

Чарльз Вард с детства очень интересовался стариной, испытывая особое влечение к древним кварталам родного города и к реликвиям прошлого, которыми был наполнен старинный дом его родителей на Проспект-стрит, стоявший на самой вершине холма. С годами его преклонение перед всем, связанным с прошлым, лишь усиливалось; так что история, генеалогия, изучение архитектуры, мебели и ремесел колониального периода вытеснили все другие его интересы. Эти склонности нужно всегда иметь в виду, анализируя его душевную болезнь, ибо хотя они и не были ее источником, но сыграли важную роль в ее последующих проявлениях. Все отмеченные психиатрами провалы в памяти касались исключительно современных реалий, компенсируясь обширными, хотя и тщательно скрываемыми пациентом знаниями о самых разных вещах, относящихся к прошлому, – зачастую эти знания выявлялись лишь в ходе специального врачебного опроса. Казалось, пациент мысленно переносился в отдаленные века, обладая неким подобием ясновидения. Одна-

ко с развитием болезни Вард, судя по всему, перестал интересоваться антиквариатом. Он утратил былое почтение к старине, теперь относясь к ней как к чему-то известному и даже надоевшему; и все его усилия были направлены на познание обычных реалий современного мира, которые, как в этом убедились врачи, полностью изгладились из его памяти. Он тщательно скрывал свое незнание общеизвестных вещей, но всем наблюдателям было ясно, что выбор им книг для чтения и его беседы с окружающими отмечены лихорадочным стремлением впитать эти факты, как можно больше узнать о собственной, забытой им биографии, особенностях повседневной жизни и культуры XX столетия, которые он и без того должен был хорошо знать, ибо родился в 1902 году и получил вполне современное образование. После его бегства психиатры выражали сомнение, что он сможет адаптироваться в окружающем мире, почти ничего об этом мире не зная. Некоторые считали, что он «ушел в подполье» и затаился, временно удовлетворившись самым скромным существованием, пока не сравняется знаниями со своими современниками.

Медики расходятся во мнениях относительно того, когда впервые проявилось безумие Варда. Доктор Лайман, бостонская знаменитость, утверждает, что это произошло в 1919 или 1920 году, когда юноша закончил школу Мозеса Брауна и внезапно перешел от изучения прошлого к занятиям оккультными науками, отказавшись сдавать выпускные экза-

мены на том основании, что занят исследованиями, которые для него гораздо важнее. Это подтверждалось резким изменением привычек Варда – он стал проводить много времени, роаясь в городских архивах и разыскивая на старых кладбищах могилу одного своего предка по имени Джозеф Карвен, погребенного в 1771 году. Кое-что из личных бумаг этого человека Вард, по его собственному признанию, случайно обнаружил в старом квартале Стемперс-Хилл, за облицовкой стены ветхого дома в Олни-Корт, где некогда обитал Карвен. Как бы то ни было, не подлежит сомнению тот факт, что зимой с 1919-го на 1920 год в характере Чарльза Варда произошла бесспорная перемена: он внезапно прекратил свои изыскания по истории колониального периода и со всей страстью погрузился в тайны мистических наук, изучая их как на родине, так и за границей, и настойчиво продолжал поиски могилы своего далекого предка.

Однако доктор Виллет ни в коей мере не разделяет мнение Лаймана, основывая собственные выводы на близком и длительном знакомстве с пациентом, а также на неких рискованных исследованиях и ужасных открытиях, которые были им сделаны за последнее время. Все это сильно отразилось на состоянии доктора: голос его прерывается, когда он говорит о тех событиях, а рука сильно дрожит, когда он пытается изложить их на бумаге. Виллет допускает, что изменения, происшедшие в 1919–1920 годах, ознаменовали начало прогрессирующего ухудшения, завершившегося в 1928

году страшной и неестественной трансформацией, но на основе личных наблюдений отмечает здесь более тонкое различие. Признавая, что Чарльз всегда отличался неуравновешенным характером и был склонен слишком бурно реагировать на окружающее, он отказывается согласиться с тем, что происшедшая ранее перемена ознаменовала переход от нормального состояния к болезни; вместо этого он склонен поверить самому Варду, утверждавшему, что он открыл или воссоздал нечто, оказывающее глубокое и удивительное воздействие на человеческую природу.

Доктор Виллет уверен, что истинное безумие началось позже, когда Вард отыскал портрет Карвена и старинные документы; после путешествия за границу, в далекие таинственные уголки света, где во время совершения неведомых обрядов были произнесены ужасные заклинания, на которые откликнулись страшные силы; после того, как при неизвестных обстоятельствах измученный и полный страха юноша написал свое отчаянное письмо. Истинное безумие Варда, полагал доктор, началось после эпидемии вампиризма и серии необъяснимых происшествий, о которых много говорили в Потаксете, когда из памяти пациента стали выпадать сведения, связанные с современностью, когда он лишился голоса и организм его претерпел на первый взгляд незначительные изменения, позднее замеченные всеми.

Виллет настаивает, что именно с этого времени Вард приобрел некоторые свойства, которые обычным людям могут

привидеться разве что в кошмарном сне; по его словам, существуют достаточно солидные свидетельства, подтверждающие слова юноши о находке, которой суждено было сыграть роковую роль в его жизни. Прежде всего, двое строительных рабочих, надежные и наблюдательные люди, присутствовали при обнаружении старинных бумаг, принадлежавших Джозефу Карвену. Во-вторых, Вард, тогда еще совсем юный, однажды показал доктору эти бумаги, в том числе страничку из дневника Карвена, и подлинность их не вызвала никакого сомнения. Сохранилось отверстие в стене, где Вард, по его словам, нашел документы, и доктор Виллет навсегда запомнил тот миг, когда видел их в последний раз при обстоятельствах, реальность которых трудно осознать и невозможно доказать. К этому следует добавить полные скрытого смысла совпадения в письмах Орна и Хатчинсона; странности, связанные с почерком Карвена; сведения о некоем докторе Аллене, добытые детективами, а также послание, написанное средневековыми угловатыми буквами и обнаруженное доктором Виллетом в своем кармане, когда он очнулся от забытья после одного смертельно опасного приключения.

Но самым убедительным является результат, достигнутый доктором, когда он применил формулу, выявленную в ходе его последних изысканий, – результат, неопровержимо доказавший подлинность бумаг и их чудовищное значение, хотя сами бумаги стали навеки недоступны людям.

Чарльз Вард провел юные годы в атмосфере столь любимой им старины. Осенью 1918 года он поступил на первый курс школы Мозеса Брауна, что неподалеку от его дома, выказав похвальное рвение в обязательной для того времени военной подготовке. Старинное главное здание школы, возведенное в 1819 году, всегда привлекало юного историка; ему нравился и живописный обширный парк, окружавший школу. Мало бывая в обществе, большую часть своего времени он проводил дома, часто совершал долгие прогулки, прилежно учился и маршировал на плацу. При этом он не оставлял своих исторических и генеалогических изысканий в городском архиве, мэрии и ратуше, публичной библиотеке, Атенеуме, Историческом обществе, в библиотеке Джона Картера Брауна и Джона Хея в университете Брауна, а также в недавно открытой библиотеке Шепли на Бенефит-стрит. Это был высокий, худощавый и светловолосый юноша с серьезными глазами; он немного сутулился, одевался с легкой небрежностью и производил впечатление не очень привлекательного, неловкого, но вполне приличного молодого человека.

Его прогулки всегда представляли собой нечто вроде путешествия в прошлое, и ему удавалось из множества деталей, оставшихся от бывшего великолепия, воссоздавать кар-

тину ушедших веков. Варды занимали большой особняк в георгианском³ стиле, стоявший на довольно крутом холме к востоку от реки. Из задних окон своего флигеля Чарльз мог с головокружительной высоты любоваться тесно сгруппированными шпилями, куполами и остроконечными кровлями Нижнего города, раскинувшегося на фоне пурпурных холмов и полей предместий. В этом доме он родился, и отсюда, из красивого классического портика с двойным рядом колонн, няня впервые выкатила его в колясочке, чтобы затем провезти мимо маленькой белой фермы, построенной два века тому назад и давно уже поглощенной городом, к солидным зданиям колледжей, выстроившихся вдоль уважаемой улицы, где квадратные кирпичные особняки и деревянные здания поменьше, с узкими портиками, обрамленными колоннами в дорическом стиле, дремали, отгородившись от мира щедро отмеренными пространствами садов и цветников.

Его катали в колясочке и вдоль сонной Конгдон-стрит, расположенной на крутом склоне холма, так что по ее восточной стороне дома поднимались крутыми уступами. Эти небольшие деревянные дома сохранились с тех времен, когда растущий город карабкался вверх по холму, и во время таких прогулок маленький Вард постигал колорит старого

³ *Георгианский* – относящийся ко времени правления одного из трех королей Ганноверской династии, поочередно занимавших английский трон на протяжении более ста лет: Георга I (1714–1727), Георга II (1727–1760) и Георга III (1760–1820).

поселения времен колонизации. Няня обычно любила посидеть на скамейке у Проспект-Террас и поболтать с полицейским; одним из первых детских воспоминаний Варда было подернутое легкой туманной дымкой море крыш, куполов и шпилей, простирающееся к западу, и дальние холмы, которые он увидел однажды в зимний день с этой огромной огороженной террасы окрашенными в мистический фиолетовый цвет на фоне горящего красным, золотым и пурпурным огнем апокалипсического заката, подцвеченного странными зелеными лучами. Высокий мраморный купол ратуши выделялся сплошной темной массой, а венчавшая его статуя, на которую упал случайный солнечный луч из разрыва в облаках на пылающем небе, была окружена фантастическим ореолом.

Когда Чарльз подрос, начались его бесконечные прогулки; сначала мальчик нетерпеливо тащил за руку свою няню, а потом уже ходил один, предаваясь мечтательному созерцанию. Он устремлялся наудачу все ниже и ниже по крутому склону, каждый раз достигая все более древних и удивительных уголков старого города. Предвкушая новые открытия, он недолго колебался перед тем, как спуститься по почти отвесной Дженкс-стрит, где дома были ограждены каменными заборами, а вход затеняли навесы в колониальном стиле, до тенистого уголка Бенефит-стрит, где прямо перед ним возвышался древний дом – настоящий музейный экспонат с двумя входами, каждый из которых окружали пилястры в

ионическом стиле; рядом – почти «доисторическое» строение с двускатной крышей, с остатками скотного двора и других фермерских пристроек, а чуть поодаль – грандиозный особняк судьи Дюфри в блеске бывшего георгианского величия. Сейчас это уже были трущобы; но гигантские тополя бросали вокруг живительную тень, и мальчик шел дальше к югу, вдоль длинных рядов зданий, возведенных еще до Революции⁴, с высокими трубами в самой середине дома и классическими порталами. На восточной стороне улицы они стояли на высоких фундаментах, а к дверям вели два марша каменных ступеней, и маленький Вард мог представить себе, как выглядели эти дома, когда улица была еще совсем молодой, – он словно видел красные каблуки и пудренные парики людей, идущих по каменной мостовой, сейчас почти совсем стертой.

С западной стороны холма почти такой же крутой склон вел к старой Таун-стрит, которую основатели города заложили вдоль берега реки в 1636 году. Этот склон прорезали бесчисленные тропинки, вдоль которых скучились полуразвалившиеся ветхие домишки, построенные в незапамятные времена. Как ни очарован был ими Чарльз, он далеко не сразу осмелился спуститься в этот древний лабиринт, боясь, что они окажутся лишь призрачными видениями либо воротами в неведомый ужас. Он считал гораздо менее риско-

⁴ *Революция* – здесь имеется в виду американская Война за независимость 1775–1783 гг.

ванным продолжать свои прогулки вдоль Бенефит-стрит, где за железной оградой прятался двор церкви Святого Иоанна, мимо построенного в 1761 году здания колониальной администрации и полуразвалившегося постоянного двора «Золотой шар», в котором когда-то останавливался Вашингтон. Стоя на Митинг-стрит – прежде именовавшейся Тюремной, а позднее Королевской улицей, – он смотрел вверх на восток и видел изгибающуюся дугой лестницу, в которую переходило шоссе; внизу, на западе, он различал старое кирпичное здание школы, напротив которого, через дорогу, до Революции висела старинная вывеска с изображением головы Шекспира на доме, где печатались «Провиденс газетт» и «Кантри джорнал». Потом шла изысканная Первая Баптистская церковь постройки 1775 года, особую красоту которой придавали несравненная колокольня в стиле Гиббса⁵, георгианские кровли и купола. Отсюда к югу состояние улиц заметно улучшалось, появлялись группы небольших особнячков; но все еще много было давным-давно протоптанных тропинок, которые вели по крутому склону вниз на запад, где скученные дома с архаичными островерхими крышами казались призрачными, находясь на разных стадиях живописного разложения. Эти дома стояли там, где извилистая набережная и

⁵ ...колокольня в стиле Гиббса... – Британский архитектор Джеймс Гиббс (1682–1754), в отличие от его предшественников, при возведении церковью располагал колокольню не с краю, а непосредственно над центром здания; пример тому – построенная им церковь Святого Мартина на Трафальгарской площади в Лондоне.

старый порт, казалось, еще помнили эпоху колонизации с ее пороками, богатством и нищетой. Здесь на полусгнивших верфях светили мутноглазые корабельные фонари, а улочки носили многозначительные названия: Добыча, Слиток, Золотой переулочок, Серебряный тупик, Монетный проезд, Дублон, Соверен, Гульден, Доллар, Грош и Цент.

Когда Вард стал немного старше и уже отваживался на более рискованные приключения, он иногда спускался в этот водоворот покосившихся и готовых рухнуть домишек, сломанных шпангоутов, угрожающе скрипящих ступеней, шатающихся перил, черных от загара и грязи лиц и неведомых запахов; он проходил от Саут-Мейн до Саут-Уотер, забредая в доки, где, вплотную соприкасаясь бортами, доживали свой век старые пароходы, и возвращался северной дорогой вдоль берега, мимо построенных в 1816 году складов с крутыми крышами и сквера у Большого моста, близ которого выгибало свои арки все еще крепкое здание городского рынка, построенное в 1773 году. В этом сквере он останавливался, впитывая в себя пьянящую красоту старого города, что возвышался на востоке в смутной дымке тумана, прорезываемого шпилями колониальных времен и увенчанного массивным куполом новой церкви «христианской науки»⁶, как Лондон увенчан куполом храма Святого Павла. Больше все-

⁶ «Христианская наука» – протестантская секта, основанная в 1870-х гг. в США Мэри Бейкер Эдди (1821–1910) и практикующая т. н. духовное врачевание.

го ему нравилось приходить сюда перед закатом, когда косые лучи солнца падают на здание городского рынка, на ветхие кровли на холме и стройные колокольни, окрашивая их золотом, придавая волшебную таинственность сонным верфям, где раньше бросали якорь купеческие корабли, приходившие в Провиденс со всего света. После долгого созерцания он ощущал, как кружится голова от щемящего чувства любви к этой прекрасной картине. Тогда он поднимался по склону, возвращаясь домой уже в сумерках, мимо старой белой церкви, по узким крутым улочкам, где желтый свет уже просачивался сквозь маленькие окошки, расположенные высоко над двумя маршами каменных ступеней с перилами кованого чугуна.

Позже в ходе своих прогулок Вард стал выказывать предпочтение резким контрастам. Часть времени он посвящал пришедшим в упадок кварталам колониального времени к северо-западу от дома, где находился нижний уступ холма – Стемперс-Хилл с его гетто и негритянским кварталом, расположенным вокруг станции, откуда прежде отправлялись почтовые кареты до Бостона. Затем он шел в иную часть города, царство красоты и изящества, на Джордж-, Бенсволлент-, Пауэр– и Вильямс-стрит, где зеленые склоны хранят в первозданном виде роскошные особняки и обнесенные стенами сады, а наверх ведет крутая, затененная густой зеленью дорога, с которой связано столько приятных воспоминаний. Все эти скитания, вкупе с прилежным изучением историче-

ских документов, бесспорно способствовали тому, что Вард приобрел необычайно широкую эрудицию во всем, что касалось старины, и эти знания в конце концов полностью вытеснили современный мир из сознания Чарльза; они подготовили почву, на которую в роковую зиму 1919/20 года пали семена, давшие столь необычные и ужасные всходы.

Доктор Виллет уверен, что до этой злополучной зимы, когда были отмечены первые изменения в характере Варда, его занятия стариной не содержали ничего патологического и мистического. Кладбища привлекали его лишь оригинальностью памятников и своей исторической ценностью; в нем не замечалось ничего похожего на страсть к насилию, не было никаких проявлений жестоких инстинктов. Затем, постепенно и почти незаметно, стали обнаруживаться любопытные последствия одного из его самых блестящих генеалогических открытий, которое он сделал годом ранее, обнаружив, что среди его предков по материнской линии был некий Джозеф Карвен, проживший необычайно долгую жизнь. Карвен приехал в Провиденс из Салема в марте 1692 года, и о нем передавали шепотом множество странных и внушающих ужас историй.

Прапрадед Варда, Велкам Поттер, в 1785 году взял в жены некую Энн Тиллингест, дочь миссис Элизы и внучку капитана Джеймса Тиллингеста, о котором в семье не осталось никаких воспоминаний. В конце 1918 года молодой любитель истории и генеалогии, изучая городские акты, обнару-

жил запись об узаконенном властями изменении фамилии: в 1772 году миссис Элиза Карвен, вдова Джозефа Карвена, а также ее семилетняя дочь Энн вернули себе девичью фамилию матери – Тиллингест. «Понеже имя ее Супруга звучит как Упрек в устах местных жителей по Причине того, что стало известно после его Кончины; последняя подтвердила дурную славу, за ним по общему Мнению укрепившуюся, чему не могла поверить верная Долгу своему законная его Супруга до тех пор, пока о Слухах сих была хотя бы тень Сомнения». Эта запись была найдена исследователем совершенно случайно, когда он разлепил два листа книги, которые были специально и довольно тщательно склеены и пронумерованы как один лист.

Чарльзу Варду сразу стало ясно, что он нашел до сих пор неизвестного прапрапрадеда. Открытие это взволновало его вдвойне, потому что он уже слышал кое-что о Карвене и находил в старых текстах неясные намеки, относящиеся к этому человеку, о котором осталось так мало доступных сведений; некоторые документы были выявлены лишь в последнее время.

Создавалось впечатление, что существовал какой-то заговор, целью которого было полностью изгнать из памяти жителей города имя Карвена. Но те воспоминания, которые сохранились о нем, и дошедшие документы были настолько странными и пугающими, что невольно возникало желание узнать, что же именно так тщательно пытались скрыть и пре-

дать забвению составители городских хроник колониального времени – надо полагать, у них были для этого достаточно веские причины.

До своего открытия Чарльз Вард относился к Карвену с чисто романтическим интересом; но, обнаружив, что состоит в родстве с этим таинственным субъектом, само существование которого пытались скрыть, он начал систематические поиски, буквально выкапывая из-под земли все, что касалось этого человека. В лихорадочном стремлении узнать как можно больше о своем отдаленном предке он преуспел больше, чем мог даже надеяться, ибо в старых письмах, дневниках и мемуарах, найденных им на затянутых густой паутиной чердаках старых домов Провиденса и во многих других местах, содержалось немало сведений, которые не казались писавшим настолько важными, чтобы их скрывать. Дополнительный свет пролили важные документы из столь далеко расположенного от Провиденса города, как Нью-Йорк, где в музее Френсис-Таверн на Лонг-Айленде хранилась переписка колониального периода. Но решающей находкой, которая, по мнению доктора Виллета, послужила главной причиной случившегося с Чарльзом Вардом, стали бумаги, найденные в августе 1919 года за облицовкой полуразрушенного дома в Олни-Корт. Именно они открыли перед юношей путь к черной бездне глубочайшего падения.

Глава вторая

Предыстория и трагедия

1

Согласно легендам, передававшимся изустно и частью сохранившимся в найденных Вардом документах, Джозеф Карвен был поразительным, загадочным и внушающим неясный ужас субъектом. Он бежал из Салема в Провиденс – город, традиционно дававший приют всему необычному, свободному и протестующему, – в самом начале великой охоты на ведьм⁷, опасаясь, что будет осужден из-за своей склонности к затворничеству и весьма подозрительным химическим или алхимическим экспериментам. Это был человек довольно бесцветного вида, лет под тридцать; очень скоро его сочли достойным стать полноправным гражданином города Провиденс, и он купил участок для постройки дома к северу от дома Грегори Декстера, в начале Олни-стрит. Его дом был возведен на холме Стемперс к западу от Таун-стрит, в месте,

⁷ *Великая охота на ведьм* – имеются в виду массовые преследования лиц, подозреваемых в «сношениях с дьяволом», проходившие в североамериканских колониях Англии в последние годы XVII века. Город Салем, расположенный неподалеку от Бостона, прославился как место самого крупного «ведьмовского процесса».

которое позже стало называться Олни-Корт; а в 1761 году он перестроил этот особняк, в том же виде сохранившийся до сих пор.

Первая странность Джозефа Карвена заключалась в том, что он как будто совершенно не старел и всегда выглядел так же, как по прибытии в Провиденс. Он приобрел верфи близ Майл-Энд-Ков, снаряжал корабли, принимал участие в перестройке Большого моста в 1713 году и был в числе основателей церкви Конгрегации в 1723-м, и при этом всегда казался человеком неопределенного возраста, однако не старше тридцати – тридцати пяти лет. Когда прошло несколько десятилетий со времени его прибытия в Провиденс, это странное явление было замечено всеми; Карвен всегда объяснял его тем, что предки его были людьми крепкими, а сам он предпочитает простую жизнь без излишеств, благодаря чему смог хорошо сохраниться. Горожанам было не совсем ясно, как можно согласовать слова о простой жизни с постоянными ночными путешествиями купца, никого не посвящавшего в свои тайны, а также со странным светом, который всю ночь виднелся из его окон; и они были склонны приписать его молодость и долголетие совсем другим причинам. Многие считали, что он обязан этим химическим опытам, постоянному смешиванию и выпариванию разнообразных веществ. Поговаривали о каких-то подозрительных субстанциях, которые он привозил на своих кораблях из Лондона и с островов Вест-Индии или выписывал из Ньюпорта,

Бостона и Нью-Йорка; а с той поры как старый доктор Джей-бз Бовен по приезде из Рехобота открыл напротив Большого моста свою аптеку под вывеской «Единогор и ступка», начались разговоры о разных зельях, кислотах и металлах, которые молчаливый отшельник покупал и заказывал у доктора. Подозревая, что Карвен обладает чудесными, никому, кроме него, не доступными медицинскими знаниями, множество людей, страдающих разными болезнями, обращались к нему за помощью. Но хотя он всегда давал им в ответ на их просьбы декокты⁸ необычного цвета, было замечено, что его советы и лекарства приносили очень мало пользы. Наконец, когда прошло свыше пятидесяти лет с того дня, как он поселился в городе, а между тем его лицо и весь внешний вид свидетельствовали о том, что он постарел от силы лет на пять, по городу поползли зловещие слухи – и теперь уж люди были довольны, что Карвен ни с кем не общается, предпочитая одиночество.

Частные письма и дневники, относящиеся к тому времени, рассказывают и о многих других причинах, по которым люди дивились Джозефу Карвену, боялись его и наконец стали избегать как чумы. Всем известна была его страсть к посещению кладбищ, где его видели в любое время суток и при разных обстоятельствах, однако никто не мог обвинить

⁸ *Декокт* – жидкая лекарственная форма, получаемая в результате отваривания коры, корней или иного растительного сырья с последующим процеживанием отвара.

его в каком-нибудь святотатственном деянии. У него была ферма на Потаксет-роуд, где он обыкновенно проводил лето и куда, по свидетельству очевидцев, часто направлялся верхом в жаркий полдень или в самое глухое время ночи. Там его единственными слугами и работниками была супружеская чета индейцев из племени наррагансет – немой мужчина, покрытый какими-то странными шрамами, и его жена, невероятно уродливая, может быть, из-за примеси негритянской крови. В пристройке к дому помещалась лаборатория, где проводились химические опыты. Любопытные возчики и рассыльные, которые доставляли на ферму бутылки, флаконы, мешки и ящики, внося их через низкую заднюю дверь в комнату с множеством настенных полок, делились своими впечатлениями о виденных там плоских стеклянных колбах, тиглях для плавки металлов, перегонных кубах и жарко пылающих печах; они пророчествовали шепотом, что молчаливый «химик» (они хотели сказать «алхимик») скоро обязательно найдет философский камень⁹.

Ближайшие соседи Карвена – Феннеры, жившие за четверть мили от фермы, – рассказывали еще более удивительные вещи о звуках, которые ночью доносились из сельского дома Карвена. Это были пронзительные вопли, говорили они, и какой-то сдавленный вой; им казалось подозритель-

⁹ *Философский камень* («камень мудрецов», «эликсир», «тинктура») – по представлениям средневековых алхимиков, чудодейственное вещество, способное обращать любые неблагородные металлы в золото, излечивать все болезни и возвращать молодость.

ным, что на ферму доставлялось по разным дорогам огромное количество всякой еды и одежды, так как трудно было вообразить, чтобы одинокий пожилой джентльмен и пара слуг могли съесть столько молока, мяса и хлеба и изнашивать столько комплектов прочного шерстяного платья. Каждую неделю доставлялись новые припасы, а с ферм Кингстона гнали целые стада скота. Мрачное впечатление оставляло также большое каменное здание во дворе фермы, у которого вместо нормальных окон были прорезаны узкие бойницы.

Бездельники, день и ночь шатавшиеся по Большому мосту, многое могли рассказать и о городском доме Карвена в Олни-Корт – не столько о его новом особняке, построенном в 1761 году, когда отшельнику должно было исполниться сто лет, сколько о его первом доме, низеньком, со старинной мансардой, чердаком без окон и стенами, обшитыми тесом. После сноса этого дома Карвен очень внимательно проследил за тем, чтобы все бревна и доски были сожжены. Этот дом был не таким загадочным в сравнении с фермой – однако свет в его окнах, появлявшийся в самые неурочные часы, несокрушимое молчание двух чернокожих, вывезенных неведомо откуда и бывших единственной прислугой в доме, внушавшее ужас неразборчивое бормотание невероятно старого француза-домоправителя, ни с чем не сообразное количество пищи, доставляемое, по свидетельству очевидцев, в дом, где проживало только четыре человека, странные и пу-

гающие голоса, которые вели приглушенные споры в совершенно неподходящее для этого время, – все это вместе со слухами, ходившими о ферме в Потаксете, принесло этому месту недобрую славу.

В высшем обществе Провиденса также не обходили вниманием дом Карвена, ибо по приезде сюда он постепенно завелся связями в церковных и торговых кругах, к которым естественным образом принадлежал по своему образованию и воспитанию. Он был из хорошей семьи – салемские Карвены пользовались широкой известностью в Новой Англии. В городе узнали, что Джозеф Карвен еще в ранней юности много путешествовал, некоторое время прожил в Англии и совершил по крайней мере две поездки на Восток; его речь, когда он достаивал кого-нибудь разговором, вполне могла исходить из уст образованного и изысканно воспитанного англичанина. Но по неизвестным причинам Карвен не любил общества. Никогда не проявляя явной невежливости к посетителям, он был чрезвычайно сдержан, словно воздвигая между ними и собой невидимую стену, так что гости не знали, о чем вести беседу, опасаясь, что их слова будут сочтены нелепыми и глупыми.

В его поведении сквозило какое-то загадочное, презрительное высокомерие, словно он, общаясь с некими неведомыми и могучими существами, стал считать людей скучными и ничтожными. Когда доктор Чекли, знаменитый остро слов, назначенный пастором в Королевскую церковь, при-

ехал в Провиденс из Бостона в 1733 году, он не упустил случая посетить человека, о котором так много слышал; но визит был весьма кратковременным, потому что он уловил некий мрачный подтекст в речах любезного хозяина. Однажды зимним вечером, когда Чарльз беседовал со своим отцом о Карвене, юноша сказал, что много дал бы, чтобы узнать, какие слова таинственного предка так поразили жизнерадостного пастора, при том что все составители мемуаров в один голос подтверждают нежелание доктора Чекли повторить хоть что-нибудь из услышанного. Несомненно одно: сей достойный джентльмен был поистине шокирован и с тех пор при одном упоминании имени Карвена вмиг лишался своей прославленной веселости.

Более определенной и ясной была причина, по которой еще один образованный и почтенный человек избегал общества высокомерного отшельника. В 1746 году мистер Джон Меррит, пожилой английский джентльмен, имеющий склонность к литературе и науке, приехал из Ньюпорта в Провиденс, который к тому времени уже затмил былую славу Ньюпорта, и построил красивый загородный дом на Перешейке, в месте, которое сейчас стало центром лучшего жилого района. Он жил как английский аристократ, окружив себя комфортом и роскошью, первым в городе стал держать коляску с ливрейным лакеем на запятках и очень гордился своими телескопом, микроскопом и тщательно собранной библиотекой, состоящей из книг на английском и латинском язы-

ках. Услышав, что Карвен является владельцем лучшего собрания книг в городе, мистер Меррит сразу же нанес ему визит и был принят с гораздо большей сердечностью, чем кто-либо из прежних посетителей. Его восхитила огромная библиотека хозяина дома, где на широких полках рядом с греческими, латинскими и английскими классиками разместилось солидное собрание философских, математических и прочих научных трудов, в том числе сочинения Парацельса¹⁰, Агриколы¹¹, Ван Хельмонта¹², Сильвиуса¹³, Глаубера¹⁴,

¹⁰ *Парацельс* (наст. имя Филипп Ауреол Теофраст Бомбаст фон Гогенгейм) (1493–1541) – врач и естествоиспытатель, одним из первых подвергший критическому пересмотру идеи и методы древних врачей. Способствовал внедрению химических препаратов в медицину. Новые идеи Парацельса противостояли традиционной средневековой алхимии и в то же время были в значительной мере основаны на общих с ней принципах.

¹¹ *Агрикола* (наст. имя Георг Бауэр) (1494–1555) – немецкий ученый, автор 12-томного трактата «О горном деле», который вплоть до XVIII века служил основным пособием по геологии, горному делу и металлургии. Яростно критикуя алхимию, он, однако, в последние годы жизни сам занялся поиском способов превращения неблагородных металлов в золото.

¹² *Ван Хельмонт*, Иоганн Баптист (1577–1644) – фламандский ученый-химик, один из виднейших последователей Парацельса, придавший его идеям научное направление. Прославился своими якобы удачными опытами по получению алхимического золота.

¹³ *Сильвиус*, Якобус (он же Жак Дюбуа) (1478–1555) – французский анатом, одним из первых начавший проводить исследования с использованием человеческих трупов.

¹⁴ *Глаубер*, Иоганн Рудольф (1604–1670) – немецкий химик и врач, рассматривал болезни как результат нарушения химического равновесия в организме и ставил задачу поиска химических средств их лечения. Впервые получил в чистом

Бойля¹⁵, Бургаве¹⁶, Бехера¹⁷ и Штала¹⁸. Это искреннее восхищение побудило Карвена предложить своему гостю посмотреть также ферму и лабораторию, куда он никого прежде не приглашал; и они тотчас же вместе отправились туда в коляске Меррита.

Мистер Меррит говорил впоследствии, что не видел на ферме ничего действительно ужасного, но утверждал, что сами названия сочинений, посвященных магии, алхимии и теологии, которые Карвен держал в комнате перед лабораторией, внушили ему непреодолимое отвращение. Возможно, этому немало способствовало и выражение лица хозяина фермы, когда он демонстрировал свои приобретения. Странное это собрание, наряду со множеством редкостей, которые мистер Меррит охотно поместил бы, по собственному его признанию, в свою библиотеку, включало труды почти всех

виде многие соли, в том числе названную по его имени глауберову соль.

¹⁵ *Бойль*, Роберт (1627–1691) – английский химик и физик. Ввел в химию экспериментальный метод, положил начало химическому анализу и установил один из основных газовых законов (закон Бойля – Мариотта).

¹⁶ *Бургаве*, Герман (1668–1738) – голландский врач и химик, основавший в Лейдене крупную клиническую школу и имевший учеников и последователей во всех странах Европы.

¹⁷ *Бехер*, Иоганн Иоахим (1635–1682) – университетский профессор химии, лейб-медик майнцского курфюрста; с помощью различных алхимических средств пытался найти «огненную материю».

¹⁸ *Шталь*, Георг Эрнст (1659–1734) – немецкий химик и врач; сформулировал первую общую химическую теорию, впоследствии опровергнутую Антуаном Лавуазье.

каббалистов¹⁹, демонологов и знатоков черной магии; оно было также настоящей сокровищницей знаний в подвергаемой здравомыслящими людьми сомнению области алхимии и астрологии. Мистер Меррит увидел здесь Гермеса Трисмегиста²⁰ в издании Менара, книгу «*Turba Philosophorum*»²¹, «Книгу исследований» Аль-Джабера²², «Ключ мудрости» Артефия²³, каббалистический «Зохар»²⁴, Альберта Велико-

¹⁹ *Каббала* – мистическое учение, соединявшее иудейскую традицию аллегорического толкования Библии с элементами, заимствованными у неоплатоников и гностиков. Так называемая практическая каббала основана на вере в то, что при помощи специальных ритуалов и молитв человек может активно вмешиваться в божественно-космический процесс.

²⁰ *Гермес Трисмегист* («Трижды величайший») – легендарный античный мудрец. В его сочинениях изложены знания, которые якобы были поведаны ему самим Гермесом (древнегреческим богом торговли и покровителем магии) и дают всеобъемлющее представление о загадках мира. В эпоху эллинизма и поздней античности на основе его откровений, дополненных многочисленными трудами его последователей по астрологии, алхимии, магии и оккультизму, сложилось религиозно-философское учение «герметизм», оказавшее заметное влияние на мистическую традицию Средневековья и эпохи Возрождения.

²¹ «*Turba Philosophorum*» – один из древнейших латинских алхимических трактатов, созданный в XII веке. Представляет собой компиляцию из сочинений выдающихся ученых и философов.

²² *Аль-Джабер* (Джабир ибн Хайян) (ок. 721 – ок. 815) – арабский ученый, писавший свои труды на арабском и латинском языках. Наиболее известны его сочинения по алхимии, в которых даны описания многих химических операций.

²³ *Артефий* – полуполюгендарный средневековый алхимик, которому приписывают один из рецептов получения философского камня.

²⁴ «*Зохар*» (от *евр.* «блеск, сияние») – мистический комментарий к Пятикнижию Моисееву; одно из главных литературных произведений «умозрительной Каббалы», написанное в Испании в конце XIII века предположительно Моше де

го²⁵ в издании Питера Джемми, «Великое и непревзойденное искусство» Раймунда Луллия²⁶ в издании Зетцнера, «Сокровищницу алхимии» Роджера Бэкона²⁷, «Ключ к алхимии» Фладда²⁸, сочинение Тритемия²⁹ «О философском камне». В изобилии были представлены средневековые еврейские и арабские мистики, и доктор Меррит побледнел, когда, сняв с полки том, носящий невинное название «Закон ислама», увидел, что в действительности это запрещенный и подверг-

Леоном (по другой версии «Зохар» представляет собой лишь последнюю редакцию сочинений, создававшихся на протяжении долгого времени, начиная со II века).

²⁵ *Альберт Великий* (Альберт фон Больштедт; ок. 1193–1280) – немецкий философ и теолог. Начал энциклопедическую систематизацию католического богословия; кроме чисто философских сочинений писал трактаты на различные темы, большей частью о минералах, растениях и животных.

²⁶ *Луллий*, Раймунд (ок. 1235 – ок. 1315) – философ, теолог и поэт, родом с испанского острова Майорка; писал на каталонском и арабском языках. В сочинении «Великое и непревзойденное искусство» высказал идею «логической машины» (примитивного прообраза современных компьютеров) и попытался реализовать эту идею на практике.

²⁷ *Бэкон*, Роджер (ок. 1214–1292) – английский философ и естествоиспытатель; целью наук считал увеличение власти человека над природой. Его метод познания был основан на математических расчетах и практических экспериментах, но в первую очередь он полагался на внутреннее мистическое «озарение». Предвосхитил многие позднейшие открытия в астрономии, оптике и других областях.

²⁸ *Фладд*, Роберт (1574–1637) – английский врач и философ-мистик. Считал, что человек, а также минералы и растения могут менять внешнюю оболочку и таким образом обретать бессмертие.

²⁹ *Тритемий*, Иоганн (1462–1516) – немецкий мыслитель, не являвшийся открытым приверженцем алхимии, но уделивший ей немало внимания в своих сочинениях.

нутый проклятию «Некрономикон» – книга безумного араба Абдула Альхазреда³⁰, о которой он слышал невероятные вещи несколько лет назад, когда вскрылась правда о чудовищных обрядах, совершавшихся в странном рыбацком городке Кингспорте, в колонии Массачусетс.

Но как ни странно, сильнее всего достойного джентльмена поразила одна мелочь, которая внушила ему неясное беспокойство. На большом полированном столе лежал сильно потрепанный экземпляр книги Бореллия, на полях и между строк которого было множество загадочных надписей, сделанных рукой Карвена. Книга была открыта почти на середине, и строчки одного параграфа были подчеркнуты жирными неровными линиями, что побудило посетителя прочесть это место в сочинении знаменитого мистика. Содержание ли подчеркнутых строк или особый нажим проведенных пером линий, почти прорвавших бумагу, – он не мог сказать, что именно внушило посетителю непонятный ужас. Он помнил этот отрывок до конца жизни, записал его по памяти в своем дневнике и однажды попытался процитировать своему близкому другу доктору Чекли, но не дошел до конца, увидев, как это потрясло добрейшего пастора. Отрывок гласил:

«Главные Соки и Соли (сиречь Зола) животных таким Способом приготавлиемы и сохраняемы быть

³⁰ ...«Некрономикон»... Абдула Альхазреда... – книга, как и ее автор, выдуманы Лавкрафтом; подробно о ней повествуется в рассказе «История „Некрономикона“» (1927).

могут, что Муж Знающий в силах собрать в Доме своем весь Ноев Ковчег, вызвав к жизни из праха Форму любого Животного по Желанию своему; подобным же Способом из основных Солей, содержащихся в человеческом Прахе, Философ может, не прибегая к запретной Некромантии, воссоздать Форму любого Усопшего Предка, где бы его Тело погребено ни было».

Однако самые зловещие слухи ходили о Джозефе Карвене возле доков, расположенных вдоль южной части Таун-стрит. Моряки – суеверный народ, и просоленные морские волки, из которых состояли команды шлюпов, перевозивших ром, рабов и патоку, каперов³¹ и больших бригов, принадлежащих Браунам, Кроуфордам и Тиллингестам, осеняли себя крестным знаменем и скрещивали пальцы, когда видели, как худощавый и обманчиво молодой, желтоволосый Джозеф Карвен, слегка сторбившись, заходил в принадлежавший ему склад на Дублон-стрит или разговаривал с капитанами и суперкарго³² на длинном причале, у которого беспокойно покачивались принадлежавшие ему корабли. Даже служащие и капитаны, работавшие у Карвена, боялись и ненавидели его, а команды его судов были сбродом смешанных кровей с

³¹ *Каперы* (от гол. *carer* – «морской разбойник») – снаряженные за частный счет боевые корабли, которые с разрешения властей воюющего государства совершали нападения на торговые суда неприятельских стран.

³² *Суперкарго* – человек, сопровождающий груз на торговом корабле, осуществляющий по поручению владельца закупку или продажу товаров в других портах.

Мартиники³³ или Голландских Антиль, из Гаваны или Порт-Ройала³⁴. По правде говоря, именно то обстоятельство, что команды Карвена так часто менялись, было основной причиной суеверного страха, который моряки испытывали перед таинственным стариком. Обычно команда, получив разрешение сойти на берег, рассеивалась по городу, а некоторых моряков посылали с разными поручениями. Но когда люди вновь собирались на палубе, можно было биться об заклад, что одного-двух обязательно недосчитаются. Эти поручения большей частью касались фермы на Потаксет-роуд, и ни одного из моряков, отправленных туда, больше не видели. Все это знали, и со временем Карвену стало очень трудно подбирать свою разношерстную команду. Почти всегда, послушав разговоры в гавани Провиденса, несколько человек сразу же дезертировали; проблемы возникали и с пополнением экипажей на островах Вест-Индии.

К 1760 году Джозеф Карвен фактически стал изгоем; с ним никто не хотел знаться, ибо его подозревали в связи с дьяволом и во всевозможных злодеяниях, которые казались

³³ *Мартиника* – остров из группы Наветренных островов в Вест-Индии, владение Франции.

³⁴ *Порт-Ройал* – город на острове Ямайка, во второй половине XVII века получивший широкую известность в качестве крупнейшего центра работорговли и «пиратской столицы» всего Карибского бассейна. 7 июня 1692 года этот город был полностью уничтожен в результате сильнейшего землетрясения. В данном случае, вероятно, имеется в виду Кингстон, нынешняя столица Ямайки, основанная в 1693 году неподалеку от того места, где прежде находился Порт-Ройал.

тем более жуткими, что ни один из горожан не мог сказать внятно, в чем они заключаются, или даже привести хоть одно доказательство того, что эти ужасы действительно имеют место. Может быть, последней каплей стало дело о пропавших в 1758 году солдатах: в марте и апреле этого года два королевских полка, направлявшиеся в Новую Францию³⁵, были расквартированы в городе и непонятным образом поредели в гораздо большей степени, чем бывает обычно в результате дезертирства. Ходили слухи, что Карвена часто видели беседующим с парнями в красных мундирах; и так как многие из них пропали без вести, снова вспомнили о странных исчезновениях моряков. Трудно сказать, что случилось бы, удержишь полки в городе на более длительный срок.

Тем временем состояние Карвена все росло и росло. Он фактически монопольно торговал селитрой, черным перцем и корицей и с легкостью превзошел другие торговые дома, за исключением дома Браунов, в импорте медной утвари, индиго, хлопка, шерсти, соли, такелажа, железа, бумаги и различных английских товаров. Такие купцы, как Джеймс Шрин из Чипсайда, на лавке которого красовался слон, Расселлы, торговавшие напротив Большого моста под вывеской «Золотой орел», или Кларк и Найтингейл, владельцы харчевни «Рыба на сковородке», почти полностью зависели от него, ибо

³⁵ *Новая Франция* – так в то время именовались французские владения на территории нынешней Канады, захваченные англичанами в ходе Семилетней войны 1756–1763 годов.

он владел большей частью их недвижимости; договоры же с местными винокурами, с коневодами и маслоделами из Нарагансета и со свечных дел мастерами из Ньюпорта превратили его в одного из наиболее крупных торговцев колонии.

Подвергнутый своеобразному остракизму, Карвен все же порой демонстрировал наличие у него чувства гражданского долга. Когда сгорело здание колониальной администрации, он щедро подписался на значительную сумму для устройства серии благотворительных лотерей, благодаря которым в 1761 году было построено новое кирпичное здание, по сей день красующееся на главной улице города. В том же году он помог перестроить Большой мост, разрушенный октябрьским ураганом. Он восстановил публичную библиотеку, сгоревшую при пожаре, и сделал огромное количество покупок на благотворительном базаре, на выручку от которого были вымощены булыжником грязная улица Маркет-Парад и изрезанная глубокими колеями Таун-стрит, да еще были устроены особые дорожки для пешеходов. К тому времени он уже выстроил себе не отличающийся особой оригинальностью, но внушительный новый дом, двери которого представляют собой шедевр резьбы по дереву. Когда в 1743 году приверженцы Уайтфилда³⁶ отделились от Церкви-на-Холме доктора Коттона и основали новую церковь во главе с деканом

³⁶ *Приверженцы Уайтфилда* – речь идет о Джордже Уайтфилде (1714–1770), одном из двух главных учредителей секты методистов, отделившейся от англиканской церкви. В 1738 году он переехал из Англии в Америку, где два года спустя основал религиозно-политическое движение «партикуляристов».

Сноу по ту сторону Большого моста, Карвен присоединился к ним, хотя так и не стал ревностным прихожанином. Однако впоследствии он снова начал проявлять набожность, очевидно желая рассеять павшую на него тень, ибо сознавал, что зловещие слухи могут сильно повредить его торговым делам.

2

Наблюдая за тем, как этот странный бледнолицый человек, на вид совсем не старый, хотя на самом деле ему исполнилось не менее ста лет, изо всех сил пытается рассеять сложившуюся вокруг него атмосферу ненависти и неопределенного, беспричинного страха, люди испытывали одновременно жалость, смутное беспокойство и презрение. Но сила богатства и легкоеверие людей так велики, что предубеждение против Карвена ослабло, особенно после того, как прекратились исчезновения моряков. К тому же его перестали замечать на кладбищах, что, впрочем, могло свидетельствовать всего лишь о его удвоенной осторожности. Одновременно перестали распространяться слухи о жутких воплях, доносившихся с его фермы в Потаксете, и о странных вещах, которые там творились. Количество провизии, которую ему доставляли, оставалось неестественно велико – по-прежнему на ферму гнали целые стада овец и привозили цельные туши в городской дом. Вплоть до последнего времени, когда Чарльз Вард стал изучать его бумаги и счета, хранив-

шиеся в библиотеке Шепли, никому – за исключением этого любознательного юноши, потрясенного своими открытиями, – не пришло в голову провести сравнение между поразительным множеством чернокожих, которых Карвен доставлял из Гвинеи вплоть до 1766 года, и ничтожным количеством чеков, удостоверяющих продажу этих рабов работорговцам, чей рынок находился у Большого моста, или окрестным плантаторам. Да, этот ужасный человек отличался хитростью и изобретательностью – качествами, которые он полностью использовал, когда возникала необходимость.

Но как и следовало ожидать, запоздалые старания Карвена не увенчались успехом. Все продолжали избегать его, никто ему не доверял – уже то, что в глубокой старости он выглядел почти юношей, внушало подозрения, – и он понял, что в конце концов это может обернуться потерей его внушительного состояния. Его сложные изыскания и опыты, какими бы они ни были, требовали нешуточных расходов, и, поскольку переезд на новое место лишал его преимуществ в торговых делах, которых ему удалось добиться, начинать все снова где-нибудь в другом городе не имело смысла. Логика подсказывала, что нужно поддерживать добрые отношения с горожанами, чтобы рассеять окружавшую его атмосферу угрюмой сдержанности, подозрительности и страха. Его очень беспокоили клерки, зарабатывавшие все меньше с начавшимся застоєм в его делах и не бросившие работу только потому, что никто другой не хотел брать их на служ-

бу; он удерживал своих капитанов и матросов только хитростью, привязывая их к себе каким-либо способом – залогом, заемным письмом или шантажом, прознав что-нибудь компрометирующее. В этом Карвен обнаруживал необыкновенную ловкость. За последние пять лет жизни он выведал такие вещи, которые, казалось, могли быть известны лишь давно умершим, и постоянно держал эти секреты наготове.

Вот тогда-то хитрый торговец и предпринял последнюю отчаянную попытку восстановить свое положение в городе. Отшельник по природе, он надумал заключить выгодный брак, избрав в жены девушку из уважаемого семейства. Быть может, существовали и более глубокие причины, побуждавшие его заключить подобный союз; причины, находящиеся так далеко за пределами доступных нам знаний, что лишь в бумагах, найденных через полтора столетия после его смерти, можно было отыскать к ним какой-то ключ; но ничего определенного так никто и не узнал. Конечно, Карвен понимал, что обычное ухаживание вызовет только ужас и отвращение, поэтому он стал искать подходящую избранницу, на родителей которой мог оказать давление. Это было не так-то легко, поскольку у него были довольно высокие требования относительно красоты, образования и общественного положения невесты. Наконец он остановился на дочери лучшего и старшего из находящихся у него на службе капитанов морских судов, вдовца с безупречной родословной и репутацией, которого звали Джеймс Тиллингест. Его единственная дочь

Элиза отличалась всеми воображимыми достоинствами, кроме одного: она не была богатой наследницей. Капитан Тиллингест полностью находился под влиянием Карвена и, когда тот вызвал капитана в свой дом с высоким куполом, находящийся на вершине Пауэр-лейн, и чем-то пригрозил, согласился благословить этот чудовищный союз.

Элизе Тиллингест в то время было восемнадцать лет, и она получила наилучшее воспитание, какое мог позволить себе ее отец при своих стесненных обстоятельствах. Она посещала школу Стивена Джексона, что напротив Ратуши, и прилежно училась рукоделию и домоводству у своей матушки, которая умерла от оспы в 1757 году. Вышивки Элизы, сделанные ею в девятилетнем возрасте, в 1753 году, можно увидеть в одном из залов исторического музея Род-Айленда. После смерти матери Элиза сама вела все хозяйство с помощью единственной чернокожей старухи служанки. Должно быть, споры между девушкой и ее отцом относительно брака с Карвеном были весьма бурными; но дневники и мемуары о них не упоминают. Известно лишь, что ее помолвка с Эзрой Виденом, молодым штурманом на пакетботе Кроуфорда под названием «Энтерпрайз», была расторгнута, а брачный союз с Карвеном заключен седьмого марта 1763 года в баптистской церкви в присутствии самого избранного общества, цвета городской аристократии; брачная церемония была совершена Сэмюэлем Винсоном-младшим.

«Газетт» очень коротко упомянула об этом событии, и в

большинстве сохранившихся экземпляров заметка была вырезана или вырвана. После долгих поисков Вард нашел единственный нетронутый номер «Газетт» в частном архиве коллекционера и прочел его, забавляясь старомодно-учтивыми оборотами:

«Вечером прошедшего понедельника мистер Джозеф Карвен, уважаемый житель нашего Города, Негоциант, сочетался брачными узами с Мисс Элизой Тиллингест, Дочерью Капитана Джеймса Тиллингеста. Юная Дама, обладающая истинными Достоинствами, соединенными с прелестным Обликом, будет Украшением брака и составит Счастье своего любящего Супруга».

Из собрания писем Дюффри-Арнольда, найденного Чарльзом Вардом незадолго до предполагаемого первого приступа душевной болезни в частной коллекции Мелвилла Ф. Петерса с Джордж-стрит и охватывающего этот и немного более ранний период, можно заключить, какое возмущение вызвал у горожан этот неравный брак. Однако влияние Тиллингестов на жизнь города было неоспоримым, и дом Джозефа Карвена вновь стали посещать люди, которых при иных обстоятельствах ничто не заставило бы переступить его порог. Общество не в полной мере признало Карвена, от чего особенно страдала его жена; но как бы то ни было, он уже не считался изгоем. Странный новобрачный удивил как свою супругу, так и всех окружающих, обращаясь с ней в выс-

шей степени галантно и уважительно. В новом доме на Олни-Корт больше не происходило ничего, внушающего беспокойство, и, хотя Карвен часто отлучался на свою ферму в По-таксете, где его жена так ни разу и не побывала, он стал больше ходить на обычного горожанина, чем когда бы то ни было за долгое время его проживания в Провиденсе. Лишь один человек проявлял к нему открытую вражду – молодой корабельный штурман, помолвка которого с Элизой Тиллингест была так внезапно расторгнута. Эзра Виден при свидетелях поклялся отомстить и, несмотря на свой спокойный и в общем мягкий характер, взялся за дело с упорством, продиктованным ненавистью, а это не обещало ничего хорошего человеку, отнявшему у него невесту.

Седьмого мая 1765 года родилась единственная дочь Карвена, получившая имя Энн. Крестил ее преподобный Джон Грейвз из Королевской церкви, прихожанами которой стали Карвены через некоторое время после свадьбы, – это было своеобразным компромиссом между конгрегационалистами и баптистами³⁷, к каковым церквям принадлежали их ближайшие родственники. Запись о рождении девочки, так же как запись о регистрации брака, заключенного двумя го-

³⁷ ...это было своеобразным компромиссом между конгрегационалистами и баптистами... – Не желая портить отношения ни с одной из крупных протестантских общин города, Карвен примкнул к официальной церкви (см. прим. ниже), которая в силу малочисленности своих приверженцев среди жителей североамериканских колоний избегала вступать в конфликт с более радикальными направлениями протестантства.

дами ранее, в большинстве церковных книг и анналах мэрии были вымараны. Чарльз Вард с большим трудом смог найти документальные подтверждения этим фактам лишь после того, как узнал о своем родстве с Карвеном. Юноша со страстью предался изысканиям, касающимся этого человека. Запись о рождении Энн он нашел совершенно случайно, в ходе переписки с наследниками доктора Грейвза, который, в ходе Революции покидая свою паству как верный сторонникам короля, прихватил дубликаты всех церковных записей. Вард написал им, потому что знал, что его прапрабабушка, Энн Тиллингест Поттер, принадлежала к епископальной церкви³⁸.

Вскоре после рождения дочери – события, по поводу которого предок Варда выразил огромную радость, странную при его обычной сдержанности, – Карвен решил заказать свой портрет. Он поручил эту работу жившему тогда в Нью-порте талантливому художнику – шотландцу по имени Космо Александер³⁹, впоследствии получившему известность как первый учитель Джилберта Стюарта⁴⁰. Говорили, что

³⁸ *Епископальная церковь* – так в Шотландии и США называют англиканскую церковь, которая в Англии имеет статус государственной. По культу и организационным принципам она стоит ближе к католицизму, чем остальные протестантские церкви.

³⁹ *Космо Александер* (ок. 1724–1772) – американский портретист шотландского происхождения.

⁴⁰ *Джилберт Стюарт* (1755–1828) – американский живописец, мастер реалистического портрета, уроженец Род-Айленда.

портрет, отличающийся необыкновенным сходством, был написан на стенной панели в библиотеке дома на Олни-Корт, но ни один из дневников, где упоминается этот портрет, не говорит о его дальнейшей судьбе. В то время сам Карвен стал как-то необычно задумчив и проводил почти все время на потаксетской ферме. Утверждали, что он постоянно находился в состоянии тщательно скрываемого лихорадочного беспокойства, словно ожидая чего-то важного, как человек, который вот-вот сделает необыкновенное открытие. По всей вероятности, это было связано с его химическими или алхимическими экспериментами, ибо он перевез на ферму огромное количество книг по этим предметам.

Его интерес к общественной деятельности не уменьшился, и Карвен не упускал возможности помочь Стивену Хопкинсу, Джозефу Брауну и Бенджамину Весту, пытавшимся оживить культурную жизнь города, уровень которой был гораздо ниже, чем в Ньюпорте, прославившемся своими меценатами. Он помог Дэниелу Дженксу в 1763 году основать книжную лавку и был его постоянным и лучшим клиентом, а также оказывал денежную помощь испытывавшей трудности «Газетт», которая печаталась по пятницам в типографии под вывеской с изображением Шекспира. Он горячо поддерживал губернатора Гопкинса против партии Варда, оплотом которой был Ньюпорт, а в 1765 году его яркое красноречивое выступление в Хечерз-Холле против выделения Северного Провиденса в самостоятельную муниципальную едини-

ду способствовало тому, что предубеждение против него мало-помалу рассеялось. Однако Эзра Виден, который постоянно наблюдал за Карвеном, лишь пренебрежительно фыркал, когда при нем упоминали об этих поступках, и публично клялся, что все это не более чем маска, служащая для прикрытия дел, более черных, чем глубины Тартара. Молодой человек принялся тщательно собирать сведения обо всем, что касалось Карвена, и особенно интересовался тем, что тот делает в гавани и на своей ферме. Виден проводил целые ночи близ верфи, держа наготове легкую рыбацкую плоскодонку, и всякий раз, увидев свет в окне склада Карвена, скрытно преследовал его небольшой бот, курсировавший по бухте. Он также вел самое пристальное наблюдение за фермой на Потаксет-роуд и однажды был сильно испуган собаками, которых натравила на него странная чета индейских слуг.

3

В 1766 году в поведении Джозефа Карвена произошла разительная перемена: напряженное ожидание, в котором он пребывал последнее время, сменилось радостным возбуждением, и он стал появляться на людях с видом победителя, с трудом скрывающего ликование по поводу неких блестящих успехов. Казалось, он еле удерживается от того, чтобы всенародно объявить о своих открытиях; но, по-видимому, необходимость соблюдать тайну была все же сильнее, чем потреб-

ность разделить с ближними радость, так как он никого не посвятил в причину такой резкой смены настроения. Сразу же после переезда в новый дом, что произошло, по всей вероятности, в начале июля, Карвен стал повергать людей в удивление, рассказывая вещи, которые могли быть известны разве что давным-давно усопшим предкам.

Но лихорадочная тайная деятельность Карвена отнюдь не уменьшилась с этой переменой. Напротив, она скорее усилилась – все большее количество его морских перевозок поручалось капитанам, которых он привязывал к себе узами страха, такими же крепкими, как до сих пор боязнь разорения. Он полностью оставил работорговлю, утверждая, что доходы от нее постоянно падают; почти все время проводил на ферме в Потаксете, но, по слухам, иногда его видели вблизи кладбища, так что многие не раз задумывались над тем, так ли уж сильно изменились повадки столетнего купца. Эзра Виден, вынужденный время от времени прерывать свою слежку за Карвенем, отправляясь в плавание, не мог заниматься этим систематически, но зато обладал мстительным упорством, которого были лишены занятые своими делами горожане и фермеры; он тщательно, как никогда ранее, изучал все связанное с Карвенем.

Странные маневры судов таинственного купца не вызывали особого удивления в эти беспокойные времена, когда, казалось, каждый колонист был полон решимости игно-

ризовать условия Сахарного акта⁴¹, который препятствовал оживленным морским перевозкам. Доставить контрабанду и улизнуть считалось скорее доблестью в Наррагансетской бухте, и ночная разгрузка недозволенных товаров была совершенно обычным делом. Однако, наблюдая каждую ночь, как лихтеры⁴² или небольшие шлюпы отчаливают от складов Карвена в доках Таун-стрит, Виден очень скоро проникся убеждением, что его зловещий враг старается избежать не только военных кораблей его величества. Раньше, до 1766 года, когда поведение Карвена резко изменилось, эти корабли были нагружены большей частью закованными в цепи неграми. Живой груз переправляли через бухту и выгружали на пустынном участке берега к северу от Потаксета; затем их гнали по суше наверх по крутому склону и далее на ферму Карвена, где запирали в огромной каменной пристройке с узкими бойницами вместо окон. Но теперь все пошло по-другому. Неожиданно прекратился ввоз рабов, и на время Карвен отказался от своих ночных вылазок. Затем, весной 1767 года, Карвен избрал новый способ действий. Лихтеры снова регулярно отплывали, покидая темные молчаливые доки, но теперь спускались вдоль бухты на некоторое

⁴¹ *Сахарный акт*. – В 1764 году английский парламент ввел высокие пошлины на ввоз сахара в колонии, нанеся тем самым чувствительный удар прибыльной торговле североамериканских купцов с островами Вест-Индии.

⁴² *Лихтер* – морская баржа, используемая для перевозки грузов в прибрежных водах либо для погрузки или разгрузки на рейде судов, которые не могут войти в порт по причине глубокой осадки.

расстояние, очевидно, не далее Ненквит-Пойнт, где встречали большие корабли разных типов и перегружали с них неизвестные товары. Потом команда Карвена отвозила этот груз к обычному месту на берегу бухты и переправляла его по суше на ферму, складывая в том же загадочном каменном здании, которое прежде служило для содержания негров. Груз большей частью состоял из крупных коробок и ящиков, многие из них имели продолговатую форму и вызывали неприятные ассоциации с гробами.

Виден с неослабевающим упорством продолжал наблюдать за фермой; не проходило недели, чтобы он не побывал там, за исключением тех ночей, когда свежесвыпавший снег давал возможность обнаружить его следы. Но даже тогда он подбирался как можно ближе по проезжей дороге или льду протекавшей поблизости речки, чтобы посмотреть, какие следы оставили другие посетители фермы. Когда, отправляясь в плавание, Виден должен был прерывать свои наблюдения, он обращался к своему давнему знакомому по имени Элеазар Смит, который заменял его на этом посту. Оба приятеля могли бы поведать множество странных вещей, но не делали этого только потому, что знали – лишние слухи могут предупредить их жертву и сделать таким образом невозможным их дальнейшие наблюдения. Прежде чем что-либо предпринять, они хотели добыть точные сведения. Должно быть, они узнали немало удивительного, и Чарльз Вард часто говорил своим родителям, как он сожалеет, что Виден

решил сжечь свои записи. Все, что можно сказать об их открытиях, почерпнуто из довольно невразумительного дневника Элеазара Смита, а также высказываний еще нескольких мемуаристов и авторов писем, которые могли лишь повторить услышанное от других. По их словам, ферма была лишь внешней оболочкой, под которой скрывалась беспредельно опасная бездна, мрачные глубины которой недоступны человеческому разуму.

Виден и Смит уже давно убедились в том, что под фермой пролегает целая сеть туннелей и катакомб, в которых кроме старого индейца и его жены находится множество других людей. Само здание фермы, со старинной остроконечной крышей, огромной дымовой трубой и ромбовидными решетками на окнах, было построено в середине XVII века. Лаборатория находилась в северном крыле, где кровля спускалась почти до земли. Дом стоял в стороне от других построек, и, поскольку оттуда в самое необычное время часто доносились странные звуки, должен был существовать доступ в него через подземные потайные ходы. До 1766 года здесь раздавались невнятное бормотание и шепот негров, лихорадочные крики, сопровождавшиеся странными песнопениями или заклинаниями. Но начиная с 1766 года человеческие голоса, доносившиеся оттуда, слились в омерзительную и страшную какофонию, в которой выделялись то монотонный монолог человека, покорно склонявшегося перед чужой волей, то взрывы бешеной ярости, то диалог, прерываемый

угрожающими воплями, задыхающимися мольбами и протестующими криками на самых разных языках. Резкий голос Карвена – урезонивающий, упрекающий или угрожающий – часто можно было различить среди других. Создавалось впечатление, что в доме находилось как минимум несколько человек – Карвен, его пленники и стражники, которые их стерегли. Нередко Виден и Смит слышали звуки чуждой речи, такой необычной, что ни тот ни другой не могли определить национальность говорившего, несмотря на то что оба побывали во многих шумных и разноязыких гаванях мира. Но часто они, хотя и с трудом, разбирали слова. Подслушанные ими разговоры всегда представляли собой что-то вроде допроса, словно Карвен любыми путями старался вырвать нужные ему сведения у испуганных или непокорных пленников.

Виден заносил разрозненные отрывки этих разговоров в свою записную книжку, когда разговор велся на английском, французском или испанском языках, которые он знал; но ни одна из этих записей не сохранилась. Однако он утверждал, что, кроме нескольких разговоров, в которых речь шла о мрачных преступлениях, совершенных в прошлом в знатных семействах города, большая часть вопросов и ответов, которые он смог разобрать, касалась различных проблем истории и других наук, часто относящихся к отдаленным местам и эпохам. Однажды, например, некий голос, то поднимаясь до взбешенного крика, то возвращаясь к мрачной покорности, отвечал по-французски на вопросы относительно

побоища, учиненного Черным принцем в Лиможе в 1370 году⁴³, причем допрашивавшего интересовали некие скрытые причины этих событий, предположительно известные отвечающему. Карвен спрашивал пленника – если это был пленник, – был ли отдан приказ о всеобщей резне из-за Знака Козла, найденного на алтаре в древнеримской гробнице, находящейся недалеко от собора, или же Черный человек из Высшего сбора Вьенны произнес магические Три Слова. Так и не добившись ответа, Карвен применил крайние меры – раздался ужасный вопль, за которым последовало молчание, потом тихий стон и звук падения чего-то тяжелого.

Ни один из этих допросов им не удалось подсмотреть, потому что окна были всегда плотно завешены. Но однажды, после тирады на незнакомом языке, в окне появилась тень, глубоко поразившая Видена; она напомнила ему одну из кукол, которых он видел в 1764 году в Хечер-Холле, когда некий человек из Джерментайна, в Пенсильвании, демонстрировал искусно сделанные механические фигуры в представлении, включавшем, согласно афише: «Вид знаменитого города Иерусалима, храм Соломона, царский престол, прославленные башни и холмы, а также Страсти Вашего Спасителя, что претерпел Он от Сада Гефсиманского до Креста на Горе Голгофе; искуснейший образчик Механических фи-

⁴³ ...побоища, учиненного Черным принцем в Лиможе в 1370 году... – Эдуард, принц Уэльский (1330–1376), один из полководцев Столетней войны, получивший прозвище по цвету лат, в 1370 году взял штурмом французский город Лимож, истребив при этом всех его защитников и большую часть мирных жителей.

гур, Достойный Внимания Любопытствующих». Именно тогда престарелая индейская чета, разбуженная шумом, который произвел отпрянувший от окна испуганный соглядатай, спустила на него собак. После этого случая в доме больше не было слышно разговоров, из чего Виден и Смит сделали вывод, что Карвен переместил свои опыты в подземелье.

На то, что подобное подземелье действительно существует, указывало многое. Слабые крики и стоны время от времени слышались, казалось, из сплошной скалы в местах, где не было никаких строений; кроме того, в кустах на крутом речном берегу в долине Потаксета была обнаружена дверь из прочного орехового дерева, имевшая вид низкой арки и окруженная солидной каменной кладкой, – очевидно, вход в подземелье внутри холма. Виден не мог сказать, когда и как были построены эти катакомбы, но заметил, что рабочих сюда очень легко доставить по реке. Поистине, Джозеф Карвен находил самое разнообразное применение своей собранной со всего света разношерстной команде! Во время затяжных дождей весной 1769 года оба приятеля не сводили глаз с крутого склона на берегу реки, надеясь, что на свет божий выйдут какие-нибудь тайны подземелий, и были вознаграждены, ибо потоки дождевой воды вынесли в глубокие промоины на скалах огромное количество костей, принадлежащих как животным, так и людям. Конечно, можно было найти естественные объяснения этому – ведь они находились вблизи фермы, в местах, где на каждом шагу встречались заброшен-

ные индейские кладбища, но у Видена и Смита было на сей счет собственное мнение.

В январе 1770 года, когда Виден и Смит безуспешно пытались решить, что им предпринять – если вообще можно было что-нибудь предпринять, опираясь на такие разрозненные и неясные данные, – произошел инцидент с кораблем «Форталеза». Обозленный поджогом таможенного шлюпа «Либерти» в Ньюпорте прошлым летом, адмирал Веллес, командующий всеми пограничными судами, проявлял усиленную бдительность по отношению к иностранным судам; по этому случаю военная шхуна его величества «Лебедь» под командованием капитана Чарльза Лесли однажды ранним утром после недолгого преследования захватила судно «Форталеза», приписанное к городу Барселона в Испании, которое вел капитан Мануэль Арруда. «Форталеза», согласно судовому журналу, следовала из Каира в Провиденс. Во время обыска корабля в поисках контрабанды обнаружился удивительный факт: его груз состоял исключительно из египетских мумий, а получателем числился некий «Капитан А.В.С.», который должен был перегрузить эти мумии на лихтер у Ненквит-Пойнт. Капитан Арруда умолчал о подлинном имени получателя, считая вопросом чести соблюдение данной им клятвы. Вице-адмиралтейство Ньюпорта не знало, как поступить, ввиду того что груз не представлял собой контрабанду, но, с другой стороны, «Форталеза» вошла в бухту тайно, не соблюдая законной процедуры. Наконец, по совету

контролера Робинсона, был найден компромисс: судно освободили, но запретили ему входить в воды Род-Айленда. Впоследствии ходили слухи, что испанский корабль видели в бостонской гавани, хотя он и не получал разрешения войти в порт.

Этот необычный инцидент не преминул вызвать оживленные разговоры в Провиденсе, и мало кто сомневался в существовании связи между таинственным грузом и зловещей фигурой Джозефа Карвена. Все знали о его необычных опытах и об экзотических субстанциях, которые он выписывал отовсюду; все подозревали его в пристрастии к посещению кладбищ; не надо было обладать особенно живым воображением, чтобы связать его имя с отвратительным грузом, который не мог быть предназначен ни для кого в Провиденсе, кроме него. Догадываясь, что о нем говорят, Карвен несколько раз как бы случайно упоминал об особой химической ценности бальзама, находимого в мумиях, очевидно полагая, что может представить все это предприятие как не столь уж неестественное, но впрямую никак не признавая своей причастности к нему. Виден и Смит, конечно, не питали никаких сомнений относительно предназначения мумий, высказывая самые невероятные теории касательно самого Карвена и его чудовищных занятий.

Следующей весной, как и год назад, прошли сильные дожди, и оба приятеля продолжали внимательно наблюдать за берегом реки близ фермы Карвена. Смыло большие кус-

ки берегового склона, обнажились новые залежи костей, но по-прежнему каких-либо следов подземных помещений или проходов не было. Однако в селении Потаксет, расположенном милей ниже по реке, там, где она преодолевает скалистые пороги и затем разливается в широкую гладь, распространились странные слухи. Здесь, где затейливые старинные постройки словно наперегонки взбирались на вершину холма от деревянного мостика, а в сонных доках стояли рыбацьи шлюпы, люди рассказывали о страшных предметах, плывущих вниз по течению, которые можно было увидеть яснее в тот миг, когда они скатывались по порогам. Конечно, Потаксет – большая река, проходящая по нескольким населенным районам, где немало кладбищ, а весенние дожди в этом году были необычайно обильны; но удивших у моста рыбаков привел в смятение свирепый взгляд, которым, как им показалось, окинуло их непонятное существо, промчавшееся мимо к спокойному водному зеркалу, расстилавшемуся ниже моста, а также приглушенный крик, который издало другое странное существо, почти полностью разложившееся. Эти слухи немедленно привели Смита (Виден тогда находился в плавании) к берегу Потаксета вблизи фермы, где вероятнее всего можно было найти следы земляных работ.

Однако в крутом склоне не обнаружилось и намека на какой-либо туннель: половодье нагромоздило здесь целую стену земли и вырванного с корнями кустарника. Смит принял было рыть наудачу, но вскоре отказался от этой затеи,

имея мало надежд на успех, а может быть, подсознательно опасаясь этого успеха. Неизвестно, как бы на его месте поступил упрямый и мстительный Виден, если бы в то время он не был в плавании.

4

Осенью 1770 года Виден решил, что пришло наконец время рассказать о результате своих наблюдений. Ему было необходимо связать воедино множество фактов, и он нуждался в свидетеле, который мог бы опровергнуть обвинение в том, что все это – измышления, порожденные ревностью и жадной мести. Своим главным поверенным он избрал капитана Джеймса Мэтьюсона, командира «Энтерпрайза», который, с одной стороны, знал его достаточно хорошо, чтобы не сомневаться в его правдивости, а с другой – был достаточно уважаемым лицом в городе. Беседа Видена с капитаном состоялась в комнате на верхнем этаже таверны «Сабина», что близ доков; там же присутствовал Смит, подтвердивший все заявления Видена. Рассказ произвел огромное впечатление на капитана Мэтьюсона, который, как многие жители Провиденса, питал глубокие подозрения относительно Джозефа Карвена. Таким образом, понадобилось лишь привести несколько фактов, чтобы полностью его убедить. Под конец беседы он стал мрачен и заставил приятелей поклясться в том, что они будут хранить полное молчание. Он сказал, что

конфиденциально передаст полученные сведения нескольким самым образованным и влиятельным гражданам Провиденса, выслушает их мнение и в дальнейшем будет сообразовывать с этим мнением свои действия. Во всяком случае, очень важно было держать все в тайне, ибо это не такое дело, с которым могли бы справиться городские констебли. И главное, об этом не должна была знать легковозбудимая толпа, иначе могло повториться салемянское безумие, постигшее людей менее ста лет назад и вынудившее Карвена бежать из Салема в Провиденс.

По мнению капитана Мэтьюсона, в тайну следовало посвятить доктора Бенджамина Веста, чей труд об орбите Венеры снискал ему славу глубокого ученого и мыслителя; преподобного Джеймса Меннинга, президента колледжа, который недавно приехал из Уоррена и временно снимал квартиру на Кинг-стрит, ожидая завершения отделочных работ в здании колледжа на холме у Пресвитериал-лейн; бывшего губернатора Стивена Хопкинса, который был членом философского общества в Ньюпорте и отличался замечательной широтой взглядов; Джона Картера, издателя местной «Газетт»; всех четырех братьев Браун – Джона, Джозефа, Николаса и Мозеса, местных финансовых магнатов (при том что Джозеф проявлял искренний интерес к науке); аптекаря Джеймса Бовена, большого эрудита, непосредственно знакомого со странными заказами Карвена; и каперского капитана Абрахама Виппла, человека фантастической энергии и

храбрости, которого прочили в руководители на тот случай, если придется прибегнуть к активным действиям.

Миссия капитана Мэтьюсона была выполнена успешно сверх его собственных ожиданий, ибо, хотя кое-кто из конфиденентов отнесся довольно скептически к мрачным деталям в рассказе Видена, никто из них не сомневался в необходимости принять тайные и хорошо продуманные меры. Было ясно, что Карвен представляет потенциальную опасность для жизни не только города, но и всей колонии и должен быть уничтожен любой ценой. В конце декабря 1770 года группа уважаемых горожан собралась в доме Стивена Хопкинса и обсудила предварительные действия. Были внимательно прочитаны записи Видена, которые он передал капитану Мэтьюсону; самого Видена вместе со Смитом пригласили, чтобы засвидетельствовать некоторые детали. К концу встречи присутствующих охватил неясный ужас, но его пересилила мрачная решимость, которую лучше всего выразил громогласный и грубоватый капитан Виппл. Они не будут ставить в известность губернатора, заявил он, ибо, как представляется, законные средства здесь недостаточны. Имея в своем распоряжении тайные силы, о могуществе которых у собравшихся не было представления, Карвен не относился к тем людям, которых можно было просто-напросто известить о том, что их присутствие в городе нежелательно. Он мог принять ответные меры; но даже если этот страшный человек согласился бы уехать, это означало бы всего лишь пере-

несение на других бремени его тягостного присутствия. Времена тогда были беззаконные, и люди, которые долгие годы служили на королевских таможенных судах, не остановились бы ни перед какими жестокостями, если того требовал долг. Карвена нужно было застать врасплох в Потаксете, отправив на его ферму большой отряд испытанных в сражениях моряков, и заставить наконец дать исчерпывающие объяснения. Если окажется, что он – безумец, забавляющийся криками и воображаемыми разговорами на разные голоса, его следует отправить в приют для душевнобольных. Если же здесь кроется что-нибудь похуже, если действительно существуют ужасные подземелья, то он и все, находящиеся в его доме, должны умереть. Это можно сделать без лишнего шума, и даже супруга Карвена и его тесть не должны узнать, почему и как все произошло.

Пока обсуждались эти серьезные меры, в городе произошел случай, настолько дикий и необъяснимый, что в течение нескольких дней во всей округе только о нем и судачили. В глухой час лунной январской ночи, когда земля была покрыта глубоким снегом, слышались ужасающие крики, которые раздавались сначала со стороны реки, а затем выше по склону холма. Во многих окнах показались головы разбуженных горожан; люди, жившие вокруг Вейбоссет-Пойнт, видели, как что-то белое лихорадочно барахталось в ледяной воде перед грязной площадью у таверны «Голова турка». Вдали громко лаяли собаки, но этот лай умолк, когда до них доле-

тел шум на улицах разбуженного города. Группы людей с фонарями и заряженными мушкетами выбегали из домов посмотреть, что происходит, но их поиски не увенчались успехом. Однако на следующее утро в ледяных заторах у южных опор Большого моста, между Длинным доком и винным заводом Эббота, было найдено обнаженное тело огромного мускулистого мужчины, и это стало темой бесконечных догадок и пересудов. Шепталась не столько молодежь, сколько люди старшего поколения, потому что замерзшее лицо с выпученными от ужаса глазами пробудило у городских патриархов воспоминания. Старики, дрожа от страха, обменивались недоуменными репликами, ибо в застывших искаженных чертах угадывалось сходство – хотя это было совершенно невероятно – с человеком, который умер добрых пятьдесят лет назад!

Эзра Виден был среди тех, кто обнаружил тело; он припомнил, как бешено лаяли собаки прошлой ночью в домах вдоль Вейбоссет-стрит и за мостом у доков, откуда исходили крики. Он словно ожидал чего-то необычного и поэтому не удивился, увидев следы на снегу в том месте, где кончался жилой район и улица переходила в дорогу на Потаксет. Обнаженного гиганта преследовали собаки и несколько человек, обутых в сапоги; можно было также заметить следы возвращающихся собак и их хозяев. Видимо, они отказались от преследования, не желая слишком приближаться к городу. Виден зловеще улыбнулся и, желая довести дело до

конца, прошел по этим следам до места, откуда они начинались. Как он и думал, это была потаксетская ферма Джозефа Карвена. Эзра много дал бы за то, чтобы двор перед домом не был так сильно истоптан. Однако он не хотел рыскать у фермы среди бела дня, показывая свою заинтересованность. Доктор Бовен, которому Виден поторопился доложить об увиденном, вскрыл странный труп и обнаружил аномалии, поставившие его в тупик. Органы пищеварения гиганта находились в зачаточном состоянии – желудок и кишечник выглядели так, будто он ни разу не ел, кожа имела вид грубой и в то же время рыхлой дерюги – явление, которое доктор никак не мог объяснить. Находясь под впечатлением слухов, распускаемых стариками, о том, что труп как две капли воды похож на давно умершего кузнеца Дэниела Грина, чей правнук, Аарон Хоппин, был суперкарго на одном из кораблей, принадлежащих Карвену, Виден, словно между прочим, принялся расспрашивать людей, где был похоронен Грин. Той же ночью группа из пяти человек отправилась на заброшенное Северное кладбище, что напротив Херренден-лейн, и раскопала могилу. Как они и ожидали, могила была пуста.

Между тем всех почтальонов города попросили задерживать корреспонденцию, адресованную Джозефу Карвену. Незадолго до того, как было найдено обнаженное тело неизвестного, капитану Мэтьюсону доставили посланное Карвену письмо из Салема от некоего Джедедии Орна, которое за-

ставило призадуматься всех, кто участвовал в заговоре против Карвена. Вот часть этого письма, переписанная и хранившаяся в частном семейном архиве, где ее нашел Чарльз Вард:

Мне доставляет изрядное удовольствие известие, что Вы продолжаете свои штудии Древних Материй известным Вам способом; и я полагаю, что Мистер Хатчинсон в городе нашем Салеме добился, увы, не больших успехов. Разумеется, ничего, кроме ожившей Монструозности, не вышло, когда Хатчинсон воссоздал Целое из того, что сумел собрать лишь в малой части. То, что Вы послали, не возымело нужного Действия либо из-за того, что Некою Вещи недоставало, либо тайные Слова я неправильно произнес, а Вы неверно записали. Без Вас обречен я на Неудачу. Я не обладаю Вашими знаниями в области материй Химических, дабы следовать указаниям Бореллия, и не могу должным образом разобраться в Книге VII «Некрономикона», Вами рекомендованной. Но хотел бы я, чтобы Вы припомнили, что было нам сказано в отношении соблюдения Осторожности в том, кого мы вызывать станем, ибо ведомо Вам, что записал Мистер Мэзер в Маргиналиях, и Вы можете судить, насколько верно сия Ужасающая вещь изложена. Я вновь и вновь говорю Вам: не Вызывайте Того, кого не сможете подчинить воле своей. Под сими словами подразумеваю я Того, кто сможет в свою очередь призвать против Вас такие Силы, против

которых окажутся бесполезны Ваши самые мощные инструменты и заклинания. Проси Меньшего, ибо Великий может не пожелать тебе Ответить, и в его власти окажешься не только ты, но и много большее. Я ужаснулся, прочитав, что Вам известно, что держал Бен Заристнатмик в Сундуке Черного Дерева, ибо догадался, Кто сказал Вам об Этом. И снова я обращаюсь с просьбой писать мне на имя Джедедии, а не Саймона. В нашем Обществе человек не может жить так долго, как ему вздумается, и Вам известен мой замысел, согласно которому я вернулся под видом собственного Сына. Я с Нетерпением дожидаясь, когда Вы познакомите меня с тем, что Черный Человек узнал от Сильвануса Коцидиуса в Склепе под Римской стеной, и буду чрезвычайно обязан Вам, если Вы пришлете мне на время Манускрипт, Вами упомянутый.

На мрачные мысли наводило и другое, не подписанное письмо, отправленное из Филадельфии, в особенности следующий отрывок:

Я приму во внимание Вашу просьбу отправлять Заказы только на Ваших судах, но не всегда могу знать с точностью, когда ожидать их. В том, что касается упомянутого Предмета, я требую только еще одной вещи; но хочу удостовериться, что понял Вас с полной точностью. Вы ставите меня в известность, что ни одна Часть утеряна быть не должна, если мы желаем наилучшего Эффекта, но Вам, несомненно, известно, как трудно быть в том уверенным. Будет изрядным

Риском и непомерной Тяжестью грузить Гроб целиком, в Городе же (то есть в церквах Святого Петра, Святого Павла, Святой Марии или в Соборе Иисуса Христа) сие вообще не представляется возможным. Но я знаю, чего недоставало тем, кто был воссоздан в Октябре, и сколько живых Образцов Вы были вынуждены создать, прежде чем нашли правильную Методу в 1766 году, и буду верным последователем Вашим во всех сих Материях. С нетерпением ожидаю Вашего Брига, о коем ежедневно справляюсь на верфи мистера Биддля.

Третье подозрительное письмо было написано на незнакомом языке незнакомыми буквами. В дневнике Смита, найденном Чарльзом Вардом, грубо скопирована часто повторяющаяся комбинация букв; авторитетные ученые из Университета Брауна объявили, что это амхарский (или абиссинский) алфавит⁴⁴, но сам текст расшифровать не смогли. Ни одно из этих посланий не было доставлено Карвену, а исчезновение из Салема Джедедии Орна примерно в это же время показывает, что заговорщики из Провиденса потихоньку начали действовать. Историческое общество в Пенсильвании, руководимое доктором Шиппенем, получило письмо относительно присутствия в Филадельфии некоего опасного субъекта. Однако чувствовалась необходимость более ре-

⁴⁴ ...амхарский (или абиссинский) алфавит... – Имеется в виду слоговое письмо Эфиопии, восходящее к одному из вариантов древней южноаравийской письменности.

шительных действий, и группы отважных, не раз проверенных в деле моряков тайно собирались по ночам в верфях и складах Брауна. Медленно, но верно разрабатывался план, который должен был не оставить и следа от зловещих тайн Джозефа Карвена.

Несмотря на принятые ими меры предосторожности, Карвен, казалось, чувствовал, что против него зреет заговор, проявляя прежде несвойственное ему беспокойство. Его экипаж постоянно сновал между городом и дорогой на Потаксет, и мало-помалу с него сошла маска притворной веселости, с помощью которой он в последнее время пытался бороться со сложившимся против него предубеждением. Феннеры, его ближайшие соседи, однажды ночью заметили яркий луч света, вырывающийся из отверстия в крыше загадочного каменного здания с высокими узкими окнами; об этом происшествии они немедленно уведомили Джона Брауна из Провиденса. Мистер Браун, руководитель тщательно отобранной группы, которая должна была покончить с Карвеном, сообщил Феннерам, что вскоре будут приняты решительные меры. Он счел это необходимым, ибо понимал, что от них будет невозможно скрыть давно готовящийся налет на ферму. Предстоящую операцию он объяснил тем, что Карвен якобы являлся шпионом ньюпортских таможенников, к которым питали явную или тайную вражду все шкиперы, купцы и фермеры в округе Провиденс. Неизвестно, поверили ли этой хитрости соседи Карвена, видевшие на его

ферме так много странных вещей. Впрочем, Феннеры были готовы приписать любые грехи этому на редкость подозрительному типу. Мистер Браун поручил им наблюдать за фермой и сообщать ему обо всем, что там происходит.

5

Опасение, что Карвен о чем-то подозревает и намеревается предпринять нечто необычное – доказательством тому был странный уходящий в небо луч света, – наконец ускорило акцию, столь тщательно подготовленную почтенными горожанами. Как записано в дневнике Смита, около сотни вооруженных людей собрались в десять часов вечера в пятницу двенадцатого апреля 1771 года в большом зале таверны Тарстона «Золотой лев», что расположена на Вейбоссет-Пойнт, напротив моста. Из числа видных горожан помимо командира отряда Джона Брауна присутствовали: доктор Бовен с набором хирургических инструментов; президент Меннинг, на этот раз без своего знаменитого парика (самого большого в колонии), что все сразу заметили; губернатор Хопкинс, закутанный в темный плащ и сопровождаемый своим братом Эйзой, опытным мореходом, которого он посвятил в тайну в последний момент с разрешения остальных; Джон Картер; капитан Мэтьюсон и капитан Виппл – последний и должен был руководить нападением на ферму. Эти люди некоторое время совещались отдельно в задней комнате, после чего ка-

питан Виппл вышел в зал, чтобы еще раз напомнить собравшимся морякам о взятом ими обете молчания и дать последние указания. Элезар Смит находился с прочими руководителями набега в задней комнате, ожидая прибытия Эзры Видена, который должен был следить за Карвенем и сообщить, когда его экипаж выедет на ферму.

Примерно в десять тридцать на Большом мосту раздался шум, после чего звук колес экипажа Карвена донесся уже с улицы за мостом. В подобный час не нужны были горячие речи Видена, чтобы понять: обреченный ими на смерть человек собрался в последний путь для свершения своего полуночного колдовства. Через мгновение, когда удаляющаяся коляска чуть слышно прогромыхала по мосту у Мадди Док, появился Виден; люди молча выстроились на улице перед таверной, взвалив на плечи кремневые мушкеты, охотничьи ружья и гарпуны. Виден и Смит присоединились к возглавленному капитаном Випплом отряду; здесь же были капитан Эйза Хопкинс, Джон Картер, президент Меннинг, капитан Мэтьюсон и доктор Бовен; к одиннадцати часам подошел Мозес Браун, который не присутствовал на последнем собрании в таверне. Все эти именитые горожане и сотня моряков, исполненные угрюмой решимости, без промедления пустились в долгий путь. Тревожное чувство все более овладевало ими по мере движения мимо доков и далее в подъем по Брод-стрит, по направлению к дороге на Потаксет. Пройдя церковь Элдера Сноу, некоторые моряки оглянулись, что-

бы бросить прощальный взгляд на Провиденс, улицы и дома которого раскинулись под весенним звездным небом. Мансарды и остроконечные кровли поднимались темными силуэтами, слабый бриз доносил соленый запах моря со стороны бухты, к северу от моста. В речных водах отражалась Вега, поднимаясь над холмом, на гребне которого вырисовывались силуэты деревьев и крыша незаконченного здания колледжа. У подножия холма и вдоль узких, поднимающихся по склону дорог дремал старый город – старый добрый Провиденс, во имя безопасности и процветания которого надо было стереть с лица земли гнездо чудовищных и богопротивных преступлений.

Через час с четвертью отряд, как было заранее условлено, прибыл на ферму Феннеров, где люди услышали последние сообщения, касающиеся намеченной ими жертвы. Карвен приехал на свою ферму около получаса назад, и почти сразу же после его прибытия из кровли каменного здания поднялся в небо яркий луч, но в остальных окнах не было света, как всегда в последнее время. А вскоре еще один луч вырвался из верхнего этажа дома, устремившись к югу, и собравшиеся поняли, что происходит нечто ужасное и сверхъестественное.

Капитан Виппл разделил отряд на три части. Одна группа, состоявшая из двадцати человек, под командой Элезара Смита, должна была направиться к морскому берегу, чтобы охранять место возможной высадки вражеского подкреп-

ления, и оставаться там до начала решительных действий. Второй группе, также состоявшей из двадцати человек, под началом капитана Эйзы Хопкинса, надлежало прокрасться по речной долине за ферму Карвена и разрушить топорами или пороховой взрывом прочную дверь на высоком крутом берегу. Основная группа должна была окружить дом и все службы фермы. Третью этой последней группы капитан Мэтьюсон должен был повести к таинственному каменному строению с узкими окнами. Еще одна треть во главе с капитаном Випплом предназначалась для нападения на дом, а оставшаяся треть должна была находиться в резерве до сигнала.

Согласно этому плану группа, находившаяся на берегу реки, должна была штурмовать дверь по свистку и захватить всех, кто появится из подземелья. Услышав два свистка, группа должна была проникнуть через дверь в само подземелье. Группа у каменного строения по тем же сигналам должна была вначале взломать входную дверь, а затем спуститься в подземелье и присоединиться к нападающим со своей стороны. Последний сигнал – три свистка – вызывал резервные силы, охранявшие подступ к ферме; часть из составлявших их двадцати человек должна была войти в подземные помещения через дом, а другие – через каменное здание. Капитан Виппл был абсолютно уверен в существовании катакомб и учитывал это при составлении плана. У него был боцманский свисток, издававший очень сильный и резкий звук, ко-

торый было трудно не услышать даже на приличном расстоянии. Сигналы могла пропустить лишь группа на морском берегу, и потому их предполагалось продублировать, направив туда гонца. Мозес Браун и Джон Картер отправились к реке вместе с капитаном Хопкинсом, а президент Меннинг должен был оставаться с капитаном Мэтьюсоном у каменного строения. Доктор Бовен и Эзра Виден находились в группе капитана Виппла, которая должна была начать штурм дома сразу, как только к капитану Випплу прибудет гонец от капитана Хопкинса, сообщая о готовности его группы. Тогда командир отряда подаст сигнал – один громкий свисток, и все они одновременно начнут штурм в трех местах. В час ночи с минутами все три группы покинули ферму Феннера: одна направилась к морскому берегу, вторая – в долину реки, к ведущей в подземелье двери, а третья в свою очередь разделилась на две части и двинулась к ферме Карвена.

Элеазар Смит, сопровождавший береговую группу, пишет в своем дневнике, что прибыли они к месту назначения без всяких происшествий и долго ждали у крутого склона, спускающегося к бухте. Один раз тишина была нарушена неясным звуком, напоминающим сигнал, второй раз – свирепым ревом и криками, затем – взрывом, происшедшим, по всей вероятности, в том же месте. Позже одному из моряков показалось, что он слышит отдаленные мушкетные и ружейные выстрелы, а еще через некоторое время Смит почувствовал, как все вокруг заходило ходуном и воздух содрогнулся от

звука таинственных и страшных слов, произнесенных неведомым гигантским существом.

Только перед самым рассветом к ним в одиночку добрался гонец, измученный, с дико блуждающим взглядом; одежда его источала ужасающее зловоние. Он велел им без всякого шума расходиться по домам и никогда не упоминать и даже не думать о делах этой ночи и о том, чье имя было Джозеф Карвен. Вид гонца был убедительнее всяких слов. Прежде он слыл простым и честным моряком, имевшим множество друзей, но с той ночи в нем произошла непонятная перемена: что-то как будто надломилось в его душе и он начал сторониться людей. Аналогичные перемены, как потом выяснилось, произошли и с другими участниками нападения, побывавшими в самом гнезде неведомых ужасов. Каждый из этих людей, казалось, утратил частицу своего существа, увидев и услышав нечто, не предназначенное для человеческих ушей и глаз, и не сумев это забыть. Они никогда ни о чем не рассказывали, ибо инстинкт самосохранения – самый примитивный из человеческих инстинктов – заставляет человека останавливаться перед страшным и неведомым. Этот невыразимый страх передался людям из береговой группы от единственного добравшегося до них гонца. Они также почти ничего не рассказывали об этом деле; и дневник Элеазара Смита является единственной записью, оставшейся от ночного похода вооруженного отряда, который выступил из таверны «Золотой лев» в ту весеннюю звездную ночь.

Однако Чарльз Вард нашел косвенные сведения об этой экспедиции в письмах Феннеров, обнаруженных им в Нью-Лондоне, где проживала другая ветвь этого семейства. По всей вероятности, потаксетские Феннеры, из чьего дома была видна обреченная ферма, заметили, как туда шли группы вооруженных людей, и ясно слышали бешеный лай собак Карвена, за которым последовал пронзительный свисток – сигнал к штурму. После свистка из каменного здания во дворе фермы в небо вновь вырвался яркий луч света, и сразу же раздался второй сигнал, зовущий все группы на приступ. Понеслась слабая россыпь мушкетных выстрелов, почти заглушенная ужасающим воплем и ревом. Никакими описаниями нельзя передать весь ужас этих звуков; по словам Люка Феннера, его мать потеряла сознание, едва их услышав. Потом вопль повторился немного тише, сопровождаемый глухими выстрелами и оглушительным взрывом, раздавшимся со стороны реки. Примерно через час после этого собаки стали лаять уже с испугом, послышался глухой подземный гул и пол в доме задрожал так, что покачнулись свечи, стоявшие на каминной доске. Почувствовался сильный запах серы, и в это время отец Люка Феннера сказал, что слышал третий сигнал, зовущий на помощь, хотя другие члены семьи ничего не заметили. Снова прозвучали залпы мушкетов, сопровождаемые глухим гортанным криком, не таким пронзительным, как прежде, но еще более ужасным – он был чем-то вроде злобного бульканья или кашля, так что назвать это звук кри-

ком можно было лишь потому, что он продолжался бесконечно долго и его было труднее выносить, чем любой самый громкий вопль.

Затем оттуда, где находилась ферма Карвена, внезапно вырвалась огромная пылающая фигура и послышались отчаянные крики пораженных страхом людей. Затрещали мушкетеры, и она упала на землю. Но за ней появился второй охваченный пламенем неясный силуэт. В оглушительном шуме едва можно было различить человеческие голоса. Феннер пишет, что он смог расслышать лишь несколько слов, исторгнутых ужасом в лихорадочной попытке спасения: «Всемогущий, защити паству твою!» После нескольких выстрелов упала и вторая горящая фигура. Затем наступила тишина, которая длилась примерно три четверти часа. Наконец маленький Артур Феннер, младший брат Люка, крикнул, что он видит, как от проклятой фермы поднимается к звездам «красный туман». Это увидел только ребенок, но Люк отмечает многозначительное совпадение: в этот момент три кошки, находившиеся в комнате, были охвачены необъяснимым страхом – они выгнулись горбом, и шерсть на их спинах поднялась дыбом.

Через пять минут подул ледяной ветер, и воздух наполнился таким нестерпимым зловонием, что только свежий бриз не дал почувствовать его группе на морском берегу или кому-то иному в селении Потаксет. Это зловоние не было похоже ни на один запах, который Феннерам приходилось ощу-

щать прежде, и вызывало какой-то липкий бесформенный страх, намного сильнее того, что испытывает человек, находясь на кладбище у разверстой могилы. Вскоре после этого прозвучал зловещий голос, который никогда не суждено забыть тому, кто имел несчастье его услышать. Он прогремел с неба, словно вестник гибели, и, когда замерло его эхо, во всех окнах задрожали стекла. Голос был низким и сильным, словно звуки органа, и зловещим, как тайные заклинания в древних арабских книгах. Никто не мог сказать, какие слова он произнес, ибо говорил он на неведомом языке, но Люк Феннер попытался записать услышанное: «ДЕЕСМЕЕС ЙЕСХЕТ БОНЕ ДОСЕФЕ ДУВЕМА ЭНИТЕМОСС». До 1919 года ни одна душа не усмотрела связи этой приблизительной записи с чем-либо известным людям ранее, но Чарльз Вард покрылся внезапной бледностью, узнав слова, которые Мирандола⁴⁵ определил как самое страшное заклинание, употребляемое в черной магии.

Этому дьявольскому зову ответил целый хор отчаянных криков, без сомнения человеческих, которые раздались со стороны фермы Карвена, после чего к зловонию примешал-

⁴⁵ *Мирандола*, Джованни Пико делла (1463–1494) – итальянский мыслитель эпохи Возрождения, представитель раннего гуманизма. В своем трактате «О достоинстве человека» утверждает безграничные возможности человека, который «может опуститься до скотского состояния, но может и возвыситься до божества». Выдающийся знаток многих древних и восточных языков, Мирандола открыл для Западной Европы еврейское религиозно-мистическое учение Каббалу. В данном случае, по всей видимости, речь идет как раз о его переводе Каббалы.

ся новый запах, такой же нестерпимо едкий. Крикам сопутствовал вой, то громкий, то затихающий, словно перехваченный спазмами. Иногда он становился почти членораздельным, хотя ни один из слушателей не мог разобрать слов; иногда переходил в страшный истерический смех. Потом раздался вопль ужаса, крик леденящего безумия, вырвавшийся из человеческих глоток, ясный и громкий, несмотря на то, что, вероятно, исходил из самых глубин подземелья, после чего воцарились тишина и полный мрак. Клубы едкого дыма поднялись к небу, затмевая звезды, хотя нигде не было видно огня и ни одна постройка на ферме Карвена не была повреждена, как выяснилось на следующее утро.

Незадолго до рассвета двое людей в пропитанной чудовищным зловонием одежде постучались к Феннерам и попросили у них бочонок рома, очень щедро за него заплатив. Один из них сказал Феннерам, что с Джозефом Карвенем покончено и что им не следует ни в коем случае упоминать о событиях этой ночи. Как ни самонадеянно звучал приказ, в нем было нечто, не позволявшее его ослушаться, словно он исходил от какой-то высшей власти; так что об увиденном и услышанном Феннерами в ту ночь рассказывают лишь случайно уцелевшие письма Люка, которые он просил уничтожить по прочтении. Только необязательность коннектикутского родственника, которому писал Люк – ведь письма в конце концов уцелели, – сохранила это событие от всемирного забвения. Чарльз Вард мог добавить одну деталь,

добытую им после долгих расспросов жителей Потаксета об их предках. Старый Чарльз Слокум, всю жизнь проживший в этом селении, сообщил о странном слухе, пересказанном его дедушкой: будто бы в поле недалеко от селения через неделю после того, как было объявлено о смерти Джозефа Карвена, было найдено обуглившееся изуродованное тело. Разговоры об этом долго не умолкали, потому что этот труп, правда, сильно обгоревший, не принадлежал ни человеку, ни какому-нибудь животному, знакомому жителям Потаксета или описанному в книгах.

6

Никто из участников ночного набега ничего о нем не рассказывал, и все подробности, дошедшие до нас, переданы людьми, при сем не присутствовавшими. Поразительна тщательность, с которой непосредственные участники штурма избегали малейшего упоминания об этом предмете. Восемь моряков были убиты, но, хотя их тела не были переданы семьям, те удовлетволялись историей о стычке с таможенниками. Так же были объяснены и многочисленные раны, тщательно забинтованные доктором Джейбзом Бовеном, который сопровождал отряд. Труднее всего было объяснить странный запах, которым пропитались все участники штурма, – об этом говорили в городе несколько недель. Из командиров самые тяжелые ранения получили капитан Виппл и

Мозес Браун. Письма, отправленные их женами своим родственникам, говорят о том, в каком отчаянии были эти женщины, когда раненые решительно запретили им прикасаться к повязкам и менять их.

Участники нападения на ферму Карвена сразу как-то постарели, стали раздражительными и мрачными. По счастью, все это были люди закаленные, привыкшие действовать в самых тяжелых условиях, и притом глубоко религиозные, не признающие никаких отклонений от традиционных понятий и норм. Умей они глубже задумываться над пережитым и обладай более развитым воображением, они бы пострадали куда больше. Тяжелее всего пришлось президенту Меннингу, но и он сумел преодолеть мрачные воспоминания, заглушая их молитвами. Каждый из этих выдающихся людей сыграл впоследствии важную роль. Не более чем через двенадцать месяцев после этого события капитан Виппл стал во главе восставшей толпы, которая сожгла таможенное судно «Гэспи», и в этом его поступке можно усмотреть желание навсегда избавиться от ужасных образов, отягощающих его память, сменив их другими воспоминаниями.

Вдове Джозефа Карвена отослали запечатанный свинцовый гроб странной формы, очевидно найденный на ферме, где он был приготовлен на случай необходимости; в нем, как ей сказали, находилось тело мужа. Ей объявили, что он был убит в стычке с таможенниками, подробностей которой ей лучше не знать. Больше никто ни словом не обмолвился

о кончине Джозефа Карвена, и Чарльз Вард имел в своем распоряжении только неясный намек, на котором и построил свою теорию. Это была лишь тонкая нить – подчеркнутый дрожащей рукой отрывок из конфискованного послания Джедедии Орна к Карвену, которое было частично переписано почерком Эзры Видена. Копия была найдена у потомков Смита, и можно было лишь гадать, отдал ее Виден своему приятелю, когда все было кончено, как объяснение случившихся с ними чудовищных вещей, либо, что было более вероятно, письмо находилось у Смита еще до этого и он подчеркнул эти фразы собственной рукой. Вот какой отрывок подчеркнут в этом письме:

Я вновь и вновь говорю Вам: не вызывайте Того, кого не сможете Покорить воле своей. Под сими словами подразумеваю я Того, кто сможет в свою Очередь призвать против Вас такие силы, против которых бесполезны окажутся Ваши самые сильные инструменты и заклинания. Проси Меньшего, ибо Великий может не пожелать тебе Ответить, и в его власти окажешься не только ты, но и много большее.

Размышляя о том, каких невыразимо ужасных союзников мог вызвать силами магии Карвен в минуту отчаяния, Чарльз Вард задавал себе вопрос, действительно ли его предок пал от руки одного из граждан Провиденса.

Влиятельные люди, руководившие штурмом фермы Карвена, приложили немало усилий к тому, чтобы всякое

упоминание о нем было стерто из памяти людей и из анналов города. Правда, поначалу они были не столь решительно настроены и не предъявляли подобных требований вдове погибшего, его тестю и дочери; но капитан Тиллингест был человеком пронизательным и скоро узнал достаточно, чтобы ужаснуться и потребовать от своей дочери возвращения девичьей фамилии. Он приказал сжечь все книги покойного и оставшиеся после него бумаги и стереть надпись с надгробия на могиле своего зятя. Он был хорошо знаком с капитаном Випплом и, вероятно, смог узнать у этого бравого моряка больше, чем кто-нибудь иной, о последних минутах колдуна, заклеяменного вечным проклятием.

С того времени было строго запрещено даже упоминать имя Карвена и приказано уничтожить все касающиеся его записи в городских архивах и заметки в местной газете. Подобные меры можно сравнить разве что с тщательным замалчиванием имени Оскара Уайльда на протяжении десяти лет после его осуждения или с печальной судьбой героя сказки лорда Дансени – короля страны Руназар⁴⁶, которого боги лишили не только существования, но и прошлого, сделав так, что он вообще не существовал никогда.

Миссис Тиллингест, как стала называться вдова Карвена после 1772 года, продала дом на Олни-Корт и жила вместе со своим отцом на Пауэр-лейн до самой смерти, которая по-

⁴⁶ ...героя сказки лорда Дансени – короля страны Руназар... – Речь идет о сказке лорда Дансени (1878–1957) «Король, которого не было».

следовала в 1817 году. Ферма в Потаксете, которую все избегали, на удивление быстро ветшала и разрушалась. К 1780 году там оставались только каменные и кирпичные здания, а к 1800 году даже они превратились в груду развалин. Никто не осмеливался пробраться через разросшийся кустарник на берегу реки, где могла скрываться потайная дверь; никто даже не пытался представить себе обстоятельства, при которых Джозефа Карвена унесло из этого мира нечто ужасное, им же самим и вызванное.

И только упрямый капитан Виппл, по утверждению неких обладателей очень тонкого слуха, время от времени бормотал себе под нос не совсем понятные слова: «Чума его возьми... если уж вопишь, то не смейся... Этот проклятый мерзавец напоследок припрятал самое скверное... Клянусь честью, надо было спалить дотла его дом».

Глава третья

Поиск и воплощение

1

Как уже отмечалось, Чарльз Вард только в 1918 году узнал, что Джозеф Карвен – один из его предков. Вряд ли стоит удивляться тому, что он тотчас проявил живейший интерес к истории этого таинственного человека, каждая подробность жизни которого стала для Чарльза особенно важной, ибо в нем самом текла кровь Джозефа Карвена. Да и всякий специалист по генеалогии, наделенный живым воображением и преданный своей науке, не преминул бы в подобном случае начать систематический сбор данных.

Свои первые находки он не пытался держать в тайне, так что доктор Лайман даже колебался, считать ли началом безумия молодого человека момент, когда он узнал о своем родстве с Карвенем, или отнести это время к 1919 году. Он обо всем рассказывал родителям (хотя матери и не доставило особой радости известие, что среди ее предков был человек, подобный Карвену) и работникам многих музеев и библиотек, которые посещал. Обращаясь к владельцам частных архивов с просьбой ознакомить его с имеющимися в их распо-

ряжении записями, он не скрывал своей цели, разделяя их несколько насмешливое и скептическое отношение к авторам старых дневников и писем. При всем том он выказывал искреннее желание узнать, что в действительности произошло полтора столетия назад на той потаксетской ферме, чье местоположение он тщетно старался отыскать, и кем, собственно, был Джозеф Карвен.

Получив в свое распоряжение дневник и архив Смита и обнаружив письмо от Джедедии Орна, он решил посетить Салем, чтобы выяснить, как провел Карвен молодость и с кем был там связан, что он и сделал во время пасхальных каникул в 1919 году. В Эссексском институте, который был ему хорошо знаком по прошлым визитам в этот романтический старый город с ветхими английскими фронтонами и теснящимися друг к другу остроконечными кровлями, Чарльз был очень любезно принят и нашел множество данных о предмете своего исследования. Он узнал, что его отдаленный предок родился в местечке Салем-Виллидж, ныне Денверс, в семи милях от города, восемнадцатого февраля (по старому стилю) 1662 или 1663 года, что он удрал из дому в возрасте пятнадцати лет, стал моряком, вернулся домой только через девять лет, приобретя речь, одежду и манеры английского джентльмена, и осел в Салеме. В ту пору он почти прекратил общение с членами своей семьи, проводя большую часть времени за изучением невиданных здесь прежде книг, привезенных им из Европы, и занимаясь химическими опытами

с веществами, доставленными из Англии, Франции и Голландии. Иногда он совершал экскурсии по окрестным селениям, что со временем начало вызывать беспокойство среди местных жителей, которые связывали эти его походы со слухами о таинственных кострах, пылавших по ночам на вершинах холмов.

Единственными близкими друзьями Карвена были некие Эдвард Хатчинсон из Салем-Виллидж и Саймон Орн из Салема. Часто видели, как он беседовал с этими людьми о городских делах, и они нередко навещали друг друга. Дом Хатчинсона стоял почти в самом лесу и заслужил дурную репутацию среди прихожан, ибо по ночам оттуда доносились странные звуки. Говорили, что к нему являются не совсем обычные посетители, а окна комнат часто светятся разными цветами. Большие подозрения вызывало и то, что он знал слишком много о давно умерших людях, о полузабытых событиях. Он исчез, когда началась знаменитая салемская охота на ведьм, и более о нем никто не слышал. Тогда же из города выехал и Джозеф Карвен, но в Салеме скоро узнали, что он обосновался в Провиденсе. Саймон Орн прожил в Салеме до 1720 года, пока его слишком молоджавый вид, несмотря на почтенный возраст, стал привлекать всеобщее внимание. Тогда он бесследно исчез, но тридцать лет спустя в Салем приехал его сын, похожий на него как две капли воды, и предъявил свои права на наследство. Его претензии были удовлетворены, ибо он представил документы, написанные хоро-

шо всем известным почерком Саймона Орна. Джедедия Орн продолжал жить в Салеме вплоть до 1771 года, когда письма от уважаемых граждан города Провиденса к преподобному Томасу Бернаруду и некоторым другим привели к тому, что Джедедию без всякого шума отправили в края неведомые.

Некоторые документы, в которых речь шла о весьма странных вещах, Вард смог получить в Эссексском институте, судебном архиве и в записях, хранившихся в ратуше. Многие из этих бумаг содержали самые обычные данные – названия земельных участков, торговые счета и тому подобное, но среди них попадались и более интересные сведения. Вард нашел три или четыре бесспорных указания на то, что его непосредственно интересовало. В записях процессов о колдовстве упоминалось, что некая Хепзиба Лоусон десятого июля 1692 года в суде Ойера и Терминена присягнула перед судьей Хеторном в том, что «сорок ведьм и Черный Человек имели обыкновение устраивать шабаш в лесу за домом мистера Хатчинсона», а некая Эмити Хоу заявила на судебном заседании от восьмого августа в присутствии судьи Джедни, что «в ту Ночь Дьявол пометил своим Знаком Бриджит С., Джонатана Э., Саймона О., Деливеренс В., Джозефа К., Сьюзен П., Мехитейбл К. и Дебору В.». Существовал, кроме того, каталог книг с устрашающими названиями из библиотеки Хатчинсона, найденный после его исчезновения, и написанный его почерком незаконченный зашифрованный манускрипт, который никто не смог прочесть. Вард заказал фо-

токопию этой рукописи и сразу же после ее получения стал заниматься расшифровкой. К концу августа он начал работать над ней особенно интенсивно, почти не отрываясь, и впоследствии из его слов и поступков можно было сделать вывод, что в октябре или ноябре он наконец нашел ключ к шифру. Но юноша никогда прямо не говорил о том, удалось ли ему добиться успеха.

Еще более интересным оказался материал, касающийся Орна. Варду понадобилось очень немного времени, чтобы доказать, что Саймон Орн и тот, кто объявил себя его сыном, в действительности – одно и то же лицо. Как писал Орн приятелю, вряд ли было разумно при его обстоятельствах жить слишком долго в Салеме, поэтому он провел тридцать лет за пределами родины и вернулся туда уже как представитель нового поколения. Орн, соблюдая все предосторожности, тщательно уничтожил большую часть своей корреспонденции, но люди, которые занялись его делом в 1771 году, сохранили несколько документов и писем, вызвавших их недоумение. Это были загадочные формулы и диаграммы с надписями, которые были сделаны рукой Орна и другим почерком и которые Вард тщательно переписал или сфотографировал, а также в высшей степени таинственное письмо, написанное рукой Джозефа Карвена, что удалось выяснить при его сличении с некоторыми уцелевшими записями в городской книге актов.

Это письмо было, очевидно, составлено раньше конфис-

кованного послания Орна. По содержанию Вард установил дату его написания – не позднее 1750 или первых месяцев 1751 года. Небезынтересно привести текст этого письма целиком как образец стиля таинственного человека, внушавшего страх современникам. К получателю письма Карвен обращается «Саймон», но это имя везде перечеркнуто (Вард не смог определить кем: Карвеном или Орном).

Провиденс, 1 мая.

Брат мой!

Приветствую Вас, мой уважаемый старинный друг, и да будет вечно славен Тот, кому мы служим, дабы овладеть абсолютной властью. Я только что узнал нечто, любопытное также для Вас, касательно Границы Дозволенного и того, как поступать относительно этого должно. Я не расположен следовать примеру Вашему и покинуть город из-за своего возраста, ибо в Провиденсе, не в пример Массачусетсу, не относятся с Нетерпимостью к Вещам неизвестным и необычным и не предают людей Суду с подобной Легкостью. Я связан заботами о своих товарах и торговых судах и не смог бы поступить так, как Вы, тем паче что ферма моя в Потаксете содержит в своих подземельях то, что Вам известно и что не будет ждать моего возвращения под личиной Другого.

Но я готов к любым превратностям Фортуны, как уже говорил Вам, и долго размышлял о путях

к Возвращению. Прошлой Ночью я напал на Слова, призывающие ЙОГ-СОТОНА, и впервые узрел сей лик, о коем говорит Ибн-Шакабак в своей книге. И Он сказал, что IX псалом Книги Проклятого содержит Ключ. Когда Солнце перейдет в пятый Дом, а Сатурн окажется в благоприятном Положении, начерти Пентаграмму⁴⁷ Огня и трижды произнеси IX Стих. Повторяй сей Стих каждый раз в Страстную Пятницу⁴⁸ и в канун Дня Всех Святых⁴⁹, и предмет сей зародится во Внешних Сферах.

И из Семена Древнего Предка возродится Тот, кто заглянет в Прошлое, хоть и не ведая своих целей.

Но нельзя Ничего ожидать от этого, если не будет Наследника и если Соли или способ изготовления Солей будут еще не готовы. И здесь я должен признаться, что не предпринял достаточно Шагов, дабы открыть Большие. Процесс идет весьма туго и требует такого Количества Специй, что мне едва удастся добыть довольно, несмотря на множество моряков, завербованных мною в Вест-Индии. Люди вокруг меня начинают проявлять любопытство, но я могу держать их на должном расстоянии. Знатные

⁴⁷ Пентаграмма – правильный пятиугольник, на каждой стороне которого построены равнобедренные треугольники, равные по высоте. В Средние века пентаграмма являлась одним из самых распространенных магических знаков.

⁴⁸ Страстная пятница – пятница на предпасхальной, так называемой Страстной неделе, когда был распят Иисус Христос.

⁴⁹ День Всех Святых – 1 ноября; канун Дня Всех Святых – Хеллоуин – по средневековым поверьям считался праздником нечистой силы.

хуже Простонародья, ибо входят во всякие мелочи и более упорны в своих Действиях, кроме того, их слова пользуются большей верой. Этот Настоятель и доктор Меррит, как я опасюсь, проговорились кое о чем, но пока нет никакой Опасности. Химические субстанции доставать нетрудно, ибо в городе два хороших аптекаря – доктор Бовен и Сент-Керью. Я выполняю инструкции Бореллия и прибегаю к помощи VII Книги Абдула Альхазреда. Я уделю вам долю из всего, что мне удастся получить. А пока что не проявляйте небрежения в использовании Слов, которые я сообщил вам. Я переписал их со всем тщанием, но, если вы питаете Желание увидеть Его, примените то, что записано на Куске пергамента, который я вложил в этот конверт. Постоянно произносите Стихи из Псалма в Страстную Пятницу и в канун Дня Всех Святых, и, если ваш Род не прервется, через годы должен явиться тот, кто оглянется в Прошломое и использует Соли или материал для изготовления Солей, который вы ему оставили. Смотри Книгу Иова, 14:14.

Я счастлив, что вы снова в Салеме, и надеюсь, что вскоре смогу с вами свидеться. Я приобрел доброго коня и намереваюсь купить коляску, благо в Провиденсе уже есть одна (доктора Меррита), хотя дороги здесь плохи. Если вы расположены к путешествию, не минуйте меня. Из Бостона садитесь в почтовую карету через Дедхем, Рентем и Этлборо: в каждом из этих городов имеется изрядная таверна. В Рентеме остановитесь

в таверне мистера Болкома, где постели лучшие, чем у Хетча, но отобедайте у последнего, где повар искуснее. Поверните в Провиденс у порогов Потаксета, затем следуйте по Дороге мимо таверны Сайлса. Мой Дом за Таун-стрит, напротив таверны Эпенетуса Олни, к северу от подворья Одни. Расстояние от Бостона – примерно сорок четыре мили.

*Сэр, остаюсь вашим верным другом и покорным
Службой во имя Альмонсина-Метратона.*

Джозефус К.

Мистеру Саймону Орну,

Вильямс-лейн, Салем.

Как ни странно, именно это письмо указало Варду точное местоположение дома Карвена в Провиденсе; ни одна запись, найденная им до сих пор, не говорила об этом с подобной определенностью. Открытие было важным вдвойне, ибо указывало на то, что новый дом Карвена был построен в 1761 году точно на месте старого. Ныне это обветшалое здание все еще стояло в Олни-Корт и было хорошо известно Варду, который много раз проходил мимо него во время своих скитаний по Стемперс-Хилл. Место это было не так уж далеко от его собственного дома, стоящего выше по склону холма. Там проживала негритянская чета, которую время от времени приглашали к Вардам для стирки, уборки и заготовки дров для печей. На юношу произвело огромное впечатление найденное в далеком Салеме неожиданное доказательство значения этого фамильного гнезда для истории

его собственной семьи, и он решил сразу же по возвращении тщательно осмотреть дом. Самые таинственные фразы письма, которые Чарльз счел своеобразными символами, в высшей степени заинтриговали его; и легкий холодок страха, смешанного с любопытством, охватил юношу, когда он припомнил, что отрывок из Библии, отмеченный как «Книга Иова, 14:14», был известным стихом: «Когда умрет человек, то будет ли он опять жить? Во все дни определенного мне времени я ожидал бы, пока придет мне смена».

2

Молодой Вард приехал домой в состоянии приятного возбуждения, а следующую субботу провел в долгом и утомительном осмотре дома на Олни-Корт. Это старое ветхое здание представляло собой довольно скромный двухэтажный особняк в колониальном стиле: простая остроконечная крыша, высокая дымовая труба в самом центре строения, покрытая вычурной резьбой входная дверь с полукруглым наддверным окошком, треугольный фронтон и тонкие колонны в дорическом стиле. Внешне дом почти совсем не изменился со времен постройки, и Вард сразу почувствовал, что наконец-то вплотную соприкоснулся со зловещим объектом своего исследования.

Нынешние обитатели дома, упомянутая негритянская чета, были ему хорошо знакомы. Старый Эйза и его тучная

супруга Ханна очень любезно показали ему все внутреннее убранство. Здесь оказалось больше перемен, чем можно было судить по внешнему виду здания, и Вард с сожалением отметил, что большая часть мраморных урн, завитков, украшавших камин, и деревянной резьбы буфетов и стенных шкафов пропала, а множество прекрасных панелей и лепных украшений отбиты, измазаны, покрыты глубоким царапинами или заклеены дешевыми обоями. В общем, зрелище было не столь захватывающим, как ожидал Вард, но по крайней мере он испытал некоторое волнение, стоя в стенах жилища одного из своих предков – дома, служившего приютом такому страшному человеку, как Джозеф Карвен. Мурашки пробежали по его спине, когда он заметил, что со старинного медного дверного молотка тщательно вытравлена монограмма прежнего владельца.

С этого момента и вплоть до окончания учебного года Вард проводил все свободное время, исследуя фотокопию шифрованного манускрипта Хатчинсона и собранную информацию о Карвене. Шифр все еще не поддавался разгадке, но зато из документов Вард извлек много нового, найдя ряд ключей к другим источникам, и наконец решил совершить путешествие в Нью-Лондон и Нью-Йорк, чтобы познакомиться с некоторыми старыми письмами, которые, по его данным, должны были там находиться. Поездка оказалась успешной: он нашел письма Феннера с описанием нападения на ферму в Потаксете, а также послания Найтингейл-Толбо-

та, откуда узнал о портрете, написанном на одной из панелей в библиотеке Карвена. Особенно заинтересовало его упоминание о портрете: он многое бы отдал, чтобы узнать, как выглядел Джозеф Карвен, и принял решение еще раз осмотреть дом на Олни-Корт в надежде найти хоть какой-нибудь след давно умершего человека под слоем облупившейся стародавней краски или полуистлевших обоев.

В начале августа Вард предпринял эти поиски, тщательно осматривая и ощупывая стены каждой комнаты, достаточно просторной для того, чтобы служить библиотекой бывшего владельца дома. Особое внимание он обращал на панели над сохранившимися каминами и пришел в неопишное волнение, когда примерно через час обнаружил обширное пространство над каминной доской в одной из комнат первого этажа, где поверхность панели, с которой он соскреб несколько слоев краски, была гораздо темнее, чем обычная деревянная облицовка. Еще несколько осторожных движений острым перочинным ножом – и Вард убедился, что нашел большой портрет, написанный масляной краской. Проявив терпение и выдержку подлинного ученого, юноша не рискнул повредить портрет, сцарапывая дальше краску ножом в попытке сразу же посмотреть на обнаруженную картину; вместо этого он стал искать человека, который мог бы оказать ему квалифицированную помощь. Через три дня он вернулся с опытным художником, мистером Уолтером Дуайтом, чья мастерская находилась у подножия Колледж-Хилл,

и этот искусный реставратор картин тотчас принялся за работу, применяя свои испытанные методы и соответствующие химические вещества. Старый Эйза и его жена, несколько встревоженные визитами необычных посетителей, были должным образом вознаграждены за причиненные им неудобства.

Работа художника продвигалась, и Чарльз Вард со все возрастающим интересом следил за тем, как на свет после долгого забвения появляются все новые детали портрета. Дуайт начал реставрировать снизу, и, поскольку портрет был в три четверти натуральной величины, лицо появилось лишь спустя некоторое время. Но уже вскоре стало заметно, что на нем изображен худощавый мужчина правильного сложения в темно-синем камзоле, вышитом жилете, коротких штанах из черного атласа и белых шелковых чулках, сидящий в резном кресле на фоне окна, за которым виднелись верфи и корабли. Когда художник расчистил верхнюю часть портрета, Вард увидел аккуратный парик и худощавое, спокойное, ничем не примечательное лицо, которое показалось знакомым как Чарльзу, так и художнику. И лишь потом, когда прояснились все детали этого гладкого, бледного лица, у реставратора и у его заказчика перехватило дыхание от удивления: с чувством, близким к ужасу, они поняли, какую зловещую шутку сыграла здесь наследственность. Ибо когда последняя масляная ванна и последнее движение лезвия извлекли на свет божий лицо, скрытое столетиями, пораженный Чарльз

Декстер Вард, чьи думы были постоянно обращены в прошлое, узрел собственные черты в обличье своего зловещего прапрапрадеда!

Вард привел родителей, чтобы те полюбовались на открытую им диковину, и отец тотчас же решил приобрести картину, хотя она и была выполнена на вделанной в стену панели. Бросавшееся в глаза сходство с юношей, несмотря на то что изображенный на портрете человек смотрелся несколько старше, казалось чудом; какая-то странная игра природы создала точного двойника Джозефа Карвена через полтора столетия. Миссис Вард совершенно не походила на своего отдаленного предка, хотя она могла припомнить нескольких родственников, которые имели какие-то черты, общие с ее сыном и давно умершим Карвенем. Она не особенно обрадовалась находке и сказала мужу, что портрет лучше было бы сжечь, чем привозить домой. Она твердила, что в портрете есть что-то отталкивающее, он противен ей и сам по себе, и особенно из-за необычайного сходства с Чарльзом. Однако мистер Вард, практичный и властный бизнесмен, владелец многочисленных ткацких фабрик в Ривер-Пойнте и долине Потаксета, не склонен был прислушиваться к женской болтовне и потакать суевериям. Портрет поразил его сходством с сыном, и он полагал, что юноша заслуживает такого подарка. Не стоит и говорить, что Чарльз горячо поддержал отца в его решении. Через несколько дней мистер Вард, найдя владельца дома и пригласив юриста – маленького человечка с

крысиным лицом и гортанным акцентом, – купил весь камин вместе с верхней панелью, на которой была написана картина, за назначенную им самим немалую цену, назвав которую он разом положил конец торгу.

Оставалось лишь снять панель и перевезти ее в дом Вардов, где были сделаны приготовления для окончательной реставрации портрета и установки его в кабинете Чарльза на третьем этаже, над электрическим камином. На Чарльза возложили задачу наблюдать за перевозкой, и 28 августа он привел двух опытных рабочих из отделочной фирмы Крукера в дом на Олни-Корт, где камин и панель были очень осторожно разобраны для погрузки в машину, принадлежащую фирме. После этого в стене остался кусок открытой кирпичной кладки у начала трубы; там молодой Вард заметил углубление величиной около квадратного фута, которое должно было находиться прямо за головой портрета. Заинтересовавшись, что могло означать или содержать это углубление, юноша подошел и заглянул внутрь. Под толстым слоем пыли и сажки он нашел какие-то разрозненные пожелтевшие листы бумаги, толстую тетрадь в грубой обложке и несколько истлевших кусков ткани, в которую, очевидно, были завернуты эти документы. Вард сдул пыль и золу с бумаг, взял тетрадь и увидел надпись на ее обложке, сделанную почерком, который он научился хорошо разбирать еще при работе в Эссекском институте. Тетрадь была озаглавлена «Дневник и заметки Джозефа Карвена, джентльмена из Провиденса, ро-

дившегося в Салеме».

Вард пришел в неописуемое волнение и показал тетрадь рабочим, стоявшим возле него. Ныне они клянутся в подлинности найденных бумаг, и доктор Виллет полностью полагается на их слова, доказывая, что юноша в ту пору не был безумным, хотя в его поведении уже были заметны некоторые странности. Все другие бумаги также были написаны почерком Карвена, и одна из них, может быть самая важная, носила многозначительное название: «Тому, Кто Придет Позже: Как Он Сможет Преодолеть Время и Пространство Сфер». Другая была написана шифром – возможно, тем же, что и манускрипт Хатчинсона, который Вард до сих пор не смог разгадать. Третья, к радости молодого исследователя, судя по всему, содержала ключ к шифру; а четвертая и пятая были адресованы соответственно «Эдварду Хатчинсону, эсквайру» и «Джедедии Орну, эсквайру» либо их «Наследнику или Наследникам, а также Лицам, их Представляющим». Шестая, и последняя, называлась: «Джозеф Карвен, Его Жизнеописание и Путешествия; Где Он Побывал, Кого Видел и Что Узнал».

3

Сейчас мы подходим к тому периоду, с которого, как утверждают психиатры консервативной школы, началось безумие Чарльза Варда. Найдя бумаги своего прапрапраде-

да, Чарльз сразу же просмотрел некоторые места и, по всей вероятности, нашел что-то крайне интересное. Но, показывая рабочим заголовки, он старательно прикрывал рукой сам текст и проявлял беспокойство, которое едва ли можно было объяснить исторической и генеалогической ценностью находки. Возвратившись домой, он сообщил эту новость с каким-то рассеянным видом, не скрывая необычайной важности найденных документов, но при всем том явно не горя желанием продемонстрировать их родителям. Он даже не упомянул их названия, сказав только, что нашел кое-какие записи Карвена, большей частью зашифрованные, которые нужно тщательно изучить, чтобы понять, о чем там говорится. Вряд ли он показал бы рабочим даже заголовки, если бы не их откровенное любопытство. Во всяком случае, он не желал проявлять особую скрытность, которая могла бы вызвать подозрения родителей и заставить их специально обсуждать эту тему.

Всю ночь Чарльз Вард просидел у себя в комнате, читая найденные бумаги, и с рассветом не прервал своего занятия. Когда мать позвала его, чтобы узнать, что случилось, он попросил принести завтрак наверх. Днем он показался лишь на короткое время, когда пришли рабочие устанавливать камин и портрет Карвена в его кабинете. Следующую ночь юноша спал урывками, не раздеваясь, так как продолжал лихорадочно биться над разгадкой шифра, которым был написан манускрипт. Утром его мать увидела, что он работает над фо-

токопией Хатчинсоновой рукописи, которую раньше часто ей показывал, но, когда она спросила, не может ли ему помочь ключ, данный в бумагах Карвена, он ответил отрицательно. Днем, оставив труды, он, словно зачарованный, наблюдал за рабочими, завершавшими установку портрета в раме над хитроумным устройством в камине, где бутафорское бревно весьма реалистично пылало электрическим огнем, и подгонявшими боковые панели камина, чтобы они не особенно выбивались из общего оформления комнаты. Передняя панель, на которой был написан портрет, была подпилена и установлена так, что позади нее образовалось что-то вроде стенового шкафа. По завершении работ Чарльз окончательно переселился в кабинет и расположился там, поглядывая то на разложенные перед ним бумаги, то на портрет, который в свою очередь взирал на юношу подобно состарившему его облик зеркалу, напоминая о прошедших столетиях.

Родители Чарльза, размышляя позднее о поведении сына в тот период, сообщают интересные детали относительно его стараний скрыть предмет своих исследований. В присутствии слуг он редко прятал какой-либо из документов, который изучал, ибо совершенно справедливо предполагал, что они все равно ничего не поймут в сложных и архаичных письменах Карвена. Однако в обществе родителей он проявлял большую осторожность, и хотя упомянутый манускрипт был написан шифром, являя собой сочетание загадочных

символов и неведомых идеограмм⁵⁰ (как и рукопись, озаглавленная «Тому, Кто Придет Позже...»), он спешил накрыть его первым попавшимся листом бумаги. На ночь юноша заперал все бумаги в старинный шкафчик, стоявший у него в кабинете. Так же он поступал всякий раз, выходя из комнаты. Постепенно он вернулся к более регулярному образу жизни, работая только в дневные часы, но долгие прогулки по городу прекратились, видимо, больше его не привлекала. Начало занятий в школе, где Чарльз учился в выпускном классе, было для него лишь помехой, и он неоднократно заявлял, что не намерен в дальнейшем поступать в колледж. Он говорил, что должен заняться чрезвычайно важными исследованиями, которые дадут гораздо больше знаний, чем все университеты мира.

Все это уже тогда могло бы обеспокоить окружающих, если бы Чарльз и ранее не проявлял склонности к уединению и долгим научным штудиям. Он был ученым-отшельником по складу характера, поэтому родители не столько удивлялись, сколько сожалели о его строгом затворничестве и скрытности. В то же время они сочли странным, что он не показывал им ни одного листочка из найденного сокровища и ничего не сообщал о ходе и результатах своих исследований. Эту таинственность Вард объяснял желанием подождать до тех

⁵⁰ *Идеограмма* – письменный знак (условное изображение или рисунок), соответствующий не звуку речи, а целому слову или морфеме – например, древнеегипетские, шумерские, китайские иероглифы.

пор, пока он не сможет оформить свое открытие как нечто цельное, но недели проходили без видимого прогресса, и в его отношениях с родными росла напряженность, тем более что миссис Вард с самого начала не одобряла всю эту возню с бумагами Карвена.

В октябре Вард снова начал посещать библиотеки, но теперь он искал не исторические документы, а литературу по колдовству и волшебству, оккультизму и демонологии. Если нужных ему материалов не оказывалось в Провиденсе, он отправлялся на поезде в Бостон, в большую библиотеку на Копли-Сквер, в гарвардскую библиотеку Вайденера или в Сионскую библиотеку в Бруклине, где хранились редкие труды по библейской тематике. Он покупал много необычных книг, быстро заполнив ими несколько новых полок, сооруженных в его кабинете. Во время рождественских каникул он предпринял ряд поездок по ближайшим городам, включая посещение Салема, где он сверялся с некоторыми материалами в архивах Эссексского института.

В середине января 1920 года Вард, судя по его торжествующему виду, добился определенных успехов, но и теперь не дал никаких объяснений. С той поры он уже не корпел часами над шифром Хатчинсона, а вместо этого приступил к химическим экспериментам, параллельно занимаясь изучением демографической статистики Провиденса. Под лабораторию был приспособлен чердак дома. Опрошенные впоследствии местные аптекари и фармацевты представили длин-

ный список веществ и инструментов, им приобретенных. В то же время показания служащих мэрии, ратуши и различных библиотек сходились на том, что второе направление его деятельности имело целью обнаружение могилы Джозефа Карвена, с надгробья которой в свое время было предумышленно стерто имя покойного.

Постепенно в семье Вардов пришли к выводу, что с их отпрыском происходит что-то неладное. Небольшие странности, и ранее отмечаемые в поведении Чарльза, сменились растущей скрытностью и уже явно нездоровой увлеченностью какими-то непонятными исследованиями. Он только делал вид, что учится, и, хотя ни разу не провалился на экзаменах, было очевидно, что круг его интересов сильно изменился: он целыми днями колдовал в своей химической лаборатории среди старинных трудов по алхимии, рылся в записях захоронений во всех церквях города или сидел, уткнувшись в книги по оккультным наукам, в своем кабинете, где удивительно – и, можно сказать, все более и более – похоже на него лицо Джозефа Карвена бесстрастно разглядывало своего потомка с панели на северной стене.

В конце марта к архивным изысканиям Варда прибавились таинственные вылазки на заброшенные городские кладбища. Впоследствии от клерков мэрии стало известно, что он, по всей видимости, нашел ключ к разгадке в старых регистрационных книгах. Помимо могилы Джозефа Карвена его интересовало погребение некоего Нафтали Филда. Причина

этого интереса выяснилась позже, когда в бумагах Варда была найдена копия краткой записи о похоронах Карвена, чудом избежавшей уничтожения и сообщающей, что загадочный свинцовый гроб был закопан «в 10 футах к югу и 5 футах к западу от могилы Нафтали Филда в...». Отсутствие в уцелевшем отрывке указания на кладбище, где находилась упомянутая могила, сильно осложнило поиски, и могила Нафтали Филда казалась такой же призрачно-неуловимой, как и место погребения самого Карвена, но в случае с первым не существовало общего заговора молчания и можно было с полной уверенностью ожидать, что рано или поздно найдется надгробный камень с надписью, даже если все записи окажутся утерянными. Отсюда и скитания Чарльза по всем кладбищам, исключая лишь то, что находилось при церкви Святого Иоанна (бывшая Королевская церковь), и погребения конгрегационалистов на кладбище Сван-Пойнт, так как ему стало известно, что усопший в 1729 году Нафтали Филд был баптистом.

4

В мае доктор Виллет по просьбе Варда-старшего серьезно поговорил с его сыном, предварительно ознакомившись со всеми сведениями о Карвене, которые Чарльз сообщил родителям, когда еще не хранил в такой строгой тайне свои исследования. Эта беседа не привела к каким-либо ощутимым

последствиям – ибо Виллет убедился, что Чарльз пребывает в здравом уме и целенаправленно занят делом, которое считает очень важным, – но она по крайней мере заставила юношу дать некоторые рациональные объяснения своим поступкам. Вард, принадлежавший к типу сухих и бесстрастных людей, которых нелегко смутить, с готовностью согласился рассказать о характере своих поисков, однако умолчал об их конечной цели. Он признал, что бумаги его прапрапрадеда содержат некоторые секреты ученых далекого прошлого, большей частью зашифрованные, важность которых сравнима только с открытиями Бэкона⁵¹, а может быть, даже превосходит их. Но для того чтобы полностью постигнуть суть этих тайн, необходимо соотнести их с теориями того времени, многие из которых уже полностью устарели или забыты, так что если рассматривать их в свете современных научных концепций, то они покажутся лишенными всякой реальной значимости. Чтобы занять достойное место в истории человеческой мысли, такие открытия должны быть представлены на фоне соответствующей эпохи, и Вард посвятил себя именно этой задаче. Он стремился как можно скорее постигнуть забытые знания и искусства древних для уяснения сути работ Карвена и надеялся когда-нибудь сделать полное сообщение о предметах, представляющих необычайный интерес для всего человечества, и прежде всего для науки. Даже Эйнштейн, заявлял он, не смог бы глубже изменить понима-

⁵¹ ...с открытиями Бэкона... – Речь идет о Роджере Бэконе.

ние сущности мироздания.

Что же касается походов на кладбище, то он заявил – не посвятив, впрочем, доктора в детали своих поисков, – что надеется отыскать на изуродованном могильном камне Джозефа Карвена определенные мистические символы, выгравированные согласно его завещанию и оставшиеся нетронутыми, когда стирали его имя. Эти символы, по его словам, совершенно необходимы для окончательной разгадки теории Карвена. Этот последний, как понял доктор из рассказа Варда, желал как можно тщательнее уберечь свою тайну и причудливым образом скрыл результаты открытий в разных местах. Когда же Виллет попросил юношу показать ему документы, найденные за портретом, тот выразил недовольство и попытался отделаться от дальнейших расспросов, подсунув доктору фотокопию манускрипта Хатчинсона и диаграммы Орна, но в конце концов показал издали часть своей находки: «Записи» (название было также зашифровано), содержащие множество формул, и послание «Тому, Кто Придет Позже», куда он позволил заглянуть, так как оно все равно было написано непонятными знаками.

Он также открыл дневник Карвена, тщательно выбрав самое невинное место, и позволил Виллету ознакомиться с почерком. Доктор очень внимательно рассмотрел неразборчивые и вычурные буквы и отметил, что и почерк, и стиль характерны для семнадцатого столетия, хотя автор дневника дожил до восемнадцатого века, так что с этой точки зрения

подлинность документов не вызывала сомнений. Сам по себе текст был довольно обычным, и Виллет запомнил только фрагмент:

«Пятн. 16 окт. 1754. Мой шлюп „Уэйкфул“ отчалил сего дня из Лондона, имея на Борту двадцать новых Людей, набранных в Вест-Индии, испанцев с Мартиники и голландских подданных из Суринама. Голландцы, сдается мне, склонны Дезертировать, ибо услышали нечто устрашающее о сем Предприятии, но я пригляжу за тем, чтобы заставить их Остаться. Для мистера Найта Декстера в Массачусетсе 120 штук камлота⁵², 100 штук тонкого камлота разных цветов, 20 штук синей фланели, 50 штук каламянки⁵³, по 300 штук чесучи и легкого шелку. Для мистера Грина из „Слона“ 50 галлонов сидра, 20 больших кастрюль, 15 котлов, 10 связок копченых языков. Для мистера Перриго 1 набор столярных инструментов. Для мистера Найтингейла 50 стоп лучшей писчей бумаги. Прошлой ночью трижды произнес САВАОФ⁵⁴, но Никто не явился. Мне нужно больше узнать от Мистера Х., что в Трансильвании⁵⁵,

⁵² *Камлот* – плотная грубая ткань из черных и коричневых нитей; обычно предназначалась для пошива крестьянской одежды.

⁵³ *Каламянка* – прочная льняная ткань.

⁵⁴ *Саваоф* (букв. «воинственный») – в иудаизме одно из имен бога Яхве, в христианстве – первое лицо Троицы, Бог Отец.

⁵⁵ *Трансильвания* – историческая область, долгое время находившаяся в составе Венгрии, а в 1920 году перешедшая к Румынии. Кроме румын и венгров в этих краях проживало также значительное число немецких колонистов. Об уединенных замках и хуторах Трансильвании издавна ходили легенды, так

хотя и весьма трудно добраться до него, и еще более странно, что он не может научить меня употреблению того, что так изрядно использовал в последние сто лет. Саймон не писал мне все эти пять недель, но я ожидаю вестей от него вскорости».

Когда, дочитав до этого места, доктор Виллет перевернул страницу, его немедленно прервал Вард, который почти выхватил дневник из его рук. Все, что доктор успел увидеть на открытой странице, была пара коротких фраз, но они почему-то врезались ему в память. Там говорилось: «Стих из Книги Проклятого был прочтен пять раз в Страстную Пятницу и четыре раза в канун Праздника Всех Святых, и я надеюсь, что сия Вещь зародится во Внешних Сферах. Это привлечет Того, Кто Придет, если быть уверенным, что таковой будет, и станет помышлять он лишь о Прошлых вещах и заглянет назад через Все прошедшие годы, так что я должен иметь готовые Соли либо то, из чего готовить их».

Виллет ничего больше не увидел, но беглого взгляда на страницу дневника было достаточно, чтобы ощутить смутный ужас перед изображенным на портрете лицом Карвена, который, казалось, насмешливо смотрел на него с панели над камином. Долгое время после этого его преследовало странное чувство, бывшее, как он понимал, не более чем игрой воображения: ему казалось, что глаза портрета

или иначе связанные с привидениями, оборотнями, вампирами, ожившими мертвецами и прочими потусторонними явлениями.

живут собственной жизнью и имеют обыкновение поворачиваться в ту сторону, куда движется юный Чарльз Вард. Перед уходом доктор остановился перед изображением, чтобы рассмотреть его поближе, поражаясь сходству с Чарльзом и запоминая каждую деталь этого загадочного облика. Он отметил даже небольшой шрам или углубление на гладком лбу над правым глазом. «Художник Космо Александер был достоин своей славной родины Шотландии, возраставшей Реборна⁵⁶, а учитель достоин своего знаменитого ученика, Джилберта Стюарта», – заключил доктор по завершении осмотра.

Получив уверения от доктора, что душевному здоровью Чарльза ничто не угрожает и что он занят исследованиями, которые могут принести удивительные результаты, родители Варда отнеслись сравнительно спокойно к тому, что в июне юноша решительно отказался посещать колледж. Он заявил, что должен заняться гораздо более важными вещами, и выразил желание отправиться на следующий год за границу, чтобы найти кое-какую информацию о Карвене, отсутствующую в американских источниках. Вард-старший, отклонив это желание как абсурдное для молодого человека, которому едва исполнилось восемнадцать лет, нехотя согласился с тем, что Чарльз не будет продолжать систематическое образование. Итак, после далеко не блестящего окончания школы Чарльз в течение трех лет занимался оккультными нау-

⁵⁶ *Реборн*, Генри (1756–1823) – известный шотландский художник-портретист.

ками и поисками на городских кладбищах.

Его считали эксцентричным, а он по-прежнему старался избегать встреч со знакомыми и друзьями родителей и лишь изредка совершал поездки в другие города, чтобы прояснить те или иные не вполне понятные ему записи. Однажды он отправился на юг, чтобы поговорить с чудаковатым стариком-мулатом, обитавшим в хижине среди болот, о котором газеты напечатали статью, заинтересовавшую Варда. Он также посетил одно небольшое горное селение, откуда пришли вести о совершающихся там удивительных ритуалах. Но его родители все еще не разрешали ему совершить путешествие в Старый Свет, чего он так страстно желал.

Став совершеннолетним в апреле 1923 года и получив до этого наследство от дедушки с материнской стороны, Вард наконец-то смог отправиться в Европу. Он ничего не говорил о предполагавшемся маршруте, кроме того, что его исследования требуют посещения разных мест, но обещал регулярно и подробно писать родителям. Видя, что переубедить сына невозможно, они перестали препятствовать его намерениям и, напротив, помогли по мере сил. И вот в июне молодой человек отплыл в Ливерпуль под прощальные благословения родителей, которые проводили его до Бостона и махали платками на пирсе до тех пор, пока пароход не скрылся из виду. Письма сына сообщали о его благополучном прибытии и о том, что он нашел хорошую квартиру на Рассел-стрит в Лондоне, где и намеревался проживать, по-

ка не изучит все интересующие его источники в Британском музее. О своей повседневной жизни он писал очень мало, очевидно, потому, что писать было нечего. Чтение и химические опыты занимали все его время, и он упоминал в письмах лабораторию, которую устроил в одной из своих комнат. Он ничего не сообщал о своих прогулках по этому замечательному городу и не описывал лондонские пейзажи с древними куполами и колокольнями, с манящей перспективой сплетающихся аллей и улиц, где за каждым поворотом можно открыть новый потрясающий пейзаж. Родители сочли его молчание на сей счет добрым знаком, указывающим на то, в какой степени их сын был увлечен новым объектом исследований.

В июне 1924 года Вард сообщил о своем переезде из Лондона в Париж, куда он пару раз ненадолго выбирался и до этого, чтобы ознакомиться с материалами, хранящимися в Национальной библиотеке. Следующие три месяца он посылал лишь открытки с адресом на улице Сен-Жак, коротко сообщая, что занимается изучением редких рукописей в одной из частных коллекций. Он избегал знакомых, и ни один из побывавших там американских туристов не передавал Варду-старшему известий о его сыне. Затем наступила пауза, а в октябре Варды получили цветную открытку из Праги, извещавшую, что Чарльз находится в этом древнем городе, чтобы побеседовать с неким человеком весьма преклонного возраста, который предположительно был последним живым

носителем уникальных сведений об открытиях средневековых ученых. Далее Чарльз отправился в Нойштадт и остался там до января, затем прислал несколько открыток из Вены, сообщая, что находится здесь проездом по пути на восток, в небольшой городок, куда его пригласил один из корреспондентов и коллег, также изучавший оккультные науки.

Следующая открытка пришла из Клаузенбурга в Трансильвании; в ней Чарльз сообщал, что почти добрался до цели. Он собирался посетить барона Ференци, чье имение находилось в горах восточнее Ракуса, и просил писать ему туда на имя этого благородного дворянина. Еще одна открытка была получена из Ракуса, куда, по словам Варда, барон прислал за ним свой экипаж, чтобы перевезти из города в горы. Затем наступило длительное молчание. Он не отвечал на многочисленные письма родителей вплоть до мая, когда сообщил, что вынужден расстроить планы матери, желающей встретиться с ним в Лондоне, Париже или Риме в течение лета, – Варды решили также совершить поездку в Европу. Его работа, писал Чарльз, занимает так много времени, что он не может оставить имение барона Ференци, а замок находится в таком состоянии, что вряд ли родители захотят его посетить. Он расположен на крутом склоне в горах, заросших густым лесом, и простой люд избегает этих мест, так что любому посетителю поневоле станет не по себе. Более того, сам барон не такой человек, чтобы понравиться благопристойным, консервативным пожилым жителям Новой Англии. Его вид

и манеры могут внушить отвращение, и он невероятно стар. Было бы лучше, писал Чарльз, если бы родители подождали его возвращения в Провиденс, что произойдет в скором времени.

Однако вернулся он лишь в мае 1926 года. Заранее предупредив родителей несколькими открытками о своем приезде, молодой путешественник с комфортом пересек океан на корабле «Гомер» и проделал неблизкий путь из Нью-Йорка до Провиденса в автобусе, упиваясь зрелищем невысоких зеленых холмов, жадно вдыхая благоухание цветущих садов и любуясь белыми зданиями провинциальных городков Коннектикута. Впервые за последние годы он снова ощутил прелесть сельской Новой Англии. Автобус катил по Род-Айленду в золотом свете весеннего дня, и сердце молодого человека радостно забилося при въезде в Провиденс по улицам Резервуар и Элмвуд. С площади у вершины холма, там, где сходятся улицы Броуд, Вейбоссет и Эмпайер, он увидел внизу, в огненном свете заката, знакомые уютные дома, купола и острые кровли старого города. У него закружилась голова с приближением конечной станции, когда за рекой на холме показались высокий купол и зелень садов, испещренная яркими пятнами крыш, а далее – высокий шпиль старой баптистской церкви, светящийся розовым отблеском в волшебном вечернем свете на фоне едва распустившейся листвы.

Старый Провиденс! Таинственные силы долгой и непрерывной истории этого места сперва произвели его на свет, а

потом заставили оглянуться в прошлое, чтобы познать удивительные, безграничные тайны жизни и смерти. В этом городе было скрыто нечто чудесное и пугающее, и все долгие годы прилежных изысканий, все странствия явились лишь подготовкой к возвращению и долгожданной встрече с Неведомым. Такси провезло его мимо почтовой площади и старого рынка к месту, где начиналась бухта, а затем вверх по крутому извилистому подъему, к северу от которого засверкали в закатном зареве ионические колонны и огромный купол церкви «Христианской науки». Вот показались уютные старые имения, знакомые ему с детских лет, и причудливо выложенные кирпичом тротуары, по которым он ходил еще совсем маленьким. И наконец он увидел справа белые стены старой фермы, а слева – классический портик и фасад большого кирпичного дома, где он родился. Так, с наступлением сумерек, Чарльз Декстер Вард вернулся в отчий дом.

5

Психиатры менее консервативной школы, нежели та, к которой принадлежит доктор Лайман, связывают начало подлинного безумия Варда с его путешествием по Европе. Допуская, что Вард был совершенно здоров, когда покинул Америку, они полагают, что возвратился он уже пораженным болезнью. Однако доктор Виллет не согласен и с этим утверждением. Что-то произошло позже, упрямо твердит доктор,

приписывая известные странности юноши в данный период тому, что за границей он приучился совершать определенные ритуалы, безусловно необычные, но ни в коем случае не говорящие о психических отклонениях. Чарльз Вард, значительно возмужавший и окрепший, был на первый взгляд совершенно нормальным, а при общении с Виллетом проявил самообладание и уравновешенность, которые ни один безумный – даже при скрытой форме душевной болезни – не смог бы продемонстрировать в течение долгого времени, как бы он ни желал притвориться здоровым. На мысль о безумии наводили лишь звуки, которые в разное время суток можно было услышать из лаборатории Чарльза, помещавшейся на чердаке. Это были монотонные заклинания, напевы и громкая декламация в необычных ритмах. И хотя все это производилось голосом самого Варда, в характере звуков, интонациях и словах было нечто такое, отчего у невольного слушателя кровь стыла в жилах. Было замечено, что черный кот Ниг, всеми любимый и уважаемый обитатель их дома, шипел и испуганно выгибал спину, услышав определенные сочетания звуков.

Запахи, которые временами проникали из лаборатории, также были в высшей степени необычны: иногда едкие и ядовитые, они порой сменялись маняще-неуловимыми ароматами, которые, казалось, обладали какой-то волшебной силой и вызывали в уме фантастические образы. Вдыхавшие их люди говорили, что перед ними вставали, как миражи,

великолепные виды – горы странной формы либо бесконечные ряды сфинксов⁵⁷ и гиппогрифов⁵⁸, исчезающие в необозримом пространстве. Вард больше не предпринимал, как прежде, прогулок по городу, целиком отдавшись изучению экзотических книг, которые он привез домой, и не менее экзотическим занятиям в своем кабинете. Он объяснял, что европейские источники дали ему новый импульс и предоставили новые возможности, и обещал вскоре потрясти мир великими открытиями. Изменившееся и как-то постаревшее лицо Варда превратилось в почти точную копию портрета Карвена, висевшего в библиотеке. После разговоров с Чарльзом доктор Виллет часто останавливался перед камином, удивляясь феноменальному сходству юноши с его отдаленным предком и размышляя о том, что единственным различием между давно усопшим колдуном и молодым Вардом осталось небольшое углубление над правым глазом, хорошо заметное на картине.

Любопытны были беседы доктора с его молодым пациентом, которые велись по просьбе отца Чарльза. Вард никогда не отказывался встречаться и говорить с доктором, но последний так и не смог добиться полной искренности от молодого человека: его душа была как бы замкнута в себе. Ча-

⁵⁷ *Сфинкс* – в Древнем Египте статуя фантастического существа с телом льва и головой человека, реже – животного (сокола или барана).

⁵⁸ *Гиппогриф* – крылатый конь, образ, получивший широкое распространение в искусстве многих стран Древнего мира.

сто Виллет замечал в комнате странные предметы: небольшие изображения из воска, которые стояли на полках или на столах, полустертые остатки кругов, треугольников и пентаграмм, начерченных мелом или углем на полу в центре просторной комнаты. И по-прежнему каждую ночь звучали заклинания и напевы со странными ритмами, так что Вардам стало все труднее удерживать у себя прислугу, равно как и пресекать разговоры о безумии Чарльза.

В январе 1927 года произошел необычный инцидент. Однажды, когда около полуночи Чарльз произносил заклинание, гортанные звуки которого угрожающе звучали во всех комнатах, со стороны бухты донесся сильный порыв ледяного ветра, и все, включая соседей Вардов, ощутили слабую дрожь, сотрясавшую землю вокруг их дома. Кот метался по комнатам в ужасе, и на милю вокруг жалобно выли собаки. Это явление стало как бы прелюдией к сильной грозе, необычной для зимнего времени года, а в конце ее раздался такой грохот, что мистер и миссис Вард подумали, что в их дом ударила молния. Они бросились наверх, чтобы посмотреть, какие повреждения нанесены кровле, но Чарльз встретил их у дверей чердака, бледный, решительный и серьезный. Его лицо казалось жуткой маской, выражающей насмешливое торжество. Он заверил родителей, что гроза обошла дом стороной и ветер скоро утихнет. Они немного постояли рядом с ним и, посмотрев в окно, убедились, что Чарльз прав: молнии сверкали все дальше, и деревья больше

не клонились под порывами ледяного ветра, насыщенного водяными брызгами. Гром, постепенно стихая, превратился в глухой рокот, похожий на сатанинский смех, и в конце концов замер вдали. На небе снова показались звезды, а торжество на лице Чарльза Варда сменилось иным, очень странным выражением.

В течение двух месяцев после этого Чарльз проводил в своей лаборатории значительно меньше времени. Он проявлял доселе ему не свойственный интерес к погоде и без особых причин расспрашивал, когда в этих местах оттаивает земля. Однажды ночью в конце марта он ушел из дома после полуночи и вернулся только утром. Его мать, не спавшая все это время, услышала звук мотора у задней двери, где обычно сгружали провизию. Можно было различить спорящие голоса и приглушенные ругательства; миссис Вард, встав с постели и подойдя к окну, увидела четыре темные фигуры, под присмотром Чарльза снимавшие с грузовика длинный и явно тяжелый ящик, который они внесли в заднюю дверь. Она услышала тяжелое дыхание грузчиков, гулкие шаги и, наконец, глухой удар на чердаке, словно на пол поставили что-то очень тяжелое; после этого шаги раздались снова, и четверо мужчин, выйдя из дома, уехали на своей машине.

На следующее утро Чарльз снова заперся на чердаке, задернул темные шторы на окнах лаборатории и, судя по звуку, работал с чем-то металлическим. Он никому не открывал дверь и отказывался от еды. Около полудня послышался

шум, словно Вард боролся с кем-то, потом ужасный крик и удар. На пол упало что-то тяжелое, но, когда миссис Вард постучала в дверь, сын ответил ей слабым голосом и сказал, что ничего не случилось. Неопишимо отвратительная вонь, доносившаяся из-за двери, как сказал Чарльз, совершенно безвредна, но, к сожалению, этого нельзя избежать. Он непременно должен пока оставаться один, но к обеду выйдет. И действительно, к вечеру, когда прекратились странные шипящие звуки, слышимые сквозь запертую дверь, он наконец появился, изможденный и как будто разом постаревший, и запретил кому бы то ни было под любым предлогом входить в лабораторию. С этого времени начался новый период затворничества Варда – никому не разрешалось посещать ни лабораторию, ни соседнюю с ней кладовую, которую он обставил самой необходимой мебелью и приобщил к своим владениям в качестве спальни. Здесь он постоянно находился, изучая книги, которые велел принести из расположенной этажом ниже библиотеки, пока не приобрел деревянный коттедж в Потаксете и не перевез туда все свои научные книги и инструменты.

Тем же вечером Чарльз поспешил вынуть из ящика газету и якобы случайно оторвал часть страницы. Позднее Виллет, установив дату по свидетельству домочадцев, просмотрел тот выпуск «Джорнал» в редакции и установил, что на оторванном Вардом куске была помещена заметка следующего содержания:

«ПРОИСШЕСТВИЕ НА СЕВЕРНОМ КЛАДБИЩЕ. ПОХИТИТЕЛЕЙ ТРУПОВ ЗАСТАЛИ ВРАСПЛОХ

Роберт Харт, ночной сторож на Северном кладбище, застал враспloch этим утром в самой старой части кладбища группу людей, приехавших на грузовой машине, и, по всей вероятности, спугнул их прежде, чем они смогли совершить задуманное.

Около четырех часов ночи внимание Харта, находившегося у себя в сторожке, привлек звук мотора. Выйдя, чтобы посмотреть, что происходит, он увидел большой грузовик на главной аллее кладбища на расстоянии примерно ста метров, но не смог незаметно приблизиться к машине, так как неизвестные услышали звук его шагов на покрытой гравием дорожке. Они поспешно погрузили в кузов грузовика большой ящик и так быстро выехали с территории кладбища, что сторож не успел их задержать. Поскольку ни одна зарегистрированная и известная сторожу могила не была разрыта, Харт считает, что они хотели закопать привезенный ими ящик.

Гробокопатели, по всей вероятности, провели на кладбище долгое время, прежде чем их заметил сторож, потому что Харт нашел глубокую яму, вырытую на значительном расстоянии от главной аллеи, на дальнем краю кладбища, называе-

мом Амос-Филд, где уже давно не осталось никаких памятников или надгробий. Яма, размеры которой соответствуют размерам обычной могилы, была пуста. Согласно регистрационным книгам кладбища, где отмечены погребения за последние пятьдесят лет, там нет никакого захоронения.

Сержант Рили из Второго полицейского участка осмотрел место происшествия и выразил предположение, что яма была вырыта бутлегерами⁵⁹, которые с присущими им изобретательностью и цинизмом пытались устроить тайный склад спиртных напитков в таком месте, где его вряд ли станут искать. При допросе Харт сказал, что грузовик направился в сторону Рошамбо-авеню, хотя он в этом не совсем уверен».

В течение нескольких последующих дней родители Варда почти не видели сына. Чарльз заперся в своей спальне и велел приносить еду наверх, оставляя ее у двери чердака. Он не открывал дверь, чтобы взять поднос, не убедившись, что слуги ушли. Время от времени раздавались монотонные звуки заклинаний и ритуальные песнопения, иногда можно было различить звон стекла, характерное шипение, сопровождающее химические реакции, шум текущей воды или рев газовой горелки. Через дверь часто просачивались запахи, совершенно непохожие на прежние, а напряженный и обеспо-

⁵⁹ *Бутлегеры* – люди, занимающиеся контрабандой и нелегальной торговлей спиртными напитками. Действие романа происходит во времена «сухого закона» в США.

коенный вид отшельника в тех редких случаях, когда он покидал свое убежище, наводил на самые грустные размышления. Однажды он торопливо направился в «Атенеум» за какой-то книгой, а в другой раз нанял человека, который должен был привезти ему из Бостона какой-то редкий манускрипт. В доме установилась атмосфера тревожного ожидания; доктор Виллет и родители Чарльза пребывали в растерянности, не зная, как поступать в такой ситуации.

6

Затем пятнадцатого апреля произошла существенная перемена. Казалось, внешне все оставалось по-прежнему, но напряженность возросла и стала почти нестерпимой, что особо отмечает доктор Виллет. Была Страстная пятница – данный факт показался немаловажным суеверной прислуге, но остальные домочадцы сочли его простым совпадением. К вечеру молодой Вард начал повторять некую формулу необычайно громким голосом, одновременно сжигая какое-то вещество, обладающее настолько пронзительным запахом, что он распространился по всему дому. Хотя дверь чердака была заперта, слова формулы были так ясно слышны в холле, что миссис Вард, прислушиваясь в беспокойном ожидании, запомнила их и позже записала по просьбе доктора Виллета. Знающие люди сказали доктору, что это заклинание почти буквально совпадает с тем, что можно найти в

мистических откровениях Элифаса Леви⁶⁰, впервые приподнявших запретный покров и позволивших заглянуть в лежащую за ним страшную бездну:

Per Adonai Eloim, Adonai Jehova,
Adonai Sabaoth, Metraton On Agla Mathon,
verbum pythonicum, mysterium salamandrae,
conventus sylvorum, antra gnomorum,
daemonia Coeli God, Almonsin, Gibor, Jehosua,
Evam, Zariatnatmik, veni, veni, veni!

Заклинаю именами Адонай Элохим, Адонай Иегова,
Адонай Саваоф, Метратон Он Агла Матон,
словом змеиным питона, тайной саламандры,
дуновением сильфов, тяжестью гномов,
небесных демонов Божество, Альмонсин, Гибор,
Йехошуа,
Эвам, Зариатнатмик, приди, приди, приди!

Заклинание звучало два часа без изменений или перерывов, и все это время в округе не умолкал ужасающий вой собак. О поднятом ими адском шуме можно судить по сообщениям газет, вышедших на следующий день, но в доме Вардов его почти не слышали, задыхаясь от невыносимой вони. И в этой пропитанной жутким зловонием атмосфере вдруг что-то блеснуло подобно молнии, ослепительной даже при

⁶⁰ *Элифас Леви* (наст. имя Альфонс-Луи Констан; 1810–1875) – французский мистик и оккультист, сформулировавший основные принципы высшей магии.

ярком дневном свете, а затем послышался голос, который не суждено забыть тем, чьих ушей он коснулся, ибо звук его напоминал дальний раскат грома, невероятно низкий и жуткий, ничем не похожий на речь Чарльза. Дом содрогнулся до основания, и голос этот, заглушивший громкий вой собак, услышали все соседи Вардов. Миссис Вард, стоявшая за дверью лаборатории, задрожала, припомнив, что говорил ей сын в прежние дни о голосе, словно исходящем из самой преисподней, о котором со страхом повествуют древние мистические книги. Она вспомнила также рассказ Феннера о том, как прогремел этот голос над обреченной на гибель фермой в Потаксете в ту ночь, когда был убит Джозеф Карвен. Чарльз даже назвал ей слова, которые произнес голос. Он нашел то заклинание в одной из бумаг Карвена: «ДИЕС МИЕС ЙЕСХЕТ БОЭНЕ ДОЭСЕФ ДОУВЕМА ЭНИТЕМОС».

Сразу после того, как прозвучал громовой голос, на мгновение воцарилась кромешная тьма, хотя солнце должно было зайти только через час, потом вокруг распространился новый запах, отличный от первого, но такой же странный и нестерпимо зловонный. Чарльз снова запел заклинания, и миссис Вард сумела расслышать некоторые слоги, которые звучали как «Йи-нэш-Йог-Сотот-хе-лгеб-фи-тродог», а в конце раздалось оглушительно «Йа!», завершившееся во-ем, который постепенно перешел в истерический сатанинский смех. Миссис Вард, в душе которой страх боролся с беззаветной отвагой матери, защищающей свое дитя, подошла

к двери и постучала, но не получила никакого ответа. Она постучала еще раз, но в ужасе замерла, когда раздался новый вопль; на этот раз она узнала голос сына, *который звучал одновременно со взрывами дьявольского смеха*. Тут бедная женщина лишилась чувств и не помнит, что произошло дальше. К счастью, человеку дарована возможность забытья.

Мистер Вард вернулся домой в четверть седьмого и, не найдя жену в столовой, стал расспрашивать испуганных слуг, которые сказали ему, что она, вероятно, находится у чердачной двери, откуда исходили звуки еще более странные, чем прежде. Мистер Вард немедленно поднялся наверх, где и нашел жену, лежавшую на полу в коридоре перед дверью лаборатории. Поняв, что она лишилась чувств, он схватил стакан с водой, стоявший рядом в нише. Брызнув холодной водой ей в лицо, Вард убедился, что она приходит в сознание, и немного успокоился. Но в то же самое время, когда миссис Вард открыла глаза, с ужасом вспоминая происшедшее, он сам едва не упал в обморок, от которого только что очнулась его супруга. Ибо в лаборатории слышался негромкий разговор, словно два человека вели беседу, и, хотя разобрать слова было невозможно, тон этой беседы не мог не внушать глубокое беспокойство.

Чарльз и раньше подолгу произносил вполголоса различные формулы, но теперь все было иначе. Это был явный диалог или имитация диалога, в котором перемежались вопросы и ответы, произносимые разными голосами. Один из

них бесспорно принадлежал Чарльзу, вторым же был густой и гулкий бас, какого никогда не слышали от Чарльза даже во время его исступленных ритуальных песнопений. В этом голосе было что-то отвратительное и неестественное; еще немного – и Теодор Хоулэнд Вард больше не смог бы с гордостью утверждать, что ни разу в жизни не падал в обморок. Но тут миссис Вард приоткрыла глаза и громко вскрикнула. Мистер Вард, вспомнив, что он прежде всего должен позаботиться о супруге, подхватил ее и понес вниз, но перед самым уходом все же успел расслышать слова, от которых покачнулся и едва не потерял равновесие. Ибо крик миссис Вард, по всей вероятности, был услышан не только им. Невнятный диалог за дверью прервался, и голос, несомненно принадлежавший Чарльзу, произнес тревожно: «Шшш! Записывайте!»

После обеда супруги долго совещались, и мистер Вард решил тем же вечером серьезно поговорить с сыном. Как бы ни были важны занятия Чарльза, такое поведение представлялось совершенно недопустимым; последние события поставили на грань нервного срыва всех обитателей дома. Юноша, очевидно, совсем потерял рассудок: только безумие могло послужить причиной диких криков и разговоров с самим собой разными голосами. Все это следовало прекратить немедленно, иначе миссис Вард могла серьезно заболеть, а слуги уже настроились бежать прочь из этого дома.

После ужина мистер Вард решительно отправился в лабо-

раторию Чарльза. Однако на третьем этаже он остановился, услышав звуки, доносящиеся из давно уже пустовавшей библиотеки сына. Казалось, кто-то раскидывал книги и шуршал бумажными листами. Переступив порог, мистер Вард застал в комнате Чарльза, торопливо собиравшего нужный ему материал, среди которого были записи и самые различные издания. Чарльз казался сильно похудевшим и изможденным. Увидев отца в дверях комнаты, он уронил на пол всю охапку, словно его застали врасплох за чем-то недозволенным. Когда отец велел ему сесть, он повиновался и некоторое время молча внимал заслуженным упрекам. С его стороны не последовало никаких возражений. Выслушав отца, он признал его правоту, согласившись с тем, что странные разговоры на разные голоса, громкая декламация, пение заклинаний, а также зловоние от химических опытов непростительны и мешают всем домочадцам. Чарльз обещал, что больше этого не повторится и он будет вести себя спокойно, но настаивал, чтобы и дальше никто не нарушал его уединения. Во всяком случае, большая часть его дальнейших исследований, говорил Чарльз, требует работы над книгами, а для совершения различных ритуалов, если это понадобится на более поздней стадии, он сможет найти другое место. Он выразил глубокое сожаление, узнав, что его матушка потеряла от страха сознание, и объяснил, что услышанный ими разговор был частью сложного символического ритуала, предназначенного для создания определенной эмоциональной атмосферы.

Мистера Варда поразило, что он употреблял странные, по-видимому, очень древние термины для обозначения химических веществ, очевидно, бывшие в ходу у знатоков алхимии. Из разговора с сыном мистер Вард вынес впечатление, что тот совершенно здоров психически и полностью владеет собой, хотя кажется подавленным и напряженным. В общем, встреча была совершенно безрезультатной, и, когда Чарльз, собрав свои книги и документы, вышел из комнаты, мистер Вард не знал, что и подумать. Все это было столь же загадочно, как и внезапная смерть бедного старого кота Нига, чье околевшее тело с выпученными глазами и оскаленной в пароксизме страха пастью было часом ранее обнаружено в подвале дома.

В отчаянной попытке докопаться до истины мистер Вард осмотрел полупустые библиотечные полки, дабы выяснить, что взял с собой Чарльз. Книги в его библиотеке всегда стояли в строгом порядке, так что, взглянув на полки, можно было сразу сказать, какие из них отсутствуют. Мистер Вард был удивлен, что все труды по оккультным наукам и древним культурам, кроме тех, что были взяты раньше, стоят на своих местах. Зато опустели полки, где помещались современные работы по новой истории, точным наукам, географии и философии, а также позднейшая литература и подшивки газет и журналов за последние годы. Похоже, давно установившийся круг чтения Чарльза изменился самым радикальным образом, что лишь усугубило недоумение его родителя.

Чувство неправдоподобности происходящего было столь явственным, что ощущалось физически – как будто невидимые когтистые лапы сдавили ему грудь. Причем на сей раз изменения были зримы и осязаемы. С того момента, как Вард переступил порог этой комнаты, его не покидало чувство, будто здесь чего-то не хватает, и теперь он содрогнулся, найдя ответ.

Резной камин из дома на Олни-Корт был невредим; несчастье произошло с тщательно отреставрированным портретом Карвена. Видимо, время и перепады температур все-таки сделали свое дело: краска, отстав от дерева, облупилась, сжалась в тугие катышки и наконец осыпалась напрочь. Портретный Джозеф Карвен больше никогда не будет пристально наблюдать со своего возвышения за юношей, на которого он так походил. То, что от него осталось, лежало на полу, превратившись в тонкий слой мелкой голубовато-серой пыли.

Глава четвертая

Преображение и безумие

1

На протяжении недели после той памятной Страстной пятницы Чарльза Варда видели чаще, чем обычно: он был занят переноской книг из своей библиотеки на чердак. Держался он спокойно, и в его действиях не было ничего неестественного, но при этом он имел какой-то затравленный вид, очень не понравившийся миссис Вард. Одновременно у молодого человека пробудился воистину зверский аппетит, судя по заказам, которые стал получать от него повар. Доктору Виллету рассказали о событиях той пятницы, и на следующей неделе, во вторник, он долго разговаривал с Чарльзом в библиотеке, где теперь уже отсутствовал портрет Карвена. Беседа снова ни к чему не привела, но доктор Виллет мог поклясться, что Вард тогда был совершенно таким же, как обычно. Он обещал, что вскоре откроет свою тайну, и говорил, что ему необходимо иметь еще одну лабораторию вне дома. Об утрате портрета он почти не жалел, что было удивительно, учитывая, как восторженно он относился к своей находке прежде. Более того, он даже посмеивался над тем,

что краска на картине столь внезапно растрескалась и осыпалась.

Со следующей недели Чарльз стал надолго отлучаться из дома. Старая негритянка Ханна, придя к Вардам помочь при ежегодной весенней уборке, рассказала, что юноша часто посещает старинный дом на Олни-Корт, куда приходит с большим баулом в руках и подолгу возится в подвале. Он был очень добр к ней и старому Эйзе, но казался еще более беспоконным, чем всегда, и это очень расстраивало старуху, которая знала его с колыбели. Новые известия о Чарльзе пришли из Потаксета, где друзья Вардов видели его чуть ли не каждый день. Он зачастил в небольшой курортный поселок – Родос-на-Потаксете – и всякий раз отправлялся на лодке к дальней и пустынной излучине реки, вдоль которой, высадившись на берег, шел в северном направлении и возвращался лишь спустя долгое время.

В конце мая на чердаке дома Вардов вновь раздались ритуальные песнопения и заклинания, что вызвало резкие упреки мистера Варда. Довольно рассеянным тоном Чарльз обещал прекратить их. Однажды утром повторился разговор молодого Варда с воображаемым собеседником, такой же, как в ту злосчастную Страстную пятницу. Чарльз уговаривал и горячо спорил сам с собой; слышались возмущенные возгласы, словно принадлежащие двум разным людям, один из которых что-то настойчиво требовал, а второй отказывался. Миссис Вард взбежала по лестнице на чердак и прислу-

шалась. Стоя у запертой двери, она смогла различить лишь обрывок фразы: «...три месяца нужна кровь». Когда миссис Вард постучала в дверь, все стихло. Позже мистер Вард стал расспрашивать Чарльза, и тот сказал, что произошел некий «конфликт в разных сферах сознания», которого можно избежать, лишь обладая большим искусством, но он постарается это сделать.

В середине июня произошел еще один странный случай. Вечером из лаборатории послышались шум и топот. Мистер Вард решил пойти посмотреть, в чем дело, но шум внезапно прекратился. Когда все уснули, а лакей запирает на ночь входную дверь, у подножия лестницы вдруг появился Чарльз, нетвердо державшийся на ногах, с большим чемоданом. Он сделал лакею знак, что хочет покинуть дом. Молодой человек не сказал ни слова, но лакей – уважаемый йоркширец – посмотрел ему в глаза и вздрогнул без всякой видимой причины. Он отпер дверь, и молодой Вард вышел. Утром лакей сообщил о происшедшем матери Чарльза. По его словам, было что-то дьявольское во взгляде, которым тот его окинул. Молодые джентльмены не смотрят так на честных слуг, и он не желает более ни дня оставаться в этом доме. Миссис Вард рассчитала лакея, не обратив особого внимания на его слова. Утверждение о ночном уходе Чарльза было просто нелепостью – в ту ночь она долго не могла уснуть и все это время слышала слабые звуки, доносившиеся из лаборатории, которая была прямо над ней: Чарльз беспокойно ходил по комна-

те, глубоко вздыхал и даже как будто рыдал, словно человек, погруженный в самую бездну отчаяния. Миссис Вард давно уже завела привычку прислушиваться по ночам, глубоко обеспокоенная зловещими тайнами, окружавшими ее сына.

На следующий вечер, как и три месяца назад, Чарльз Вард первым взял из почтового ящика газету и якобы случайно потерял где-то одну из страниц. Это вспомнили позже, когда доктор Виллет попытался связать разрозненные факты в одно целое. В редакции «Джорнал» он просмотрел страницу, утерянную Чарльзом, и нашел там две заметки.

«СНОВА ГРОБОКОПАТЕЛИ»

Сегодня утром Роберт Харт, ночной сторож на Северном кладбище, стал свидетелем того, что похитители трупов снова принялись за свое страшное дело в самой старой части кладбища. Могила Эзры Видена, родившегося в 1740 и умершего в 1824 году, как было начертано на его извлеченном из земли и варварски разбитом каменном надгробии, разрыта и опустошена. Это было, по всей вероятности, проделано с помощью лопаты, украденной из соседней сторожки.

Каково бы ни было содержимое могилы после более чем столетнего пребывания в земле, все это исчезло, кроме нескольких полусугнивших щепок. Отпечатков колес не замечено, но полицией найдены вблизи от этого места следы одного человека, очевидно мужчины

из высших слоев общества, так как он был обут в модные остроносые туфли.

Харт склонен связывать это событие со случаем, происшедшим в марте, когда он спугнул группу людей, приехавших на грузовике, которые успели вырыть глубокую яму; однако сержант Райли из Второго участка опровергает эту версию, указывая на коренное различие между двумя происшествиями. В марте раскопки производились там, где, как известно, не было никаких могил; в последнем же случае явно целенаправленно и злонамеренно разрыта отмеченная во всех записях могила и варварски разрушено надгробие, находившееся до настоящего времени в прекрасном состоянии.

Потомки Видена, которым сообщили о случившемся, выразили свое удивление и глубокое сожаление. Они совершенно не могут себе представить, чтобы нашелся человек, питающий такую смертельную ненависть к их предку, чтобы пойти на осквернение его могилы. Хэзард Виден, проживающий на Энджел-стрит, 598, вспомнил семейную легенду, гласящую, что Эзра Виден незадолго до Революции участвовал в каком-то таинственном предприятии, впрочем, отнюдь не задевающим его честь. Однако он не смог припомнить никакого нынешнего врага его семьи или какую-то связанную с ней тайну. Расследование дела поручено инспектору Каннингему, и есть надежда, что в ближайшем будущем мы узнаем что-нибудь определенное».

«ЛАЙ СОБАК БУДИТ ЖИТЕЛЕЙ ПОТАКСЕТА»

Сегодня ночью, около трех часов, жители Потаксета были разбужены необыкновенно громким лаем и воем собак, который начался в местах, расположенных у реки, к северу от Родоса-на-Потаксете. Как утверждают люди, живущие поблизости, собаки выли на редкость громко и страшно. Фред Лемдин, ночной сторож из Родоса, заявляет, что к этому вою примешивалось что-то очень похожее на крики до смерти перепуганного человека. Сильная, но кратковременная гроза, разразившаяся неподалеку от берега реки, положила конец шуму. Люди связывают с этим происшествием омерзительное зловоние, распространившееся, очевидно, от нефтехранилищ, расположенных вдоль берегов бухты. Возможно, именно это зловоние повлияло на поведение собак».

Чарльз худел и становился все беспокойнее, и, оглядываясь назад, все пришли к общему мнению, что в то время он хотел сделать какое-то заявление или в чем-то признаться, но воздерживался от этого из страха. Миссис Вард, полубольная от постоянного нервного напряжения, прислушиваясь по ночам к малейшему шороху, выяснила, что он часто совершает вылазки под покровом темноты, и в настоящее время большая часть психиатров склонна винить Чарль-

за Варда в отвратительных актах вампиризма, которые в то время были поданы прессой как главная сенсация, но так и остались нераскрытыми, поскольку маньяк не был найден. Жертвами этих преступлений, слишком известных, чтобы рассказывать о них подробно, становились люди разного пола и возраста. Они совершались в двух местах: на холме в северной части города, близ дома Варда, и в предместье напротив станции Кренстоун, недалеко от Потаксета. Нападали как на запоздалых прохожих, так и на неосторожных, спящих с открытыми окнами жителей, и все оставшиеся в живых рассказывают о тонком, гибком чудовище с горящими глазами, которое набрасывалось на них, вонзало зубы в шею или руку и жадно пило кровь.

Доктор Виллет, не согласный с тем, что безумие Варда началось в этот период, проявляет большую осторожность при объяснении всех этих ужасов. Он заявляет, что имеет собственную точку зрения на сей счет, и, не говоря ничего определенного, ограничивается утверждениями о непричастности Чарльза Варда к диким преступлениям. «Не буду говорить о том, – заявляет он, – кто или что, по моему мнению, совершало эти нападения и убийства, но настаиваю, что Чарльз Вард в них неповинен. У меня есть причины быть уверенным в том, что Чарльз никогда не был вампиром, и лучшим доказательством тому явились его прогрессирующее малокровие и ужасающая бледность. Вард забавлялся очень опасными вещами и дорого заплатил за это, но он ни-

когда не был чудовищем и злодеем. Сейчас мне не хочется думать о подобных вещах. Мы были свидетелями резкой перемены в нем, и мне хочется верить, что прежний Чарльз Вард умер в тот час, когда это случилось. Как бы то ни было, душа его умерла, ибо безумный сгусток плоти, который исчез из своей комнаты в больнице Вейта, имел совсем другую душу».

К словам Виллета стоит прислушаться: он часто посещал дом Вардов, занимаясь лечением миссис Вард, заболевшей нервным расстройством от постоянного напряжения. Бессонные ночи, когда она с трепетом прислушивалась к доносившимся сверху звукам, вызвали у нее болезненные галлюцинации, о которых она, после долгих колебаний, поведала доктору. Тот успокоил ее, но серьезно задумался над услышанным. Ей казалось, что она слышит глухие рыдания и вздохи в лаборатории и спальне сына наверху. В начале июня доктор Виллет рекомендовал миссис Вард поехать в Атлантик-Сити на неопределенное время и как следует отдохнуть, решительно предупредив как мистера Варда, так и исхудавшего и старавшегося избегать его Чарльза, чтобы они писали ей только веселые и ободряющие письма. Вероятно, этой рекомендации доктора она сейчас обязана тем, что сохранила жизнь и душевное здоровье.

Через некоторое время после отъезда матери Чарльз решил купить дом в Потаксете. Это было небольшое деревянное здание, коттедж с бетонным гаражом, высоко на склоне почти незаселенного речного берега над курортным городком. По причинам, известным лишь ему одному, молодой Вард желал приобрести именно его. Он не давал покоя агентствам по продаже недвижимости, пока они не купили для него этот дом, преодолев сопротивление прежнего владельца, не устоявшего перед несообразно высокой ценой. Как только дом освободился, Чарльз переехал в него, погрузив в большую закрытую машину все содержимое своей лаборатории, в том числе книги из библиотеки, как старинные, так и современные. Он отправился в Потаксет в самую темную пору ночи, и мистер Вард припоминает, как сквозь сон слышал приглушенные ругательства рабочих и громкий топот, когда они спускались по лестнице. По возвращении в город Чарльз переселился в свои старые покои на третьем этаже и никогда больше не поднимался на чердак.

Дом в Потаксете сталместилищем всех секретов, которые прежде таились в лаборатории. Чарльз все так же жил отшельником, но теперь его одиночество разделяли двое: разбойничьего вида португалец с примесью негритянской крови – бродяга с набережной Саут-Мейн-стрит, выполнявший

обязанности слуги; и худощавый незнакомец, по виду ученый, в черных очках, с густой и длинной бородой, которая выглядела как приклеенная, — по всей видимости, коллега Чарльза. Соседи тщетно пытались вовлечь в разговор этих странных субъектов. Мулат, которого звали Гомес, почти не говорил по-английски, а бородатый приятель Варда, называвший себя доктором Алленом, был крайне неразговорчив. Сам Вард пытался общаться с местными жителями, но лишь вызывал их недоброжелательное любопытство своими рассказами о сложных химических опытах. Сразу же начались разговоры о том, что в доме всю ночь горит свет; немного позже, когда это внезапно прекратилось, появились еще более странные слухи о том, что Вард заказывает у мясника целые туши, что из дома раздаются приглушенные крики, декламация, песнопения или заклинания и вопли, словно выходящие из какого-то глубокого подземелья. Само собой разумеется, достойные буржуа, обитавшие по соседству, сильно невзлюбили новых подозрительных жильцов, и неудивительно, что делались довольно прозрачные намеки на их возможную связь с многочисленными случаями вампиризма и убийств, особенно с тех пор, как они распространились, словно эпидемия, исключительно в Потаксете и прилегающих к нему районах Эджвуда.

Вард большую часть времени проводил в Потаксете, лишь изредка ночуя в родительском доме, который считался его официальным местом проживания. Дважды он на целую

неделю уезжал из города неведомо куда. Он становился все бледнее, катастрофически худел и лишился прежней уверенности в себе, что доктор Виллет не преминул отметить, в очередной раз выслушав старую историю о важных исследованиях и будущих открытиях. Виллет не раз пытался подстеречь молодого человека в доме его отца, который старался сделать так, чтобы за его сыном хоть как-то присматривали, насколько это было возможно в данном случае, ибо Чарльз уже стал совершеннолетним и к тому же обладал очень скрытным и независимым характером. Ныне доктор настаивает, что молодой человек даже тогда был совершенно здоров психически, и приводит в доказательство содержание их тогдашних бесед.

К сентябрю «эпидемия вампиризма» сошла на нет, но в январе Чарльз едва не оказался замешанным в крупных неприятностях. Люди уже некоторое время поговаривали о таинственных ночных караванах грузовиков, прибывающих к Варду в Потаксет, и вот однажды случайно открылось, какого рода грузы они доставляли. В безлюдном месте близ Нуп-Вэлли налетчики подстерегли один из таких караванов, думая, что в машинах находится спиртное, но на этот раз им суждено было испытать настоящий шок. Ибо длинные ящики, захваченные и сразу же открытые ими, содержали поистине страшные вещи – настолько страшные, что не выдержали нервы даже у отпетых головорезов. Похитители спешно закопали свои находки, но когда о случившемся узнали

в полиции штата, было проведено тщательное расследование. Один из задержанных бандитов, которому пообещали не предъявлять каких-либо дополнительных обвинений, согласился показать полицейским место, где было зарыто захваченное; и в сделанном наспех захоронении были найдены поистине ужасные предметы. Опубликование результатов этой операции могло иметь крайне неприятный резонанс в национальном – или даже международном – масштабе; по такому поводу в Вашингтон было с лихорадочной поспешностью отправлено несколько телеграмм.

Ящики были адресованы Чарльзу Варду в Потаксет, и представители как местной, так и федеральной полиции, доставив в участок всех обитателей коттеджа, подвергли их строгому допросу. Чарльз и его спутники выглядели испуганными, однако полиция получила от хозяина дома объяснения, которые, казалось, полностью его оправдывали. Ему якобы потребовались некоторые анатомические образцы для научных исследований, глубину и важность которых могут подтвердить все, знавшие его в последние десять лет, и он заказал необходимые объекты в нужном ему количестве в агентствах, которые, как он полагал, действовали вполне законным порядком. Откуда взяты эти образцы, ему абсолютно неизвестно. Вард казался потрясенным, когда инспектор намекнул на то, какое чудовищное впечатление произведет на публику известие о находках и насколько все это повредит национальному престижу. Показания Чарльза были пол-

ностью подтверждены его коллегой, доктором Алленом, чей странный гулкий голос звучал гораздо более убедительно, нежели нервный, срывающийся голос Варда. В конце концов полиция оставила дело без последствий, но ее сотрудники тщательно записали нью-йоркский адрес агентства и его владельца. Дальнейшее расследование ни к чему не привело. Остается лишь добавить, что «образцы» были поспешно и в полной тайне возвращены на прежнее место, и никто так и не узнал об этом богопротивном осквернении памяти усопших.

Десятого февраля 1928 года доктор Виллет получил от Чарльза Варда письмо, которое считает исключительно важным и часто спорит на эту тему с доктором Лайманом. Последний считает письмо убедительным доказательством того, что они столкнулись с характерным случаем «*dementia praecox*» – быстро прогрессирующей острой душевной болезни. Виллет же считает, что это последние слова несчастного юноши, написанные им в здравом уме. Он обращает особое внимание на характер почерка, хотя и неровного, но несомненно принадлежащего Варду. Вот полный текст этого письма:

*100 Проспект-стрит,
Провиденс, Р. И.
8 марта 1926 г.*

*Дорогой доктор Виллет!
Я чувствую, что наконец пришло время сделать*

признание, с которым я медлил, несмотря на Ваши просьбы. Я никогда не перестану ценить терпение, с которым Вы его ожидали, и доверие, с которым Вы отнеслись ко мне как к человеку и пациенту.

Я должен, к сожалению, признать, что никогда не дождусь триумфа, о котором мечтал. Вместо него я добился лишь встречи с гибельным ужасом, и мои слова, обращенные к Вам, будут не победным кличем, а мольбой о помощи: посоветуйте, как спасти не только меня, но и весь мир от чудовищной опасности, которую не может себе представить человеческий разум. Вспомните, что говорится в письмах Феннера о рейде на ферму в Потаксете. Это нужно сделать снова, и как можно скорее. От нас зависит больше, чем можно выразить словами, – вся цивилизация, все законы природы, может быть, даже судьба всей Солнечной системы и всего мироздания. Я вызвал к жизни страшного монстра, но сделал это лишь во имя науки. А сейчас во имя жизни человечества и всей Земли вы должны помочь мне загнать чудовище в те черные бездны, откуда оно явилось.

Я покинул то место в Потаксете, и мы должны извлечь оттуда все, что в нем находится, – живым или мертвым. Я никогда не вернусь туда, и вы не должны верить, если кто-нибудь скажет, будто видел меня там. Подробнее объяснимся при встрече. Я вернулся домой навсегда и хотел бы, чтобы вы посетили меня сразу же, как только у вас появятся пять-шесть свободных часов, чтобы вы смогли

выслушать мое сообщение. Это займет довольно много времени – и поверьте мне, никогда еще ваш профессиональный долг не призывал вас с такой настоятельной необходимостью, как сейчас. На карту поставлено значительно больше, чем рассудок или даже моя жизнь.

Я не рискну рассказать обо всем отцу; вряд ли он поймет, о чем идет речь. Но я признался ему, что мне угрожает опасность, и он нанял четырех детективов, которые следят за нашим домом. Не уверен, что они смогут помочь, потому что им придется иметь дело с силами, само существование которых покажется невероятным даже вам. Итак, приходите скорее, если хотите застать меня в живых и услышать, как избавить все мироздание от адского заговора.

Приходите в любое время: я не намерен покидать дом. Заранее не звоните, потому что трудно сказать, кто или что попытается перехватить вас. Будем молиться всем богам, чтобы ничто не помешало нашей встрече.

Я в полном отчаянии.

Чарльз Декстер Вард.

P. S. Если увидите доктора Аллена, застрелите его немедленно и бросьте тело в кислоту, чтобы от него ничего не осталось. Не сжигайте его.

Доктор Виллет получил это письмо примерно в десять тридцать утра и тотчас устроил так, чтобы у него оказались свободными вторая половина дня и весь вечер для разгово-

ра, который мог, если необходимо, продолжаться до поздней ночи. Он собирался прийти к Вардам примерно в четыре часа пополудни и оставшиеся до этого часы провел в беспокойстве, строя самые невероятные догадки. Человеку постороннему могло показаться, что это послание написано маньяком, но доктор Виллет был слишком хорошо осведомлен о странных вещах, которые происходили с Чарльзом, и был далек от того, чтобы считать его слова бредом безумца. Он был уверен, что в этом деле и вправду присутствует нечто таинственное и чудовищное, возникшее из глубины веков, а упоминание доктора Аллена сразу же пробудило в памяти Виллета все разговоры, что велись в Потаксете относительно загадочного компаньона Чарльза. Доктор никогда не видел этого человека, но много слышал о его внешности и поведении и не мог не задумываться над тем, что скрывают никогда не снимаемые им на людях непроницаемо-черные очки.

Ровно в четыре часа доктор Виллет явился в дом Вардов, но с раздражением и беспокойством услышал, что Чарльз не сдержал своего обещания остаться дома. По словам дежуривших у дома детективов, молодой человек вроде бы преодолел свои прежние страхи. Утром он долго разговаривал по телефону, спорил и, по всей видимости, отказывался выполнить то, что требовал его собеседник. Один из детективов расслышал слова: «Я очень устал и хочу немного отдохнуть», «Извините меня, но я сегодня не могу никого принять», «Пожалуйста, отложите решительные действия, пока

мы не придем к какому-нибудь компромиссу» – и наконец: «Мне очень жаль, но я должен от всего совершенно отойти на некоторое время. Я поговорю с вами позже». Потом, очевидно подумав и набравшись храбрости, он выскользнул из дома так тихо, что никто не заметил его ухода. Около часа дня Чарльз вернулся и прошел внутрь, не говоря ни слова. Он поднялся наверх, вошел в библиотеку, и там что-то его сильно испугало: все услышали вопль ужаса, который перешел в какие-то булькающие звуки, словно молодого человека душили. Однако, когда туда поднялся лакей, чтобы проверить, все ли в порядке, Чарльз с дерзким и надменным видом встал в дверях и молча отослал слугу жестом, от которого тому стало не по себе. Позднее молодой Вард, по всей вероятности, что-то переставлял у себя на полках: в течение некоторого времени слышался топот, звуки передвигаемых тяжелых предметов, грохот и треск дерева, после чего он вышел из библиотеки и сразу же покинул дом. Виллет осведомился, не велел ли Чарльз что-нибудь передать ему, но услышал отрицательный ответ. Лакей был обеспокоен видом и поведением Чарльза и заботливо осведомился у доктора, есть ли надежда вылечить молодого человека от нервного расстройства.

Без малого два часа доктор Виллет напрасно прождал Чарльза в его библиотеке, оглядывая пыльные полки с зияющими пустотами в тех местах, откуда были вынуты книги, и мрачно улыбаясь при виде камина, с панели которо-

го всего год назад на него безмятежно взирал старый Джозеф Карвен. Через некоторое время в комнате сгустились тени, и живые цвета солнечного заката уступили место жутковатому полумраку – вестнику наступающей ночи. Наконец явился Вард-старший, который выразил удивление и гнев по поводу отсутствия сына, для охраны которого он приложил столько усилий. Отец не знал, что Чарльз пригласил доктора Виллета, и обещал известить его тотчас по возвращении сына. Прощаясь, мистер Вард выразил крайнее беспокойство состоянием здоровья Чарльза и умолял доктора сделать все возможное, чтобы юноша вернулся к нормальному образу жизни. Виллет был рад покинуть библиотеку, ибо в тамошней атмосфере ощущалось присутствие чего-то омерзительного и нечистого, словно дух сгинувшего портрета все еще витал в этих стенах. Доктору никогда не нравилась эта картина, и даже теперь, когда портрет исчез, этому человеку с весьма крепкими нервами все время чудилось за гладкой панелью чье-то незримое присутствие, так что он был рад наконец выйти отсюда на свежий воздух.

3

На следующее утро Виллет получил записку от мистера Варда, в которой говорилось, что Чарльз все еще не появился. Вард писал, что ему позвонил доктор Аллен, сообщивший, что Чарльз на некоторое время останется в Потаксе-

те и не желает, чтобы его беспокоили. Присутствие Чарльза было необходимо, так как сам Аллен, по его словам, должен будет уехать на неопределенный срок, а их опыты требуют постоянного наблюдения. Устами коллеги Чарльз передал всем горячий привет и сожаления, если неожиданная перемена его планов создала кому-нибудь неудобства. Мистер Вард впервые услышал голос Аллена, что-то ему смутно напомнивший. Он не мог с уверенностью сказать, что именно, однако ассоциации были самые неприятные.

Получив столь странные и противоречивые известия, доктор Виллет не знал, что и подумать. Письмо Чарльза было явно продиктовано отчаянием и страхом, но почему тогда он ушел из дому вопреки собственным же планам? Молодой Вард написал, что его изыскания таят в себе чудовищную угрозу, что бородатый доктор Аллен должен быть уничтожен любой ценой и что он больше никогда не вернется в Потаксет. Однако, если верить последним сообщениям, он забыл свои слова и вновь отправился в это гнездо мрачных тайн. Здравый смысл подсказывал доктору, что лучше всего оставить в покое молодого Варда со всеми его дикими причудами, но какое-то более глубокое чувство не давало изгладиться впечатлению от письма. Виллет перечитал его и вновь убедился, что оно отнюдь не столь бессвязно и бестолково, как это могло показаться на первый взгляд. В нем чувствовался подлинный и глубокий страх, а учитывая уже известные доктору факты, намек на чудовищное вторжение в наш

мир из иных времен и пространств уже не представлялся ему всего-навсего глупой выдумкой. Где-то совсем рядом таилась несказанный ужас, и, даже не будучи в силах постичь его суть, надо было держаться настороже, в полной готовности дать ему отпор.

Больше недели доктор Виллет размышлял над вставшей перед ним дилеммой, все более склоняясь к мысли навестить Чарльза в Потаксете. Ни один из знакомых молодого человека не отважился проникнуть в это тайное убежище, и даже мистер Вард знал о нем только то, что сын нашел нужным ему сообщить. Но Виллет чувствовал необходимость поговорить с пациентом начистоту. Мистер Вард время от времени получал от Чарльза краткие бессодержательные письма, напечатанные на машинке; насколько он знал, аналогичные послания получала и миссис Вард в Атлантик-Сити. Итак, доктор решил действовать и, невзирая на недобрые предчувствия, связанные со старинными легендами о Джозефе Карвене и недавними предостережениями Чарльза, отправился к деревянному коттеджу на крутом речном берегу.

Виллет однажды уже побывал в этих местах из чистого любопытства – хотя, конечно, не входил в дом и никак не обозначал свое присутствие, – так что дорога была ему известна. В конце февраля, вскоре после полудня, он сел в свой небольшой автомобиль и выехал на Брод-стрит. По пути ему вдруг представилась картина полуторавековой давности, когда в том же направлении двигалась толпа угрюмых людей,

чтобы свершить жуткий тайный суд, подробности которого так и остались нераскрытыми.

Поездка через приходящие в упадок городские окраины не заняла много времени, и скоро перед ним уже расстились чистенький Эджвуд и сонный Потаксет. Виллет повернул направо, вниз по Локвуд-стрит, и проехал вперед, сколько позволяла заброшенная проселочная дорога, а потом вышел из машины и пошел на север, к обрывистому речному берегу, за которым простирались затянутые туманом низины. Домов здесь было мало, и он без труда отыскал деревянный коттедж с бетонным гаражом. Быстро пройдя по мощенной гравием дорожке, доктор твердой рукой постучал в дверь и решительно обратился к мрачному мулату, приоткрывшему одну створку.

Доктор сказал, что должен немедленно видеть Чарльза Варда по очень важному делу. Он не примет никаких отговорок, а если его не пустят, то об этом сразу же будет доложено старшему мистеру Варду. Мулат стоял в нерешительности и придержал дверь, когда Виллет попытался толкнуть ее, но доктор еще громче повторил свое требование. Затем из темноты дома раздался шепот, от которого у доктора по спине побежали мурашки.

– Впусти его, Тони, – сказал странный голос. – Сейчас столь же подходящее время для разговора, как и любое другое.

Но каким бы пугающим ни был этот низкий, словно от-

дающийся эхом голос, доктор Виллет еще сильнее испугался в следующую минуту, когда доски пола закрипели и из темноты показался говоривший – это был Чарльз Вард собственной персоной.

Тщательность, с которой доктор Виллет впоследствии восстановил разговор с Чарльзом, вызвана тем, что он придавал особое значение этому периоду. Именно тогда личность Чарльза Декстера Варда претерпела окончательную трансформацию – мозг, порождавший мысли и слова нынешнего Чарльза Варда, уже не имел ничего общего с мозгом того человека, за ростом и развитием которого он наблюдал в течение двадцати шести лет. Научная полемика с доктором Лайманом побудила его стремиться к максимальной точности, и он с полной уверенностью датирует начало подлинного безумия Чарльза Варда тем днем, когда родители получили от него первое письмо, напечатанное на машинке. Стиль писем, которые он регулярно отправлял им, совершенно не похож на стиль Варда. Он чрезвычайно архаичен, словно внезапное перерождение автора писем высвободило целый поток мыслей и впечатлений, которые он бессознательно приобрел в дни своего детского увлечения стариной. В них наблюдается явное стремление казаться современным, но от их духа, не говоря уже о языке, явственно веет прошлым.

Дух прошлого сквозил и в каждом слове, в каждом движении Варда, когда он беседовал с доктором в полумраке старого деревянного дома. Он поклонился, указал Виллету на

кресло и заговорил сиплым шепотом, причину которого сразу же попытался объяснить.

– Я изрядно застудил горло, – начал он, – и едва не подхватил чахотку от этих треклятых речных миазмов⁶¹. Не взыщите, прошу вас, за мою речь. Я предполагаю, вы явились от батюшки, дабы взглянуть, как обстоят мои дела. Смею надеяться, что ваш рассказ не представит ему никаких резонансов для беспокойства.

Виллет очень внимательно прислушивался к скрипящим звукам голоса Чарльза, но еще более внимательно всматривался в его лицо. Он чувствовал, что здесь не все ладно, вспомнив, что рассказывали ему родители Варда о внезапном страхе, поразившем в ту памятную ночь их слугу. В комнате стоял полумрак, но доктор не попросил открыть хотя бы один ставень. Вместо этого он сразу перешел к делу и прямо спросил молодого Варда, почему тот не дождался его визита, о котором так отчаянно умолял менее недели тому назад.

– Я как раз к этому вел речь, – ответил хозяин дома. – Вам должно быть известно, что я страдаю сильным нервным расстройством и часто делаю и говорю странные вещи, в которых не отдаю себе отчета. Не раз я заявлял вам, что нахожусь накануне великих открытий и свершений, и само величие их заставляет меня по временам терять голову. Ма-

⁶¹ *Миазмы* (греч., букв. «скверна», «грязь») – ядовитые гнилостные испарения, которые долгое время считались одним из главных источников заразных болезней.

ло найдется людей, которые не почувствуют страха перед тем, что мной обнаружено, но теперь уже недолго остается ждать. Я был глупцом, когда согласился на этих стражников и на сидение дома, ибо сейчас мое место здесь. Я знаю, что обо мне злословят любопытствующие соседи. Может стать-ся, тщеславие – эта слабость, присущая всем людям, – побудило меня иметь о себе слишком высокое мнение. Однако нет ничего дурного в том, что я делаю, пока я делаю сие правильно. Если вы сообразоволюте подождать еще шесть месяцев, я покажу вам такое, что безмерно вознаградит вас за терпение. Вам также следует знать, что я нашел способ изучать науки, в которых преуспели древние, черпая из источника, более надежного, чем все книги. Вскорости вы сможете сами судить о важности сведений в области истории, философии и изящных искусств, кои я сделаю доступными посредством этого источника. Мой предок овладел всеми этими знаниями, но обделенные разумом ничтожные людишки толпой ворвались к нему в дом и убили. Теперь я по мере своих слабых сил воссоздал бóльшую часть из утраченного предком. На этот раз ничего дурного не должно случиться, и менее всего я желаю неприятностей по причине собственных постыдных приступов малодушия. Умоляю вас, сэръ, забудьте все, что я написал вам, и не опасайтесь ни этого дома, ни его обитателей. Доктор Аллен – весьма достойный джентльмен, и я должен принести ему извинения за все дурное, что написал о нем. Я бы желал не расставаться с ним, но у него были

важные дела в другом месте. Он столь же ревностно относился к изучению сих наиважнейших материй. Должно быть, я, страшась величия стоящей перед нами задачи, невольно переносил этот страх на доктора Аллена как на своего ближайшего помощника.

Вард умолк; доктор тоже молчал, пребывая в растерянности. Он чувствовал себя в неловком положении, слушая, как молодой человек отрекается от своего письма. В то же время речь нынешнего Варда была очень неестественной и безусловно бредовой, тогда как отчаянное и трагическое послание явно принадлежало тому Чарльзу Варду, которого доктор знал с детских лет. В попытке вернуть былой доверительный тон их бесед Виллет упомянул кое-какие эпизоды их прежних встреч и был неожиданно и глубоко потрясен результатами этой попытки (сходное потрясение испытали впоследствии и другие врачи-психиатры). Как выяснилось, из памяти Чарльза начисто изгладились целые пласты, связанные с его собственной жизнью и событиями новейшего времени, и в то же время всплыли исторические сведения, приобретенные в пору его увлечения стариной, – то есть подсознательное прошлое вытеснило его современную индивидуальность. Осведомленность молодого Варда обо всем, что имело отношение к далекому прошлому, приобрела прямо-таки пугающий и нездоровый характер, так что он даже пытался ее скрыть. Впрочем, это ему не удавалось – когда Виллет заговорил об истории города, изучением которой

Чарльз увлекался с детских лет, в ответах собеседника то и дело встречались подробности, какие вряд ли могли быть известны современному человеку, и доктор невольно вздрагивал, слушая бойкую речь Чарльза.

Трудно было представить, откуда молодой человек узнал, как свалился парик с головы толстого шерифа, когда тот перегнулся через бортик ложи при исполнении пьесы в Театральной академии мистера Дугласа на Кинг-стрит в пятницу 11 февраля 1762 года, или как актеры неудачно сократили текст пьесы Стила «Совестливые влюбленные»⁶², испортив ее до такой степени, что можно было лишь радоваться решению городского совета, который две недели спустя закрыл театр по настоянию общины баптистов. Старые письма вполне могли содержать упоминание о том, что «бостонская коляска Томаса Себина была дьявольски неудобной», но какой даже самый выдающийся исследователь колониального периода мог знать, что скрип новой вывески Эпенетуса Олни (он велел намалевать на ней аляповатую корону после того, как переименовал свою таверну в «Королевский кофейный зал») был в точности похож на первые звуки новомодной джазовой пьесы, часто звучащей по радио в Потаксете?

Однако Вард недолго распространялся на подобные темы, дав понять, что его более не интересуют ни современность, ни старина. Было совершенно ясно, что он желает

⁶² «Совестливые влюбленные» – нравоучительная пьеса ирландского литератора Ричарда Стила (1672–1729), впервые поставленная на сцене в 1722 году.

лишь удовлетворить любопытство посетителя, чтобы тот поскорее убрался восвояси и больше не приходил. Очевидно, с этой целью он предложил Виллету показать дом и провел его по всем комнатам, от подвала до чердака. Доктор внимательно присматривался к обстановке и заметил, что стоявших на виду книг было слишком мало – явно недостаточно для того, чтобы заполнить зияющие пробелы на книжных полках домашней библиотеки Чарльза. Он понял также, что так называемая лаборатория устроена весьма небрежно, явно для отвода глаз. Без сомнения, настоящие библиотека и лаборатория располагались где-то в другом помещении, но где именно, угадать было невозможно. Итак, потерпев полную неудачу и не узнав ничего определенного, Виллет к вечеру возвратился в город и обо всем рассказал мистеру Варду. Они пришли к общему мнению, что юноша окончательно сошел с ума, но решили не спешить с принятием мер, сочтя необходимым и дальше держать в полном неведении миссис Вард, какой бы помехой этому ни были странные письма ее сына.

Теперь и мистер Вард решил посетить сына – причем так, чтобы его визит стал для Чарльза полной неожиданностью. Однажды вечером доктор Виллет отвез его в Потаксет на своей машине, издали показал деревянный коттедж и остался терпеливо ждать его возвращения. Разговор затянулся надолго, и мистер Вард вышел из дома грустным и взволнованным. Чарльз принял его так же, как и Виллета, с той только

разницей, что очень долго не появлялся. Нежданный посетитель вынужден был силой вломиться в прихожую и отправил мулата с настоятельным требованием позвать к нему сына. В поведении молодого Варда не было и следа сыновней привязанности. В комнате было полутемно – Чарльз жаловался, что у него даже при слабом свете страшно болят глаза. Он говорил приглушенным голосом, объясняя это тем, что у него раздражение голосовых связок, и его хриплый шепот внушал отцу неясную тревогу, от которой тот не смог избавиться до конца встречи.

Договорившись вместе предпринять все, что будет в их силах, чтобы спасти Чарльза от полного безумия, мистер Вард и доктор Виллет стали по крупицам собирать сведения, которые могли бы хоть что-нибудь добавить к тому, что им было уже известно. Прежде всего они обратились к слухам, ходившим в Потаксете. Выяснить это было нетрудно, поскольку оба имели немало друзей в округе. С доктором Виллетом люди говорили откровеннее, чем с отцом Чарльза, и из услышанного он сделал вывод, что в последнее время Чарльз вел действительно странную жизнь. Досужие языки приписывали обитателям коттеджа причастность к вампиризму, свирепствовавшему прошлым летом; а грузовики, подъезжавшие к дому молодого Варда в глухие часы ночи, давали пищу самым мрачным предположениям. Местные торговцы рассказывали о подозрительных заказах Варда, поступавших к ним через угрюмого мулата, и главным обра-

зом о невероятном количестве мяса и свежей крови, которую доставляли мясники с ближайшей бойни. Поскольку в доме жили лишь три человека, эти заказы представлялись поистине абсурдными.

Кроме того, люди рассказывали о голосах, раздававшихся из-под земли. Проверить эти слухи было значительно труднее, но для них имелись вполне реальные основания. Когда слышались эти звуки, окна дома были темны, а это значило, что источник их – в каком-то подвале. Все были убеждены, что под домом находится разветвленная сеть глубоких подземных ходов. Припомнив старинные легенды о катакомбах, вырытых Джозефом Карвенем, и не сомневаясь в том, что Чарльз выбрал этот коттедж именно потому, что он расположен на месте той зловещей фермы, Виллет и мистер Вард не оставили эти слухи без внимания. Они несколько раз безуспешно старались отыскать на крутом речном берегу потайную дверь, о которой упоминал старый манускрипт. В том, что касалось обитателей дома, общественное мнение было единодушно: мулат внушал всем отвращение, борода того доктора Аллена в черных очках боялись, а к бледному молодому ученому испытывали инстинктивную неприязнь. В последние недели две Вард очень сильно изменился: он оставил попытки казаться любезным и общительным в тех немногих случаях, когда выходил из дома, и разговаривал лишь хриплым, внушающим непонятный страх шепотом.

Таковы были подробности, собранные мистером Вардом и

доктором Виллетом, и они долго их обсуждали, в меру своих сил пытаясь применить индуктивный и дедуктивный методы, сопоставляя все известные факты жизни Чарльза за последнее время – в том числе его отчаянное письмо, которое доктор наконец решил показать отцу, – со скудными документальными данными, касающимися покойного Джозефа Карвена. Они многое бы дали за то, чтобы хоть мельком заглянуть в найденные Чарльзом бумаги, ибо не сомневались, что истоки безумия юноши связаны с тем, что он узнал о старом колдуне и его деяниях.

4

Вскоре эта странная история приняла иной оборот, но в том нет заслуги мистера Варда или доктора Виллета, которые бездействовали, столкнувшись с чем-то не поддававшимся объяснению. Чарльз писал родителям все реже. Наступило начало месяца, когда он обычно улаживал свои финансовые дела, и клерки некоторых банков в недоумении пожимали плечами и советовались друг с другом по телефону. Представители банков, знавшие Чарльза Варда в лицо, посетили его коттедж в Потаксете и постарались выяснить, почему все чеки, которые он подписывал в последнее время, представляют собой грубую подделку. Они остались недовольны объяснениями, произнесенными хриплым шепотом. Молодой Вард уверял их, что нервное расстройство так повлияло на правую

руку, что ему трудно писать. Он даже вынужден печатать на машинке все свои письма.

Однако банковских инспекторов поразило не столько это обстоятельство, в котором не было ничего необычного или подозрительного, и даже не ходившие в Потаксете разговоры, отголоски которых долетели и до них. Главным образом их смутила бессвязная речь молодого человека, свидетельствующая о полной потере памяти во всем, что касалось финансовых вопросов и расчетов, которые пару месяцев назад не представляли для него никаких затруднений. На первый взгляд он говорил вполне связно и разумно, но проявлял полное невежество в важнейших вещах, которое тщетно пытался скрыть. И хотя никто из этих людей не был особенно близок с молодым Вардом, они поневоле замечали перемену в его поведении и речи. Они слышали, что Чарльз Вард – любитель и знаток старины, но ни один самый заядлый поклонник всего старинного не пользуется в обыденной жизни устаревшими выражениями и жестами. Все это, вместе взятое, – сиплый голос, трясущиеся, словно пораженные параличом руки, провалы в памяти, затрудненная речь и странные манеры – казалось проявлением тяжелой болезни, которая давала пищу для новых слухов, вскоре широко распространившихся. Покидая своего клиента, инспекторы решили, что им совершенно необходимо переговорить с Вардом-старшим.

Шестого мая 1928 года в конторе мистера Варда состоялась длительная и серьезная беседа, после которой до край-

ности расстроенный мистер Вард вызвал доктора Виллета и признался, что бессилён что-либо предпринять. Виллет, просмотрев чеки Чарльза с неуклюже нацарапанными подписями, мысленно сравнил их с почерком, которым было написано последнее письмо. Разница бросалась в глаза, но такой почерк, как на чеках, доктор уже где-то встречал. Буквы были угловатыми и архаическими, их очертания и наклон разительно отличались от написания этих букв Вардом. Весьма необычный почерк, но где он мог его видеть? Не оставалось сомнений в том, что Чарльз сошел с ума, не правомочен распоряжаться своим имуществом и должен быть изолирован от внешнего мира. Его следовало срочно взять под наблюдение и лечить. Мистер Вард вызвал известных психиатров – докторов Пека и Вейта из Провиденса и доктора Лаймана из Бостона – и при участии доктора Виллета подробно рассказал им о предыстории болезни Чарльза. Они собрались в бывшей библиотеке больного, просматривая оставленные Чарльзом книги и бумаги, чтобы получить представление о его наклонностях и характере. Изучив этот материал, а также письмо, написанное Виллету, психиатры согласились, что столь интенсивные занятия Чарльза Варда могли разрушить или, по крайней мере, деформировать нормальный интеллект, и выразили желание увидеть прочие книги и документы, с которыми Чарльз работает в настоящее время. Но это можно было сделать только в его доме в Потаксете. Виллет занялся случаем Варда с удвоенной энергией и среди прочего до-

был показания рабочих, видевших, как Чарльз нашел документы Карвена, а также обнаружил, просматривая подшивки «Джорнал», что Чарльз скрывал от своих домочадцев газетные заметки о кладбищенских происшествиях.

В четверг, 8 марта, Виллет, Пек, Лайман и Вейт нанесли молодому Варду визит, не скрывая своих целей. Они намеревались задать ему, уже официально признанному их пациентом, множество вопросов, интересуясь каждой мелочью. Чарльз, которого им пришлось чрезвычайно долго ждать, наконец появился, источая странный и неприятный запах, и казался очень взволнованным. Однако он был настроен мирно и без всяких возражений признал, что его память и общее самочувствие сильно пострадали от непосильных занятий. Он не возражал, когда врачи настойчиво посоветовали ему сменить обстановку, и продемонстрировал поистине блестящие знания во всем, что не касалось современной жизни. Его спокойное и сдержанное поведение могло бы смутить врачей, если бы не архаичный строй его речи, несвойственный современному человеку, что указывало на явные отклонения в психике. О своей работе он рассказал врачам не больше, чем ранее сообщил родителям и доктору Виллету, а письмо, написанное им в прошлом месяце, приписывал нервному расстройству, которое вызвало истерический припадок. Он утверждал, что в коттедже нет ни второй библиотеки, ни лаборатории, и объяснял временный уход из родительского дома нежеланием наполнять его запахами, которые прямо-таки

пропитали всю его одеялу. Разговоры соседей он считал глупыми выдумками невежественных людей, терзаемых неутоленным любопытством. Относительно нынешнего местопребывания мистера Аллена он не сказал ничего определенно-го, но уверял, что тот появится, когда в этом будет необходимость. Расплачиваясь с молчаливым мулатом, не ответившим ни на один вопрос гостей, и запирая свое таинственное жилище, молодой Вард не проявил никакой нервозности и лишь на короткое время задержался у двери, словно прислушиваясь к каким-то очень слабым звукам. По-видимому, он отнесся к происходящему философски, решив покориться, словно его отъезд – временное и незначительное обстоятельство и для него будет лучше, если все пройдет без лишних осложнений. Казалось, он был абсолютно уверен в том, что выдающийся ум и сообразительность помогут ему выбраться из неприятного положения, в которое его поставили пробелы в памяти, утрата голоса и изменившийся почерк, затворничество и эксцентричное поведение. Все сошлись во мнении, что миссис Вард не следует ни о чем сообщать, а муж продолжит посылать ей письма от имени Чарльза.

Молодого Варда поместили в частную лечебницу доктора Вейта в Коннектикут-Айленде, расположенную на берегу залива, в уединенном и живописном месте, где он находился под постоянным врачебным наблюдением. Именно тогда были замечены странности физиологического характера – замедленный обмен веществ, огрубевшая и вялая кожа, ано-

малии нервных реакций. Больше всего этим был обеспокоен доктор Виллет, поскольку он знал Варда с самого рождения и лучше всех мог заметить, насколько далеко зашел этот процесс. Даже хорошо знакомая доктору овальная родинка на бедре Чарльза рассосалась, а на груди появилось большое родимое пятно или шрам, которого там раньше не было. Увидев эту отметину, Виллет стал подумывать, не подвергся ли юноша операции, производимой на сборищах сатанистов в диких и уединенных местах, в результате которой на теле появляется так называемый «ведьмин знак». Доктор припомнил одну из записей о салемских ведьмах, которую ему показывал Чарльз еще тогда, когда не хранил в тайне свои находки. В ней говорилось следующее: «Мистер Г. Б. сообщает, что в ту Ночь Дьявол пометил своим Знаком Бриджит С., Джонатана А., Саймона О., Деливеренс В., Джозефа К., Сюзен П., Мехитейбл К. и Дебору В.». Само по себе лицо молодого Варда вызывало у доктора безотчетный страх, и в один прекрасный день он осознал причину этого. Над правым глазом юноши появилась какая-то неровность, ранее отсутствовавшая: небольшой шрам или углубление, точно такое же, как на старом портрете Джозефа Карвена, – возможно, след какого-нибудь ритуального надреза или укола, произведенного Чарльзом Вардом на определенной стадии магических изысканий, как в свое время поступил и Джозеф Карвен.

Случай Чарльза Варда поставил в тупик врачей лечебни-

цы; тем не менее велось тщательное наблюдение за корреспонденцией, адресованной как ему, так и доктору Аллену. Мистер Вард распорядился переправлять все письма прямо к нему. Впрочем, доктор Виллет был заранее убежден, что эти меры не дадут существенных результатов, ибо все действительно важное Аллен наверняка передавал через посланцев. Однако в конце марта пришло письмо из Праги, которое заставило мистера Варда и доктора серьезно задуматься. Написанное старинными угловатыми буквами, оно изобиловало теми же странными архаизмами, какие употреблял в своей речи молодой Вард. Вот содержание письма:

*Кляйнитрассе 11,
Альштадт, Прага,
11-го дня месяца февраля 1928 года*

Брат мой в Альмонсине-Метратоне!

Сего дня получил уведомление Ваше касательно того, что возродилось из золы, посланной мною. Сия ошибка означает со всей ясностью, что надгробья были переставлены, когда Барнабус доставил мне сей Образец. Такое случается весьма часто, как Вы должны были заключить по Веци, что получили из Королевской Усыпальницы в году 1769, памятуя также о Веци, добытой X. в году 1690 с Кладбища в Олдбери-Пойнт, что едва его не погубило. Нечто подобное получил я в землях Египетских тому назад 75 лет, откуда и происходит Шрам, замеченный

Мальчишкой на моем теле в году 1924. Как и много лет назад, снова говорю вам: не вызывайте То, что не сможете одолеть из мертвой Золы, равно как и из внешних Сфер. Держите постоянно наготове Слова, потребные для того, чтобы вернуть нечто в небытие, и немедленно остановитесь, если появится хотя бы малейшее сомнение относительно того, КТО перед вами. Надгробья переставлены уже в 9 случаях из 10. Пока не выяснишь досконально, нельзя быть уверенным. Сего дня слышал я известие о Х., у которого случилось несогласие с Солдатами. Думаю, он горько жалеет, что Трансильвания перешла от Венгрии к Румынии, и сменил бы местожительство, если бы Замок не был полон Тем, что Нам с Вами известно. Впрочем, о сем предмете он, без сомнения, уже отписал Вам. В следующей моей Посылке будет кое-что из содержимого Восточного Кургана; надеюсь, это доставит Вам немалую радость. Тем временем не забывайте, что я имею сильное желание получить Б.Ф.; не сможете ли добыть его для меня? Дж. из Филадельфии Вам известен лучше, чем мне. Предоставляю Вам взять его первым, но не используйте его с чрезмерным усердием, чтобы он не стал проявлять Упорство, ибо в конце я тоже намерен говорить с ним.

Йог-Сотот Неблод Зин

Саймон О.

Мистеру Дж. К.

в Провиденсе.

Мистер Вард и доктор Виллет не знали, что и думать об этом послании, носящем явные следы безумия его автора. Только со временем проникли они в суть странного документа. Значило ли это, что душой изысканий, которые велись в Потаксете, был не Чарльз Вард, а отсутствующий ныне доктор Аллен? Это могло объяснить многие казавшиеся дикими и безумными заявления, содержащиеся в последнем, написанном в лихорадочном возбуждении, письме юноши. Почему корреспондент называет странного бородатого человека в темных очках не Алленом, а «Дж. К.»? Единственное объяснение, напрашивавшееся при этом, казалось слишком невероятным. Кто такой «Саймон О.»? Некий невероятно старый человек, которого Чарльз Вард посетил в Праге четыре года назад? Не исключено, хотя полтора столетия назад существовал еще один Саймон О.: Саймон Орн, он же Джедедия из Салема, исчезнувший бесследно в 1771 году. Более того: *характерный почерк «Саймона О.» из Праги доктор Виллет признал идентичным тому, которым были написаны формулы Орна на фотоконии старинного документа, однажды показанной ему Чарльзом Вардом.* Какие запретные тайны, какие жуткие извращения законов природы вновь, спустя полтора столетия, пробудились в старом Провиденсе, дотоле мирно дремавшем под сенью своих куполов и остроконечных крыш?

Озадаченный мистер Вард в сопровождении доктора Вил-

лета отправился в лечебницу, где они со всей возможной деликатностью стали расспрашивать Чарльза о докторе Аллене, о путешествии в Прагу и о том, что было ему известно о Саймоне или Джедедии Орне из Салема. На все это молодой человек с вежливо-безразличным видом, произнося фразы все тем же лающим хриплым шепотом, отвечал, что привлек к своим исследованиям доктора Аллена для того, чтобы иметь как можно более тесную спиритическую связь с духами определенных людей, вызывая их из прошлого, и что пражский корреспондент доктора Аллена, должно быть, обладает аналогичным даром. Покидая Чарльза, раздосадованные Виллет и Вард осознали, что на самом деле именно их подвергли тщательному допросу: изолированный от мира пациент психушки очень ловко вытянул из них всю информацию, содержащуюся в письме из Праги.

Доктора Пек, Войт и Лайман не были склонны придавать большое значение этому странному посланию коллеги молодого Варда; они знали, что подобные люди, особенно если они охвачены одной и той же манией, стремятся контактировать друг с другом. Доктора считали, что Чарльз или Аллен просто-напросто разыскали какого-нибудь эмигранта, который, вероятно, когда-то видел почерк Орна и старался теперь как можно тщательнее скопировать его, пытаясь представить себя воплощением давно умершего человека. Возможно, таким же был и сам Аллен, заставивший молодого

Варда признать себя аватарой⁶³ Джозефа Карвена, который скончался полтора века назад. Подобные случаи мании были известными и прежде, на каковом основании врачи отмахнулись от гипотез доктора Виллета, проявлявшего все большее беспокойство по поводу нынешнего почерка Чарльза Варда, о котором он мог судить по нескольким образцам, добытым с помощью различных уловок. Виллет наконец вспомнил, где ему попадался похожий почерк, – больше всего он напоминал руку старого Джозефа Карвена. Однако приезжие знаменитости считали изменившийся почерк новой фазой подражания, что и следовало ожидать при маниакальном состоянии подобного вида, и отказывались придавать этому факту какое-либо иное значение. Не встретив понимания у своих коллег, Виллет посоветовал мистеру Варду оставить у себя письмо, которое пришло второго апреля из местечка Ракус в Трансильвании на имя доктора Аллена. Адрес был написан почерком, столь схожим с шифрованным манускриптом Хатчинсона, что изумленные мистер Вард и доктор не сразу решились вскрыть конверт. В письме говорилось:

Замок Ференци, 7 марта 1928 года.

Дражайший друг К.

В Замке побывал отряд Милиции в двадцать человек

⁶³ *Аватара* – в индуизме воплощение бога Вишну в облике различных людей и животных. В данном случае речь идет о предполагаемом воплощении духа Джозефа Карвена в теле Чарльза Варда.

числом. Стремилась выведать, есть ли правда в том, что болтают местные поселяне. Следует лучше хранить Тайну, дабы не допустить распространения Слухов. Эти проклятые румыны сильно докучают мне, ибо ведут себя как важные чиновники и чванятся; мадьяр же всегда можно было расположить к себе добрым вином и угощением. В прошлом месяце М. достал мне Саркофаг Пяти Сфинксов из Акрополя, где обещал пребывать Тот, Кого я вызвал, и я имел три Беседы с Тем, Кто был Внутри. Он отбыл в Прагу прямо к С. О., а оттуда направится к вам. Он упрямится, но Вы знаете, как управляться с подобными. Поистине, Вы проявили Мудрость, держа таковых в меньшем количестве, нежели ранее, ведь теперь нет необходимости держать Стражей наготове, и будет меньше найдено в случае Неприятностей, как вам слишком хорошо известно. Вы можете переехать в иное место и работать там, не подвергаясь опасности, хотя я питаю надежду, что ныне Никто не заставит Вас предпринять такой шаг, чреватый многими трудами.

Я весьма доволен, что Вы реже общаетесь с Теми, что обитают Вне Нашего Мира, ибо в этом всегда таилась смертельная опасность. Вы сами знаете, что произошло, когда Вы попросили Защиты у одного из Них, не расположенного снисходить к этой просьбе. Вы превосходите меня в искусстве составлять формулы таким образом, что произносить их успешно сможет другой; однако Бореллий утверждает, что главное

– найти верные Слова. Часто ли употребляет их Мальчишка? Искренне сожалею, что он начинает проявлять Непослушание и Строптивость. Впрочем, я опасался этого, когда он гостил у меня здесь целых пятнадцать месяцев. Но известно мне, что Вы отменно с ним управляетесь. Вы не можете повергнуть его с помощью формул, ибо они оказывают действие лишь на тех, кто вызван к жизни из Золы другими формулами, от тех отличными, но в Вашем распоряжении сильные Руки, Нож и Пистолет, и не составляет особого труда вырыть Могилу либо облить тело кислотой, дабы его уничтожить. О. сообщает, что Вы обещали ему Б. Ф. Я должен получить его следующим. Б. скоро прибудет к Вам и, надеюсь, поведает о Темном Существе из-под Мемфиса. Будьте осторожны с Тем, что вызываете к жизни, и берегитесь Мальчишки. Время пришло, через год к Вам могут явиться Легионы из Бездны, и тогда не будет пределов нашему Могуществу. Верьте моим словам, ибо Вы знаете О., да и я прожил на 150 лет дольше Вашего и имел больше времени на изучение сих Материй. Нефрен-Ка наш Хадот Эдв. X.

*Дж. Карвену, эсквайру,
Провиденс.*

Виллет и мистер Вард не стали показывать это письмо психиатрам, однако не преминули предпринять определенные самостоятельные шаги. Все ученые рассуждения, все доводы современной науки были бессильны опровергнуть тот

факт, что доктор Аллен, щеголявший явно фальшивой бородой и никогда не снимавший черных очков, которого Вард в своем паническом письме представил как некую чудовищную угрозу, поддерживал постоянную связь с двумя загадочными и опасными личностями.

Этих людей Вард посетил во время своих странствий; эти люди утверждали, что являются салемскими коллегами Карвена или же их аватарами. Без сомнения, Аллен рассматривал себя как воплощение самого Джозефа Карвена и намеревался осуществить (во всяком случае, к этому его постоянно побуждали сообщники) некий зловещий план относительно «мальчишки», под каковым почти наверняка подразумевался Чарльз Вард. Налицо был некий чудовищный заговор, главой которого являлся доктор Аллен. По счастью, Чарльз находился в лечебнице, где ему ничто не угрожало. Мистер Вард, не теряя времени, нанял детективов, дав им задание разузнать как можно больше о загадочном бородатом «докторе»: выяснить, когда именно он явился в Потаксет, что думают о нем местные жители, и, если возможно, установить его нынешнее местопребывание. Передав детективам один из ключей от дома в Потаксете, взятый у Чарльза, мистер Вард попросил тщательно осмотреть комнату, которую ранее занимал Аллен, и попытаться добыть какие-нибудь улики, наводящие на след «доктора». Вард инструктировал детективов в старой библиотеке Чарльза, и эти люди с облегчением вздохнули, покинув помещение, где им было

явно не по себе. Возможно, на детективов произвело впечатление то, что они услышали о недоброй памяти старом колдуне, чей портрет еще недавно украшал панель над камином, а быть может, дело было в самой тамошней атмосфере. Так или иначе, им казалось, будто они надышались ядовитых миазмов, как будто исходивших от резного камина и временами сгущавшихся в физически осязаемую эманацию зла.

Глава пятая

Ужас и катастрофа

1

Приближалось событие, навсегда отметившее печатью страха душу Маринуса Бикнелла Виллета и состарившее на добрый десяток лет этого человека, чья молодость и без того давно уже миновала. Виллет долго совещался с Вардом-старшим, и они пришли к единому мнению относительно происходящего, хотя понимали, что психиатры, как и весь цивилизованный мир, узнав об их выводах, наверняка подняли бы их на смех. Темные силы с помощью некромантии и колдовства куда более древнего, чем обряды салемиских ведьм, плели адскую сеть, в которую должно было угодить человечество. Хоть это и противоречило всем известным законам природы, неопровержимые факты указывали на существование по крайней мере двух (а также третьего, чье имя они по возможности избегали упоминать) воплощений неких таинственных существ, о которых впервые стало известно в 1690 году. Деяния и цели этих чудовищ – а также, увы, Чарльза Варда – были ясны из их посланий друг другу и из сообщений тех, кто был знаком с ними как в далеком прошлом, так

и в наши дни. Они похищали из могил недавно погребенные или давным-давно истлевшие тела, в том числе останки величайших мудрецов мира, в надежде вытянуть из них все знания, какими те обладали при жизни.

Дьявольские создания вели между собой торговлю, одна мысль о которой заставила бы содрогнуться любого нормального человека: со счастливой безмятежностью и холодной расчетливостью школьников, меняющихся картинками, они обменивались костями знаменитых усопших, и те знания, что они извлекали из тысячелетних останков, должны были дать им могущество, которым не обладал доселе ни один смертный. Они изобрели противные природе и человеческому естеству способы воскрешать тело и мозг давно умершего и истлевшего человека, останки которого им доставляли, и извлекать из него любые сведения. Они следовали указаниям средневекового философа Бореллия, учившего готовить из истлевшего праха «основные соли», из которых можно воссоздать живое подобие давно умершего человека. Им была известна формула, с помощью которой они оживляли эти «тени», и еще одна формула, которая их уничтожала. Они достигли в своих мерзких деяниях совершенства и могли научить страшным формулам любого. Однако, вызывая тени, они могли ошибиться и воскресить не того, кто им нужен, ибо с течением времени надгробья могли быть переставлены.

Доктор Виллет и мистер Вард с ужасом поняли, что кол-

дуны способны вызвать страшные тени не только из человеческих могил, но и из иных сфер, и эти существа могут представлять грозную опасность. Джозеф Карвен, без сомнения, совершал немало того, что даже в их колдовском кругу считалось запретным, – может быть, на что-то подобное отважился и Чарльз? Какие силы из «иных сфер» дошли до нас со времен Джозефа Карвена и заставили разум Чарльза обратиться к прошлому? Эти силы направляли его, и он был не в состоянии им противиться: Чарльз вел долгие беседы с одним из колдунов в Праге и гостил у другого, затаившегося в горах Трансильвании. В конце концов он нашел подлинную могилу Джозефа Карвена. Такой вывод можно было сделать из газетных заметок; об этом же говорил странный шум, услышанный ночью миссис Вард в покоях сына. Чарльз вызвал нечто ужасное, и оно явилось на его зов. Громовой голос, который домочадцы Чарльза слышали в Страстную пятницу, и странные разговоры в его лаборатории на чердаке – на что были похожи эти глухие звуки, отдававшиеся во круг многократным эхом? Не был ли обладатель этого голоса предтечей таинственного доктора Аллена, внушавшего ужас всем, кто слышал его низкий бас, словно исходящий из бездны? Недаром у мистера Варда так сильно забилося сердце, когда он говорил по телефону с этим человеком – если это действительно был человек.

Какое дьявольское существо, какая тень, вырвавшаяся из ада, явилась к Чарльзу Варду в ответ на его заклинания, про-

изнесенные за крепко запертой дверью лаборатории? А что означали слова: «Три месяца нужна кровь»? Боже правый! Разве все это не предшествовало появлению неизвестного вампира? Осквернение могилы, где покоился Эзра Виден, страшные вопли в Потаксете – кто задумал эту месть, кто нашел заброшенное гнездо богопротивных деяний? Уединенно стоящий коттедж, бородатый незнакомец, пересуды и страхи соседей... Мистер Вард и доктор Виллет были уверены, что разум и воля Джозефа Карвена вернулись на землю и продолжают лелеять нечистые замыслы. Неужели одержимость дьяволом – не выдумка? Во всем этом был замешан таинственный доктор Аллен, и детективы получили задание узнать все об этом человеке или фантоме, чье существование угрожало жизни молодого Варда. Без сомнения, под уединенным коттеджем раскинулась целая сеть подземелий, и нужно было, приложив максимум усилий, как можно скорее их отыскать. Врачи-психиатры скептически относятся ко всему сверхъестественному; посему Виллет и Вард решили предпринять поиски самостоятельно, не упуская ни одной мелочи. Они договорились встретиться на следующее утро у дома в Потаксете, взяв с собой необходимые инструменты, чтобы раскопать вход в подземелье, если они его обнаружат.

Шестого апреля стояла ясная погода, и они были на месте ровно в десять часов. Мистер Вард, имевший ключ от дома, открыл входную дверь, и они прошли по комнатам, внима-

тельно их осматривая. В комнате, которую прежде, вероятно, занимал доктор Аллен, царил беспорядок, явно оставленный побывавшими здесь детективами. Мистер Вард выразил надежду, что они нашли что-нибудь важное. Особый интерес представлял погреб, поэтому друзья, не мешкая, спустились туда и обошли его кругом. В тот день, когда Чарльза увезли в лечебницу, они уже обыскивали подвал, однако безрезультатно. Каждый дюйм утоптанного земляного пола и каменных стен казался настолько прочным и нетронутым, что трудно было даже предположить наличие где-то здесь отверстия, ведущего в мрачное подземелье. «Этот погреб некогда вырыл человек, не имевший ни малейшего понятия о скрытых под ним катакомбах, – подумал Виллет. – Значит, подземный ход, соединяющий подвал с катакомбами, был прорыт Чарльзом и его сообщниками совсем недавно и, возможно, не с первой попытки».

Доктор попробовал поставить себя на место Чарльза – где бы тот в первую очередь предпринял раскопки? – но ему ничего не приходило в голову. Тогда он решил прибегнуть к методу исключения и снова обошел подвал, внимательно рассматривая и выстукивая каждый дюйм стен и пола. Вскоре площадь его поисков значительно сократилась, и наконец остался только небольшой участок пола – плита перед трубами отопления, где раньше он ничего не заметил. Нагнувшись, доктор Виллет нажал на плиту изо всех сил, пытаясь ее повернуть, и внезапно она поддалась, соскользнув в сто-

рону и открыв аккуратно залитое цементом углубление с железным люком посередине. Мистер Вард с юношеской живостью тотчас же спрыгнул туда и поднял крышку люка. Он сделал это без особых усилий, однако доктор заметил, что лицо Варда покрылось мертвенной бледностью, после чего он пошатнулся и уронил голову на грудь. Из черного отверстия, зиявшего у их ног, вырвалась струя затхлого зловонного воздуха.

Доктор Виллет быстро вытащил из ямы своего теряющего сознание спутника и брызнул ему в лицо холодной водой. Мистер Вард открыл глаза и глубоко вздохнул; бледность сошла с его щек, но было видно, что зловонные миазмы, проникшие из подземелья, не дают ему дышать свободно. Не желая рисковать, Виллет выбежал из дома, добрался до шоссе, поймал такси и отправил находившегося в полубормочном состоянии мистера Варда к нему домой, несмотря на его слабые протесты. Затем доктор вынул из сумки электрический фонарик, закрыл рот повязкой из стерильной марли и спустился к люку, чтобы заглянуть в обнаруженное ими подземелье. Зловоние немного рассеялось, и Виллет, нагнувшись, осветил лучом фонарика внутренность этой адской дыры. Примерно на десять футов вниз простирался бетонный колодец, по стене которого шла железная лестница, а ниже ее сменили истертые каменные ступени – вероятно, когда-то они выходили прямо на поверхность земли немного южнее того места, где теперь стоял дом.

Позже Виллет признался, что довольно долго стоял у люка, не решаясь в одиночку спуститься в зловонную бездну и вспоминая рассказы Люка Феннера о последней ночи старого колдуна. Наконец чувство долга победило страх, и доктор начал спуск. Он взял с собой сумку, куда намеревался складывать найденные бумаги, которые сочтет достаточно важными. Медленно, как и подобало человеку его возраста, спустился он по железной лестнице и ступил на скользкий каменный пол. Луч фонарика осветил ступени, высеченные в скале полтора века тому назад; на сочащихся сыростью стенах он увидел болезненно-бледный мох, казалось, питавшийся миазмами подземелья. Все дальше вниз вела лестница, делавшая три крутых поворота. Спуск был так узок, что два человека с трудом могли бы разойтись. Виллет насчитал около тридцати ступеней, когда его ушей достиг слабый звук, заставивший его позабыть о всяких подсчетах.

Этот дьявольский звук сочетал в себе низкий тягучий вой, приглушенный вопль нестерпимой боли, душераздирающий предсмертный стон и безнадежную мольбу лишенной разума и обреченной на гибель плоти. Не к этому ли звуку прислушивался молодой Вард в тот день, когда его увозили в лечебницу? Виллет никогда в жизни не слышал ничего подобного. Между тем исходящий из неведомых глубин вой не

прекращался ни на минуту. Доктор, медленно спускаясь по истертым ступеням, дошел до конца лестницы и, посветив вокруг фонариком, увидел высокие стены с циклопическими сводами и множество темных арочных проемов по бокам. Высота сводчатого зала превосходила четырнадцать футов при ширине от десяти до двенадцати футов. Пол покрывали большие плиты тесаного камня, стены и потолок были оштукатурены. О длине помещения трудно было судить – оно казалось уходящим в темную бесконечность. Некоторые из боковых ходов имели двери из широких досок в старом колониальном стиле, в других дверей не было вовсе.

Преодолевая страх, внушенный зловонием и неутрачиваемым воем, Виллет стал один за другим исследовать боковые ходы. Они вели в залы с крестовыми сводами или небольшие комнаты; во многих были устроены камины или печи, трубы которых представляли собой любопытные образчики старинного ремесла. Отовсюду из-под толстых слоев пыли и паутины, накопившейся здесь за полтора века, выглядывали детали диковинных приспособлений и инструментов, каких Виллету не приходилось видеть ни ранее, ни впоследствии. Многие из них были сломаны и казались намеренно разброшенными, словно эти комнаты подверглись нападению или обыску. Однако многие помещения были совершенно нетронуты – судя по примитивным инструментам, как раз в них Джозеф Карвен проводил свои первые опыты. Наконец Виллет набрел на комнату, обустроенную совсем недавно. Там

имелись воздухонагреватели, книжные полки, столы, стулья и шкафы, а также письменный стол, заваленный старинными и современными документами. Обнаружив масляные лампы, подсвечники и коробку спичек, доктор зажег несколько свечей.

Когда в помещении стало светлее, Виллет понял, что это и есть новый кабинет или библиотека Чарльза Варда. Он узнал многие из находившихся здесь книг, а мебель почти вся была перевезена из особняка Вардов на Проспект-стрит. Всюду попадались вещи, хорошо знакомые Виллету, и это чувство узнавания овладело им настолько, что он уже не замечал смрада и зловещего воя, хотя они ощущались здесь сильнее, чем у начала лестницы. Главной его задачей было найти какие-нибудь важные бумаги, и в первую очередь те документы, которые Чарльз обнаружил за портретом Карвена в Олни-Корт. Начав поиски, доктор понял, с какими невероятными трудностями придется встретиться тем, кто будет досконально расследовать это дело, ибо сотни папок были заполнены бумагами, написанными необычным почерком и снабженными непонятными иллюстрациями. Для того чтобы все это прочесть и расшифровать, могли понадобиться месяцы и даже годы. Он нашел среди бумаг целые связки писем, отправленных из Праги и Ракуса, причем адреса на конвертах были проставлены рукой Орна или Хатчинсона. Все эти письма доктор Виллет отобрал и поместил в свою сумку.

Наконец в запертом шкафчике красного дерева, который

раньше украшал кабинет молодого Варда, доктор нашел кучу старых бумаг Карвена, тотчас их узнав, хотя Чарльз некогда позволил ему взглянуть на них лишь мельком. Все было на месте, кроме писем, адресованных Орну и Хатчинсону, и шифрованного манускрипта с ключом к шифру. Виллет положил все эти бумаги в сумку и продолжал просматривать папки. Желая понять причину внезапного безумия Чарльза, доктор с особым вниманием изучал позднейшие записи. К его удивлению, лишь немногие из них были сделаны обычным почерком Чарльза – самая поздняя более двух месяцев тому назад. Зато имелись целые груды листов, покрытых символами и формулами, многочисленные заметки по истории и философии – все это было написано угловатым почерком Джозефа Карвена, причем написано совсем недавно. Возникало впечатление, что в последнее время Чарльз Вард старательно имитировал архаичную манеру письма старого колдуна и поистине достиг в этом совершенства. При этом здесь не обнаружилось образцов иного почерка, которые можно было бы приписать Аллену. Если он действительно был в этом деле за главного, то, очевидно, заставлял молодого Варда исполнять роль писца.

Особенно часто в записях попадалась некая магическая формула, которую Виллет по мере чтения невольно затвердил наизусть. Формула состояла из двух параллельных столбцов; над левым был начертан архаический символ, носящий название «Голова дракона», или «Восходящий узел»,

а над правым – соответственно, «Хвост дракона», или «Нисходящий узел». Доктор с удивлением заметил, что вторая часть формулы в целом повторяла первую, но с переставленными строками и слогами. Исключение составляли последние, несовпадающие строки и оставленное неизменным имя ЙОГ-СОТОТ, которое он встречал раньше в других бумагах в различных написаниях.

Й'АИ' НГ'НГАХ,
ЙОГ-СОТОТ
Х'ЕЕ—Л'ГЕБ
Ф'АИ ТРОДОГ
УАААХ

ОГТРОД АИ'Ф
ГЕБ'Л—ЕЕ'Х
ЙОГ-СОТОТ
НГАХ'НГ АИ'Й
ЗХРО

Виллет мог поклясться, что уже слышал где-то эту формулу, и каждый раз, когда он встречал ее в тексте, по спине пробегал холодок страха. Не в ту ли ужасную Страстную пятницу он слышал нечто подобное? Формула повторялась в бумагах так часто, что доктор, сам того не замечая, стал бормотать ее вслух. Наконец, просмотрев все бумаги и отобрав самые, по его мнению, важные, доктор решил оставить прочие до той поры, когда сможет привести сюда своих коллег-скеп-

тиков для более систематического дальнейшего осмотра. Надо было еще найти тайную лабораторию; поэтому, оставив сумку в освещенной комнате, Виллет снова вышел в черный зловонный коридор, под сводами которого эхом отдавался непрекращающийся тоскливый вой.

Открывая поочередно двери следующих комнат, доктор увидел, что некоторые из них совершенно пусты, другие заставлены полуистлевшими деревянными ящиками и свинцовыми гробами – размах чудовищных экспериментов старого Джозефа Карвена был воистину впечатляющим. Виллет размышлял о бесследно пропавших чернокожих рабах и местных моряках, о могилах, подвергшихся осквернению во всех частях света, и о том, что должны были увидеть те люди, которые участвовали в нападении на ферму Карвена. Но вот справа по ходу туннеля он увидел широкую каменную лестницу и подумал, что она должна вести к одному из домов в бывших владениях Карвена – возможно, к тому самому печально знаменитому каменному строению с узкими бойницами вместо окон, если считать, что лестница, по которой он спустился, находилась на месте главного здания фермы. Внезапно стены раздались вширь, зловоние и вой стали нестерпимыми, и перед доктором открылся огромный подземный зал. Он был так обширен, что луч фонаря не достигал его противоположного конца. Своды потолка поддерживали массивные колонны.

Через некоторое время он подошел к целой группе ка-

менных плит, расположенных кольцом, наподобие монолитов Стоунхенджа⁶⁴. В центре кольца на пьедестале высился резной алтарь, к которому вели три ступени. Доктор подошел поближе, чтобы рассмотреть причудливую резьбу при свете фонаря, но тут же подался назад, охваченный дрожью, и уже не пытался исследовать природу темных пятен, покрывавших верхнюю часть алтаря и тонкими полосками спускавшихся по его боковым сторонам. Пробравшись между колоннами к противоположной стене, он пошел вдоль ее массивной каменной кладки, образующей гигантский круг, кое-где разрываемый черными прямоугольниками дверей и усеянный множеством забранных железными решетками ниш, в глубине которых виднелись ручные и ножные кандалы, вделанные в заднюю стену. Все ниши были пусты. Зловоние и вой становились все сильнее, и иногда к стонам примешивались новые звуки, напоминавшие удары по чему-то скользкому и липкому.

⁶⁴ *Стоунхендж* (згл. «изогнутый камень») – одно из самых известных доисторических сооружений, относящееся к эпохе неолита или к бронзовому веку (большинство ученых датируют его II тысячелетием до н. э.). Расположен на юге Великобритании, близ г. Солсбери. Земляные валы, громадные каменные столбы и плиты образуют три концентрических круга. По преданию, Стоунхендж был воздвигнут друидами – жрецами древних кельтов, якобы обладавшими беспредельным могуществом. О назначении его до сих пор ведутся дискуссии; согласно одной из наиболее распространенных версий, это был храм Солнца, одновременно выполнявший функции астрономической обсерватории.

Жуткие звуки и смрад настолько усилились, что Виллет уже не мог сосредоточиться на чем-либо ином. Звуки эхом перекатывались в огромном зале и казались исходящими из какой-то бездонной пропасти, расположенной еще глубже, чем этот погруженный в темноту загадочный подземный мир. Прежде чем ступить на одну из лестниц, уходящих вниз от центрального зала, доктор осветил лучом фонарика вымощенный каменными плитами пол. На неравном расстоянии друг от друга попадались плиты со множеством небольших, беспорядочно расположенных отверстий; в одном углу зала была небрежно брошена очень длинная деревянная лестница, источавшая особо резкое зловоние. Осторожно обойдя лестницу, Виллет заметил, что и запах, и зловещие звуки чувствовались сильнее всего у странных плит с проделанными в них отверстиями. Похоже, они здесь играли роль люков, ведущих еще глубже, в самое средоточие ужаса. Встав на колени у одной из плит, доктор попытался приподнять ее, и ценой огромных усилий ему удалось это сделать. Когда он дотронулся до холодного камня, вой внизу стал громче, но, собрав все свое мужество, доктор приоткрыл каменную крышку подземного колодца. Из отверстия вырвалась струя невыносимого зловония, от которого Виллет едва не потерял сознание, но он все же откинул каменную плиту и осветил

зияющую черную дыру.

Он ожидал, что увидит ступени, ведущие вглубь, к источнику странных звуков, но, задыхаясь от ядовитых испарений, из-за которых началась резь в глазах, различил лишь кирпичный колодец диаметром примерно в полтора ярда. Ни ступенек, ни каких-либо иных приспособлений для спуска там не было. Когда луч света скользнул вниз, вой немедленно сменился ужасающими воплями, скрежещущими звуками; наконец раздался глухой гулкой стук, словно неведомое существо, таящееся в колодце, царапая когтями по скользким стенам, попыталось выбраться из своей темницы и сорвалось на дно. Доктора охватил ужас. Он боялся даже представить себе, как может выглядеть скрывавшееся внизу чудовище. Все же, собравшись с духом, он лег на пол и свесил голову за край люка, держа фонарик на расстоянии вытянутой руки и вглядываясь в темноту. Вначале были видны лишь скользкие, обросшие мхом кирпичные стены, бесконечно уходящие вниз, туда, где клубились тошнотворные испарения и раздавался злобный рев, а потом он различил лихорадочное движение в самой глубине узкого колодца, дно которого было на двадцать – двадцать пять футов ниже уровня каменного пола: что-то темное неуклюже прыгало, пытаясь выбраться наружу. Рука, державшая фонарик, дрогнула, но доктор заставил себя снова посмотреть вниз; он должен был убедиться, что в глубине зловещего подземелья действительно замуровано живое существо. Чарльз оставил его здесь

умирать от голода – ведь прошло уже несколько месяцев с тех пор, как его увезли в лечебницу, и из множества подобных тварей, заключенных в каменные гробы с просверленной крышкой, которых так много в этом огромном сводчатом подземелье, наверняка выжило лишь несколько. Каким бы ни было заживо погребенное существо, оно не могло даже улечься в своей тесной узкой норе: все эти страшные недели оно стонало, корчилось и выло, подпрыгивая на слабых ногах, тщетно ожидая избавления, ибо хозяин оставил его голодным и беспомощным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.